

И.С. ТУРГЕНЕВ

ОХОТНИК ДО СЧАСТЬЯ

С. 16

ДЕНЬ ЗНАНИЙ О БУДУЩЕМ

ХОТЯ МНОГИМ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ, ЧТО ДЕНЬ ЗНАНИЙ у нас в стране был всегда, как всегда были цветы учителям на 1 сентября, это не так. Этому празднику исполнилось в нынешнем году «всего лишь» тридцать лет. Он был учрежден в «другой» стране. Дети, которые пошли в школу впервые 1 сентября 1984 года, окончили ее, когда мир и общественное пространство их родной страны вокруг них разительно поменялись.

Первоклассники 1 сентября 1994 года стали свидетелями, возможно, меньших по драматизму перемен, однако все равно речь шла о достаточно динамичных изменениях вокруг нас. Ушли «лихие 90-е», настало десятилетие если не полного процветания, то довольно быстрого роста благосостояния страны и ее граждан, укрепления суверенитета России.

Между Россией-2004 и Россией-2014 дистанция тоже огромного размера. Те, кто пошел в школу впервые в этом году, окончат ее в 2024-м. Судя по начавшемуся в связи, в частности, с драматическими событиями на Украине переосмыслению роли нашей страны в мире и роли Русского мира в будущем мироустройстве вообще, нам предстоит десятилетие драматическое, полное масштабных трансформаций, всей глубины и долгосрочных последствий которых мы себе еще даже не можем представить. Уже сегодня присутствует ощущение масштабности вызова нашей стране (и в широком смысле – нашей русской цивилизации), который, возможно, станет одним из самых мощных за все время ее существования.

И дети, которые пойдут в школу в этом году, будут нашей главной опорой уже в исторически короткий срок. Понимание того, что наше образова-

ние, прежде всего школьное, должно стать адекватным вызовам нынешнего времени, в обществе есть, формируется оно и на политическом уровне. И когда речь идет о таких «частностях», как реформирование ЕГЭ, создание единых учебников по истории или литературе, возвращение в школу сдачи норм ГТО или политической информации, то на самом деле подразумевается гораздо большее. Прежде всего то, что те примерно 13,4 миллиона школьников, которые отправились за парты примерно 53,5 тысячи российских школ, не должны выйти из-за этих парт потерянными поколением. Но поколением, обретшим смысл прорыва своей страны в будущее. Это тот самый случай, когда если не осознать этого, начав действовать соответствующим образом сейчас, то завтра будет поздно. Звонок прозвенел. 📞

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Член Совета Федерации от администрации Краснодарского края

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественно-го фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор департамента специальной связи МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

НАСЛЕДИЕ

06 Шларраффия и Тартария

16 Наблюдатель

ИСТОРИЯ

26 Белорусский треугольник

СИТУАЦИИ

34 Всем миром

ИНТЕРВЬЮ

40 Игры
в классику44 «Часть
души
осталась
там...»

МУЗЕИ

50 Царство света

ТРАДИЦИИ

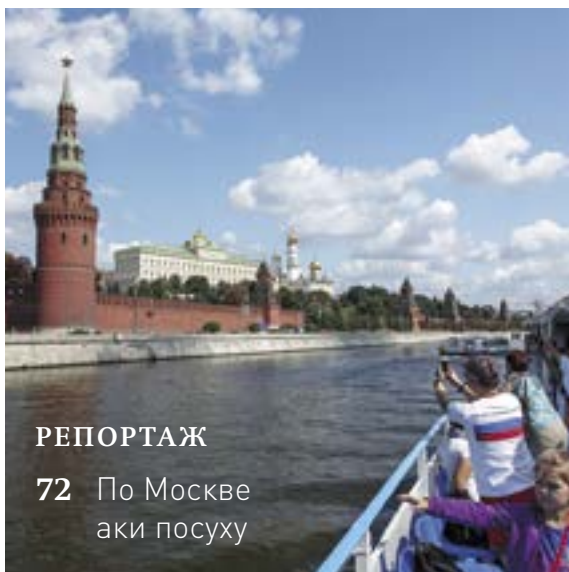

56 Но нас уже не будет

КУЛЬТУРА

66 Театр, сочиненный актерами

РЕПОРТАЖ

72 По Москве
аки посуху

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

82 Двое
на велосипеде

ПУТЕШЕСТВИЕ

88 Столица
сапожного
царства

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Юлия СЕМЕНОВА
Игорь ФОМЕНКО
Ирина ШЕВЧЕНКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ШЛАУРРАФФИЯ И ТАРТАРИЯ

АВТОР

ИГОРЬ ФОМЕНКО

ШЛАУРРАФФИЯ – ТАК НАЗВАНА
НЕОБЫЧАЙНАЯ СТРАНА,
ЛЕЖАЩАЯ ОТ НАС К ВОСТОКУ,
ОТ РОЖДЕСТВА НЕПОДАЛЕКУ,
ЖЕЛАЮЩИЙ ТУДА ПОПАСТЬ
ВОВСЮ ПУСКАЙ РАЗИНЕТ ПАСТЬ,
БОЛЬШУЮ РАЗДОБУДЕТ ЛОЖКУ
И ПОСТЕПЕННО, ПОНЕМНОЖКУ,
БЕССТРАШНО ДВИГАЯСЬ ВПЕРЕД,
В ГОРЕ ПШЕНА ПРОЕСТ ПРОХОД.
НЕ ТАК ВКУСНА ГОРА ПШЕНА,
ЗАТО ШЛАУРРАФФИЯ ВКУСНА...
ТАК ВОТ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, БРАТЦЫ:
ХЛЫЩИ, ОБЖОРЫ, ТУНЕЯДЦЫ,
ЛЕНТЯИ, ПЛУТЫ – ВСЕ НАЙДУТ
В СТРАНЕ ШЛАУРРАФФИИ ПРИЮТ.

**ГАНС САКС.
ШВАНК «ШЛАУРРАФФИЯ».
1530 ГОД**

ПОНЯТЬ МЕСТО РОССИИ И ЕЕ СОСЕДЕЙ на графических просторах эпохи Просвещения можно попытаться, изучив карту блаженной утопической страны Шларраффен (30-е годы XVIII века) и «Книгу глаголемую космография» (первая четверть XVIII века), которые хранятся сегодня в Государственном Историческом музее. Попробуем разобраться, чем руководствовались составители при создании этих карт.

Русская карта с изображением ойкумены, изготовленная в стиле народного лубка, восходит по своей форме и, в значительной мере, по содержанию к западноевропейской монастырской картографии. И это неудивительно, так как «Книга глаголемая космография» переведена бысть с римского языка». Основные структурные элементы

средневековых землеописаний, авторы которых являлись в основном сторонниками плоскостной формы Земли, формировали карты так называемого «Т–О типа», что и нашло свое воплощение у русских эпигонов, где центр мира, правда, уже не Иерусалим, а Константинополь–Царьград. Многочисленные легенды на карте с библейским экскурсом и этнографическим подтекстом могут многое поведать читателю о восприятии различных земель и стран, о месте России в мире простого человека (на которого и была рассчитана подобная продукция) в эпоху Просвещения, о настулении которой россиянин, сидя в курной избе, и не подозревал.

Что мы надеемся узнать, исследуя карту Шларраффии, увидевшую свет в Аугсбурге благодаря трудам мастера-картографа Маттеуса Зойтера? В основе карты лежит поэма Ганса Сакса, написанная в 1530 году, в которой повествуется о сюжетах, связанных с деньгами, едой и ничегонеделанием. На графических полях этой карты-сказки сюжетный ряд значительно расширен. Помимо тотального обжорства и безделья здесь присутствует 19 стран, в которых процветает то или иное наслаждение – от чревоутождения до наркомании. Вокруг этих счастливых беззаботных стран находятся еще четыре царства: Царство Молодости и Царство Старости, Святая Неведомая Земля, не забыта и Россия. Московия представлена в привычной для европейского зрителя ипостаси – Тартарского Царства (от подземного адского царства Тартар). При первом же взгляде на карту Шларраффии–Кокани можно увидеть, что средневековые страхи перед страной Гога и Магога вовсе не изжиты на Западе и в первой половине века XVIII. Роль Тартарского Царства помимо бремени «Третьего Рима» и немалого наследия улуса Джучи по-прежнему тащит на себе Россия, до конца еще не сбросившая кожу средневековой Московии.

Таким образом, перед нами два взгляда на Россию из XVIII столетия – европейский, «коканийский» и свой собственный, «космографический». И что самое интересное, «графические конструкции», являющиеся плодом века Просвещения, по своей основе, смысловой нагрузке и структуре – самое что ни на есть Средневековье.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

СТРАНА БЕЗЗАБОТНЫХ БЕЗДЕЛЬНИКОВ

Итак, обратимся к теме Земного Рая: наш Paradisland – предтеча всех «Диснейлендов» – в легендах разных народов мира приобретает вполне осязаемые черты, и возникают свои доморощенные Шларраффенландии. Название страны Шларраффен (Das Schlarraffenland) происходит от средневерхненемецкого слова slugaffe, обозначающего беззаботного бездельника. Это мифическая страна, в которой людям предоставлены все блага и наслаждения, причем без всяких усилий с их стороны. Шларраффия имеет своего двойника – страну Кокань, которая является романским аналогом Шларраффии. Сытая сказочная страна Сисания оставила значительный след в литературе Франции, Италии, Англии, Испании, Нидерландов.

Можно проследить долгий путь образа «страны наслаждений», который присутствует в литературе разных народов и насчитывает несколько тысячелетий. Это шумерский Дильмун, персидская

блаженная страна Шадукиам, китайский Пэнлай, где нет скорби и холода, где не оскудевают миски с рисом, а в чашах постоянно пенится вино. Прапрапрабабушку Кокани можно найти во времена золотого века Хроноса и Сатурна в староаттической комедии Гесиода, в безмятежной Аркадии, в счастливых странах Эльдорадо и Атлантида, в «птичьем городе» Аристофана, где царствует бесконечное веселье и изобилие, в Островах блаженных «Правдивой истории» Лукиана, где полно хлеба и радостей Венеры, на Елисейских полях у Вергилия... Эта дорога счастья из эпохи Древнего мира напрямую пролегла в Средневековье, где европейская Шларраффия–Кокань обрела законченный вид и уперлась в ров, заполненный молоком и медом, и в частокол из колбас.

В Средние века тема Шларраффии–Кокани расцвела пышным цветом, а накопленные уже географические знания привязывают эту сказочную страну к более или менее конкретному месту в Европе. В «Декамероне» Джованни Боккаччо

«Подробная карта страны Утопии, открытого мира плутов или же часто называемой, но никем не виданной Шларраффии, недавно выдуманная забавная карта». Маттеус Зойтер. Аугсбург. Вторая четверть XVIII века

Мазо рассказывает Каландрино чудесные байки про страну Живи-Лакомо, где виноград подвывают сосисками. Мифическая страна помещается уже не на дне морском, как в поэме X века «Унибос», а в конкретном месте – Стране Басков. В английской поэме XII–XIV веков сказочная Кокань, «которая лучше Рая», помещается к западу от Испании, в море, здесь, возможно, имеются в виду Канары. В средневековой «Новой истории города Кокань, рассказанной Александром Сиенским и его товарищем Варфоломеем» повествуется, что до сказочного города не менее 20 месяцев пути морем и сушей. Немецкий благополучный Шларраффенланд помещался европейской фантазией где-то между Прагой и Веной.

Из Средневековья сытый тракт, петляя по страницам европейской литературы, приводит в Новое время на графические поля европейской картографии XVII–XVIII веков. И вот на европейском календаре наступил 1883 год, когда детище Карло Коллоди Pinocchio, несмотря на то, что он деревянный, тоже решил попасть в свою Шларраффию, которая носит на сей раз магическое название – Paese del Balocchi (Страна игрушек).

И где-то среди этих стран с красивыми экзотическими названиями есть наша Московия (она же Тартария, фигурировавшая под таким именем на европейских картах вплоть до начала XIX века), где текут молочные реки в обрамлении кисельных берегов. О бегающих с ножом в брюхе фаршированных поросятах русский фольклор умалчивает, ибо подобным образом изобилия в головах наших непрехотливых предков просто не было места. О локализации русской беззаботной и сытой страны ничего не известно. Зато известно, при каком правителе был золотой век у нашего народа. «В то давнее время, когда мир божий наполнен был леши-ми, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельными, а по полям летали жареные куропатки, в те времена жил-был царь, по имени Горох», – утверждают русские народные сказки.

Различные Шларраффии и Кокани всех времен и народов, а также эпигонство в виде исследуемой утопической карты страны Шларраффен являются продуктом, созданным и выпестованным в недрах самой что ни на есть народной культуры. Шларраффия очень близка теме Карнавала, ибо там и там присутствует праздник сытых желудков, а мир выворачивается наизнанку в прямом и переносном смысле. «Обжорные края» порождались фантазией народа не от сытой жизни; стимулом для подобного творчества были в первую очередь лишения и постоянный голод...

Первые следы средневековой Кокани прослеживаются уже в поэме X века «Унибос», где крестьянин Унибос рассказывает трем своим врагам (с целью избавиться от них), что на дне морском есть беззаботное счастливое царство, а те, поверив, попрыгали в море и сгинули в пучине.

В XIII веке было создано «Фаблио про Кокань», в котором автор повествует о том, как он отправился к римскому понтифику на покаяние, а добрый папа «послал» его в страну Кокань. Те чудеса, которые увидел наш герой в этой сказочной стране, будут кочевать в разных версиях и по разным легендам.

На сказочной карте Зойтера представлен весьма широкий сюжетный ряд. Помимо традиционного обжорства и безделья здесь изображен ряд стран, в которых процветает то или иное наслаждение. Московия–Россия, которой не место в регионах вечной праздности и удовольствий, проходит как inferнальная империя и именуется привычным для европейского уха и сознания Тартарским Царством. Московия в традиционной жуткой шкуре Тартарского Царства отделена от Страны Вечного Праздника, сиречь сытой Европы, Кругом Вечного Несчастья. Здесь очевидна аллюзия на полярный круг, за которым царит беспросветный мрак и полыхает вечным огнем Геенна Огненная.

Но перед тем, как мы пересечем границу чудесной Шларраффии, следует заметить, что на этой карте-утопии в сказочной форме проявились все подсознательные желания и страхи жителей сытой Шларраффенланд-Европы-Живи-Лакомо в отношении обитателей голодного Тартарского Царства, сиречь Московии–России, которая представляет серьезную угрозу для вечно счастливой и праздной страны Кокань.

Итак, совершив путешествие по этой замечательной графической утопии, где ментальная карта европейца, выпестованная многими столетиями, нашла свое воплощение в графике. Царство Молодости находится на Севере, в противоположной стороне от Тартарского Царства (понятие стран света здесь условно). Там же на самом верху (земля, подразумевающая Россию, находится внизу, как можно дальше от святых мест) расположен величественный град Новый Иерусалим в Святой Неведомой Земле. Таким образом, для жителей низа, «дна карты», – тартар-москвитов – эта Святая Неведомая Земля оказывается еще более неведомой, чем для обитателей обжорных стран. В правом верхнем углу, на другом конце карты, снова в отдалении от *Tartari Regnum*, раскинулась Райская Пустыня с деревьями мудрости и жизни, а также сытые и благоденствующие страны.

Перечислим ряд стран, от которых Тартарское Царство отрезано в нижней части карты Великой Каменной Паутиной, она отделяет Сказочную и Изобилующую Страну Шларраффен от дьявольской Тартарии: Королевство Увеселений; Империя Больших Желудков; Царство Пьянства; Амазония (чем занимаются в этом царстве, можно только догадываться, но женщины там не воинственные – это бесспорно); Республика Венеры; Страна Актеония (здесь страна дурмана, близ Венерина Моря); Шпильмания (страна, где не умол-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

кает музыка); Царство Обжорства; Страна Маммония (трактовать можно по-разному); Королевство Мотовства; Земля Праздности; Царство Потерянного Времени, о котором местные жители вряд ли жалеют; Королевство Заносчивости; Остров Курения, Остров Тунеядцев и т.д.

В Великой Каменной Паутине можно усмотреть аллюзию на Великую Китайскую стену – постройку китайского императора III века до н.э. длиной почти в четверть экватора, оснащенную, как ни странно, гвельфскими зубцами. Цинь Шихуанди на другом полюсе ойкумены за 2 тысячи лет до создания нашей карты Шларраффии тоже стремился отгородиться от Тартарии. Тартарское Царство, как убеждала наша карта-утопия европейского зрителя, обречено на вечные муки. По адской земле, насыщенной различной inferнальной топонимикой, проходит вдобавок Круг Вечного Несчастья, в котором нетрудно угадать изображаемый на картах XVI–XVIII веков полярный круг. Тут можно усмотреть аллюзию на меловой круг, проведенный недрогнувшей рукой европейского картографа, дабы отгородить Шларраффию от всякой нечисти, лишив ее последней попытки выползти за пределы Тартарии.

Дизайн этой удивительной карты приводит на ум «Божественную комедию» Данте с ее структурой Преисподней в виде «адской воронки». В нашем случае внизу пребывает адская Тартарская Империя. Но у Данте есть хоть какая-то надежда в виде фильтрационного пространства – Чистилища. На нашей же карте непреодолимая каменная стена отделяет Шларраффию от Адской страны, жители которой являются в прямом смысле антиподами обитателей Кокани.

ЦАРСТВО СТРАХА И УЖАСА

Тартарское Царство очень похоже на остров и окружено соответствующими морями, по которым невозможно проплыть, чтобы добраться до беззаботных берегов. На Западе Тартарию омывает Море Царства Мертвых, где выделяется самый большой залив, именуемый «Бухта Харона», а также Море Глупости и Море Дураков. На Востоке Тартарскую Империю омывает просто Тартарский залив! Кстати, так раньше назывался пролив (Татарский пролив. – Прим. ред.) между островом Сахалин и материком. И что примечательно: топоним «Тартарский залив» присутствует на европейских картах даже во второй половине XIX века!

В пограничном регионе страны Шларраффен раскинулось Царство Закона. Напротив Каменной Паутины, для усиления сытых рубежей, присутствуют мощные пограничные крепости против Тартарской страны (читай «Гог и Магог»): Крепость Злословия, Крепость Ругательная, Крепость Поносительная. Одним словом, из Тартарского Царства в Шларраффен ни по суше, ни по морю не проникнуть, и никакой остров Лампедуза в море между этими странами не маячит.

Посмотрим, какие же области и регионы составляют само Тартарское Царство. На Западе находится Страна Преисподняя, где в местности под названием «Место Страха» возвышаются Горы Страха (возможно, далекое эхо столкновений крестоносцев с ассасинами и память об их горной резиденции). Правее Гор Страха простирается густой лесной массив с малоутешительным именем «Адский Черный Лес». Здесь очевидна аллюзия на знаменитый Герцинский Лес и непро-

Инфернальное Тартарское Царство. Фрагмент карты страны Шларраффии. Маттеус Зойтер. Аугсбург. Вторая четверть XVIII века

ходимую чащобу, кишашую разбойным людом на западе Московии, сквозь которые пробирались в столицу Тартарии перепуганные посланники европейских государств. Согласно многочисленным запискам европейских путешественников, на протяжении нескольких дней пути, когда они пересекали «русский Герцинский Лес», в их воспаленном мозгу судорожно билась единственная мысль: «доехать бы живыми». А ведь потом надо было еще возвращаться... Центр Тартарии занимает Царство Вельзевула и вассальное Герцогство Воя. Знакомая европейцам по древним картам на Великом шелковом пути Пустыня Лоп (пустыня Гоби. – **Прим. ред.**) настолько ужасна, что ей составитель карты не стал давать дополнительного устрашающего определения, и так всем жутко...

В Тартарии очень мало городов, один из крупнейших – судя по условному значку, не иначе столичный град – именуется Satan и стоит на берегу Реки Вечного Покоя в районе Вельзевулова Царства.

На востоке Тартарии присутствует топонимика не менее пугающая: Царство Погибели, Страна Злословия, Княжество Тьмы. Закончим описание земель Тартарского Царства на низменной, во всех отношениях, сатанинской ноте. Там же, на востоке, приблизительно на 451 градусе долготы (как тут не вспомнить роман Брэдли «451 градус по Фаренгейту», увидевший свет спустя двести лет после создания этой карты! 451 градус по Фаренгейту, или 232,8 градуса по Цельсию, – это температура воспламенения бумаги, что в нашем случае весьма символично. В 2012 году компания Google предложила стандартизировать новый статусный код протокола HTTP-HTTP Error Code 451, который будет предупреждать пользователей Интернета о том, что запрашиваемая ими страница существует, но недоступна по причине правительственной блокировки. Если подобный код будет введен официально, то вместо сообщений «404 страница не найдена» или «500 сервер недоступен» пользователи будут получать от провайдерского сервера сообщение типа «451 недоступно по решению цензуры». Ряд компаний уже используют данный код ошибки неофициально. – **Прим. авт.**), запретной для посещения жителями Шенгено-Шларраффена, расположено черное сердце нечестивой страны – Геенна Огненная, обрамленная на карте выразительными языками вечного пламени.

Южнее Хмельного Мыса, на оконечности которого находится внушительная крепость Бахус в Море Дураков, к берегам Tartari Regnum подплыл остров-кит, наподобие чудо-рыбы из русских сказок, с деревнями на спине, с бургом и знакомым уже читателю названием Schlarraffenburg. Остановился чудо-остров перед заповедным Circulus'ом Вечного Несчастья, откуда коканьские туристы-экстремалы могут взирать на inferнальные берега. Один пассажир, в шутовском колпаке, видимо, вывалился с плавающего круизного острова за «борт», в безмятежные вол-

ны Моря Глупости, и пытается выплыть, выгребая решеткой для барбекю.

Картуш, расположенный в правом нижнем углу карты, аккумулирует информацию о стране Кокань, которая должна быть близка и понятна различным «немцам». Из титула, размещенного на торце бочки, текут три «райских» реки: Медовая Река, Пивная Река и Винная Река, под которые подставляет шляпу упившийся «до положения риз» житель Шларраффии. Четвертая, Река Свиная, берет свои истоки из блюющего рта упившегося и, судя по взгляду, ничего не соображающего представителя сытой страны. Вершину картуша венчают две фигуры в кюлотах, атрибутами которых являются игральные карты и дождь монет, сопровождаемый лапидарным комментарием «Изобилие». Житель Шларраффии, сидящий на бочке, имеет на голове шляпу с пером (значит, еще не очень пьян), а для большего соответствия образу истинного шларраффенца он поместил туда еще и мясорубку. На левой стороне картуша мы видим представителей Венерина Царства, которые высадились с плавающего острова Похотливый Приют, стоящего на рейде за их спиной. «Ящик Пандоры» перевернут, из него вывалилась косметика и прочие аксессуары; полуобнаженная «амазонка» предается всем радостям коканьского бытия и не забывает подставлять руку под дождь из монет, авось что и прилипнет.

Закончим описание Тартарии–России на картах эпохи Просвещения, где она представлена европейцам в образе Княжества Тьмы со стольным городом Сатан, омываемой морями Мертвых и Дураков, да еще и с пылающей Геенной в придачу. Эта карта – яркое свидетельство, что и в первой половине XVIII века на Западе не были изжиты средневековые страхи перед страной Гог и Магог, расположенной где-то в Сибири, которая начинается чуть ли не от Днепра и населена inferнальными подданными. Да и как эти страхи могли быть изжиты, если Россия на протяжении эпохи Просвещения становилась сильнее год от года?

Картуш
«Подробной
карты страны
Утопии...».
Маттеус Зойтер.
Аугсбург.
Вторая четверть
XVIII века

«Книга глаголемая космография».
Офорт, резец,
иллюминировка
акварелью.
Первая четверть
XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МОСКОВИТСКИЙ IMAGO MUNDI

Гравюра «Книга глаголемая космография» датируется первыми десятилетиями XVIII века. И по сравнению с картой сытой Шларраффии, окантованной по низу сатанинской бахромой, расейский образ мира подобен большому яркому блину на русской Масленице. В левом нижнем углу в Круге Земном уже присутствует град Санктпетербурх (город был заложен 16 мая 1703 года). Легенды, расположенные ниже новой столицы Москвовии, — это «земля финская за шведским королем», а «земля Курляндия немцы» уже «ныне за росиею». Легенды на карте отражают ситуацию в регионе после подписания Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией 30 августа 1721

года, по которому к России отходили Лифляндия, Эстляндия, Ингрия и часть Карелии, что ориентирует нас в датировке анонимной «Книги глаголемой космография».

В России подобный жанр был невероятно популярен с XVII до начала XIX века. Московитский Imago Mundi (образ мира. — Лат.) украшал купеческие особняки и жилища простых горожан, висел на стенах трактиров и почтовых станций.

Обратимся к истокам русских «Козмографий». Значительный пласт информации относительно библейской и всемирной истории восходит к сочинению византийского купца и писателя VI века Косьмы Индикоплова, хронографам различных редакций, в начало которых, как правило, поме-

щались Палея или Бытие с лицевыми изображениями, а также небольшими апокрифическими статьями, так называемыми «отреченныя». Значительная часть этой литературы в Россию попала из Сербии и Болгарии. В XVI веке в России они были известны как «Болгарские басни».

В 1584 году была переведена на русский язык «Хроника всего мира» Мартина Бельского, оказавшая значительное влияние на всю восточнославянскую историографию. В начале XVII столетия в России было уже известно сочинение картографа и издателя карт из Антверпена Абрахама Ортелиа (1527–1598) «Зрелище Круга Земного», которое на русский лад витиевато звучало как «Космография сиречь всемирное описание земель во едино пребывание и назнаменование степенем в округах небесных». Что касается задач и принципов «Космографии», то они сформулированы следующим образом: «Сие описание земли и моря, и елицы в коих странах нравы и колико в коих землях озер и рек, и что всяких в коем государстве угодий, из древних памятных книг выписано еще древними мудрыми писатели». Примечательно, что апокрифы, позаимствованные из Византии, Болгарии, Сербии и Западной Европы, не переводились нашими книжниками дословно, а, как правило, переделывались на свой лад, дополнялись из других источников – так получались неповторимые московские «Космографии», как бы «переведенные бысть с римского языка».

Большую известность имела «Космография 1670 года», или «76-главная Космография», которая дошла до нас во многих списках, что говорит о ее большой популярности в России. Пассажи из этой «Космографии», основой для которой стали материалы из «Атласа» знаменитого картографа из Фландрии Герарда Меркатора (1512–1594) и «Хроники» Мартина Бельского, составляют основную массу легенд на исследуемой нами гравюре.

Карта изготовлена в стиле народного лубка, но восходит этот тип к западноевропейской монастырской картографии. Основные, структурные элементы средневековых землеописаний формируют карты так называемого «Т–О типа». Карты *Imago Mundi rotunda* (Круглая Карта Мира) с ориентацией на Восток (в сторону Рая Земного) были более распространенными, в отличие от зональных карт. Фигура «Т» (моря и реки) вписана в ойкумену «О». Круг Земной (в прямом смысле слова) омывается со всех сторон Соленой Рекой, сиречь Морем Окияном. Верхняя, восточная часть карты, отделенная горизонталью (реками Танаис (Дон) и Нил, Черным, Азовским, Эгейским морями и Пропонтидой (Мраморным морем), предназначалась для Азии. Европа помещалась слева, Африка – справа, и отделялись они друг от друга бассейном Средиземного моря. Заметим, персонифицированные страны света на нашей «Космографии» расположены по углам в соответствии с принципами, выработанными в Средние века.

В исследуемой «Космографии» по углам Круга Земного также размещены аллегорические фигуры стран света, и сопровождают их легенды с библейским экскурсом и этнографическим подтекстом. Все четыре континента представлены женскими фигурами по всем правилам принятой в этом жанре иконологии, восходящей к эпохе античности, – Земля персонифицировалась как женщина. Несмотря на сильную переработку, в аллегорических фигурах нашей «Космографии» чувствуется влияние титульных листов атласа «Театра Мира Земного» Абрахама Ортелиа, с которым в России были знакомы. Фигуры животных (каждую «даму» авторы снабдили определенным «питомцем»), особенно диковинных, на русских космографиях подверглись инверсии.

К примеру, слона с античных времен изображали с «Мисс Африкой», а верблюд был атрибутом Азии; но российские миниатюристы распределили это «зверье» по-своему. «Мисс Америке» всучили обезьяну, которая вцепилась лапами и хвостом в ветку и пристально уставилась вместе с «Америкой», вооруженной луком и стрелами, на землю «новые франки и новая гишпаня», где «делают серебро и золото человецы безграмотны зашпанские».

«Азия», наряженная в восточные одежды, стоит на фоне пагоды, из-за которой появляется красный слон. «Африка» – как ей положено в соответствии с традиционной иконографией, *topless*, но

Аллегория
Африки и Азии.
Фрагмент «Книги
глаголемой
космография».
Офорт, резец,
иллюминировка
акварелью.
Первая четверть
XVIII века

с отсутствием негроидных признаков и в китайской соломенной шляпе – изображена на фоне взнузданного одногорбого верблюда; она смотрит на «море индейское». И, наконец, «Европа». Здесь русские авторы-составители придерживались канонического образа в наибольшей степени. «Европа» расположилась на некоем седлище. Одета она в богатое европейское платье и шляпку с пером. В правой руке она держит атрибут власти – скипетр, больше похожий на контаминацию зонтика и теннисной ракетки. Из-за спины европейской барышни выглядывает, надо думать, бык, на котором принцесса Европа Агеновна приплыла с финикийских берегов на Крит, указав, таким образом, маршрут всем нелегалам в страны Шенгенского союза. Оскотинившийся похотливый сын Сатурна и Геи подстрижен как малоросс – «под горшок», и вид его весьма печален; в глазах неприкрытая тревога, а вдруг «Европа» опять захочет прокатиться на нем, на этот раз в сторону «Америки»?

У всех животных на карте печальные человеческие глаза, подобные глазам спутников Одиссея, впавших на острове колдуньи Цирцеи в свинское состояние в прямом смысле слова. В этих очах читается многолетнее ожидание Гермеса с охапкой волшебного сена, которое поможет несчастному зверю обрести человеческий облик.

Приведем полностью тексты легенд, сопровождающих аллегорические фигуры континентов.

Восток (вверху слева).

«Восток солнца первая часть нарицается Азия болашаго ноева сына Сима жребий конец ей до восточного острова макаринского (блаженного, райского острова. – **Прим. авт.**) иже есть до блаженного рая други же конец ей до фасиского моря (Менгрельское море. – **Прим. авт.**) и черного третий конец разделяется от китайского царства до земли зверообразных людей до сибиря и до хвалынского моря (Каспийское море. – **Прим. авт.**)».

Юг (вверху справа).

«Полдень вторая часть нарицается Африка среднего ноева сына хама жребие конец же ей достигает осирского языка и до черного моря и до понтического острова з другую страну от черного моря и до ефиопския пучины а стрискою страну от египта и до Белого моря (Эгейское море. – **Прим. авт.**) и до окианския пучины».

Европа (внизу слева; см. фрагмент карты «Аллегория Европы и Америки» на с. 14).

«Третья часть нарицается Европа меньшаго ноева сына афета жребии протязает же ся от среднего моря и до великаго моря окиана з другую страну до варяжского моря (Балтийское море. – **Прим. авт.**) с третью страну до мурманского моря и до студеного моря иже есть соловецкая пучина».

Америка, меткая характеристика которой была дана нашими предками еще двести лет назад (внизу справа).

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Аллегория
Европы
и Америки.
Фрагмент «Книги
глаголемой
козмографии».
Офорт, резец,
иллюминовка
акварелью.
Первая четверть
XVIII века

«Запат четвертая часть нарицается новая Америка не в давних летах изыскана от шпанских и французских немец с людьми безграмотными и со златою и сребреною рудою и от сих островов те немцы зело обогатились и грады поставили и назваша четвертую часть новую землю и положиша ея к тем трем частям».

Иерусалим, которому на средневековых табулах всегда был зарезервирован центр, смещен сильно на север. Царьград расположен почти в центре карты и соединен огненно-красным «Черным морем» и «гирлом ходом до царя града», как материнской пуповиной, с Третьим Римом, «царствующим градом москвой». А рядом с Константинополем в центре помещен остров Крым, плавающий в красных водах: «Море Черное оптекло кругом Крым». И вся красная иллюминовка в центре нашей графической ойкумены напоминает своим контуром человеческое сердце. Тут надо вспомнить еще один момент. Согласно космологии древних, плоская Земля держалась на «огнеродном» Ките, который в нашем случае основательно придавлен «Козмографией» и не в состоянии высунуться из-под тверди земной, но, как видим, огненный *coloris* проступает из глубин весьма основательно. Вот так расставлены акценты на этой наполненной «вольными и невольными» символами *Imago Mundi* «расейского разлива».

Миниатюра Царьграда подобна изображениям крупных российских городов, например таких, как Владимир. Над стенами возвышаются кресты на луковичных главках церквей. Вот так решали Восточный вопрос на картах наши пращурь! Подобная иконография Царьграда была близка и по-

нятна простому русскому человеку и лишней раз свидетельствовала о преемственности византийского наследия на Руси, а также в какой-то мере задавала программу реституции земель, находившихся в руках «безбожных» турок.

Легенды карты, которые были очень важны как для составителей, так и для читателей, близ зелено-бело-красного Царьграда (цвета, отмечающие царственные и сакральные моменты на ранне-византийских мозаиках) повествуют об основании и падении города. «Царь град было царство благочестиво греческое // обладали градом турки и царя греческого убили во вратах градских в лето 1453 году мая 20 день ныне турки завладели // царь град создан от римского царя Константина бо своими и украсив его церквами и полаты и вся велможи свои из Рима привез в царь град».

Самая большая миниатюра в Круге Земном представляет Царствующий Град Москву, где за гибелинскими кремлевскими зубцами возвышаются главы церквей, увенчанные восьмиконечными крестами. Легенда рядом лапидарна, ибо Круг Земной, и наш не исключение, имеет свои пределы: «Царствующи Град Москва. довне и почти центр. донныне благочестие сияет Данию святых из семи собо то лове и святых со всяким пе благолены роди и скотом». Примечательно, что все миниатюры и тексты, имеющие отношение к России, подчеркивают, что Русская земля – земля христианская!

Под грифом «Россия» грамотный москвит мог прочесть комментарий к картинке, в котором слышатся отголоски слов современного Государственного гимна РФ: «Царство Российское московской державы // стоит на востоке и на севере

// пространно и многолюдно грады имеют // каменные и деревянные. // крещены от великого князя Владимира...» В протографе нашего Круга Земного – «Космографии 1670 года» – имеется пространный страноведческий комментарий о Московском царстве, этакая Московитская Шларраффия, правда, даром там ничего не дается. «То московское государство по Москве реке. И город стольный Москва именуется. Московское государство долгою и широтою великим пространством расширяется. От полунощные страны море мерзлое. От запада ливонское да шведское государства, со всех стран с великими государствами граничит... Винограду и масла деревянного, и никаких сладких овощей не родится, потому что земля студена, кроме яблок, груш, вишен, дынь, огурцов, того родится достаток. Поля хлеботородные, всяким земледелием от Бога обдарена, пшеница, рожь, ячмень, просо, овес, гречихи, и всяких семян иже суть на потребу человекам всего родится преизобильное множество, не токмо тем сами довольствуют, но и в иные государства с Руси хлеб идет. А меда в том государстве и воску неудобь сказаемое множество, во многие окрестные государства оттоль из московского государства воск и мед идет... Леса великие страшные, а в них зверей всяких разных несказанное множество. Звериных и птичьих ловцов нигде смышленее и мастеровитее нет, как московские люди. Соколов, кречетов, ястребов и всяких ловчих птиц множество, скота и птиц домашних и диких на пищу человекам неудобь сказанное множество. Во всяких довольствах и в прохладстве то московское государство преизобилует. Государства того города, пригородки, слободы, волости,

селы, деревни, поля, леса, реки, озера, все одного государя, и все одного его послушают и повинуются ему без всякого прекословия».

Приведем ряд легенд с характеристикой европейских стран, в которой присутствует, как правило, «космографическая триада»: вероисповедание, утверждение, что иноземцы богатые и что они практически все поголовно «немцы» (то есть иностранцы, говорящие непонятно. – Прим. авт.), но разных модификаций, что корреспондируется со «сделанным в Германии» Шларраффенландом.

Франция: «королевство француское прежде крещены были с (в) апост (ола) Павла. ныне заблудились. люди в ней воины храбрыи и богатия много...»

Испания: «королевство шпанское. немцы воиския храбрыи и богатия зело...»

Португалия: «королевство португалское. немцы воиския богати, злата и сребра многа».

Священная Римская империя: «царство цесарское и германия нарицается. пространство имеет на 100. 500 верст и многолюдно и богато и много в нем руд золотых и серебряных... оная земля во всех немцах почтена. людие крещены апостолом павлом а ныне заблудились...»

Швеция: «королевство шведское. немцы купеческия и воинския. грады имеют каменные. вера у них лютеранская. много у них меди и железа меняют на тавары».

Дания: «королевство дацкое. немцы рымских цесарей роды. грады у них каменные и полаты по губам морским. вера у них лютарская и швецкая».

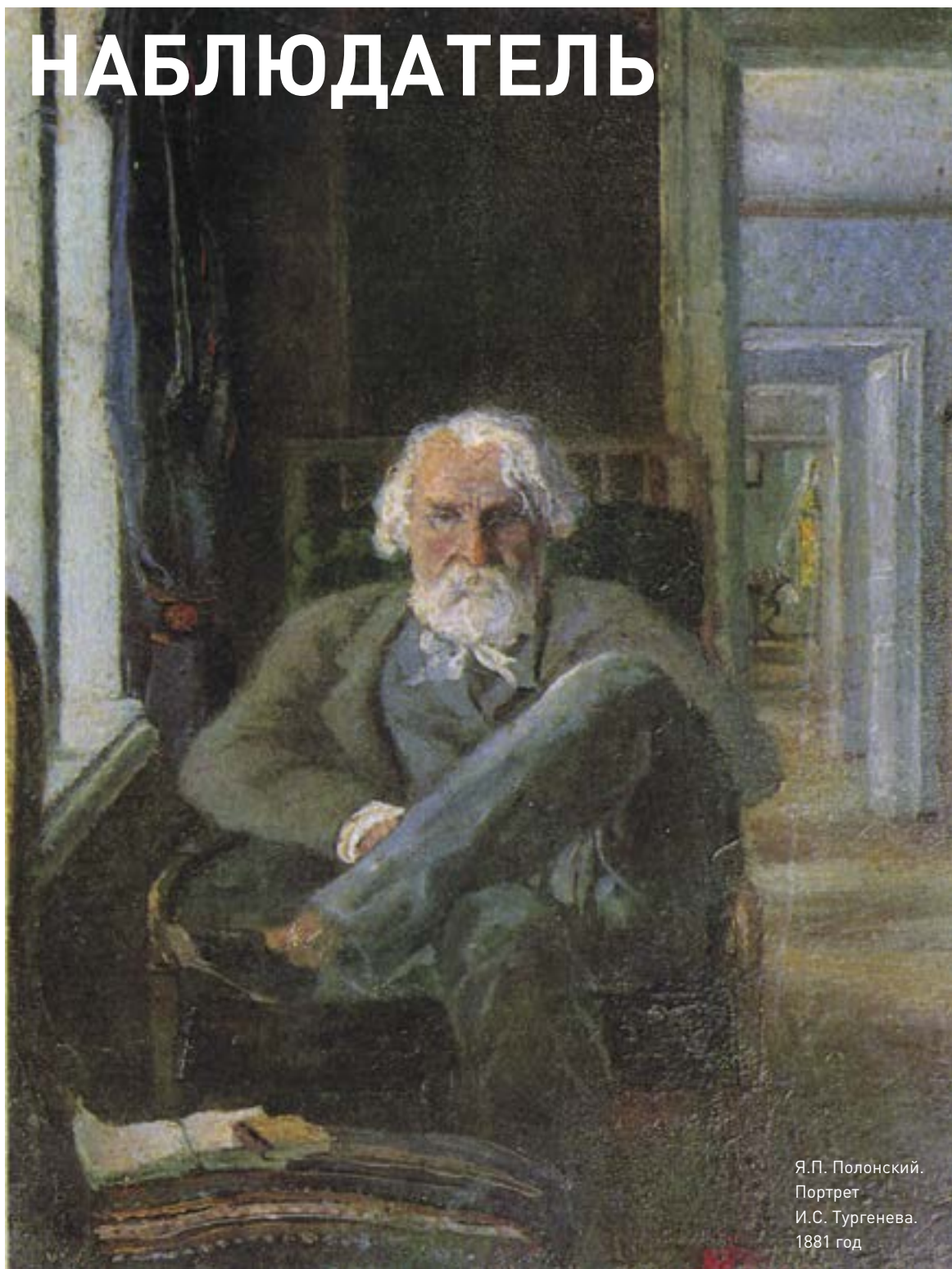
Англия: «королевство агленское. немцы купеческия и богатые. ездят от них корабли во многие земли...»

Ирландия: «королевство ирланское. немцы. за аглетским (королевством)».

«Прочие шведы» – «немцы купеческия» и «немцы воинския» – на нашей «Космографии» по замыслу московитских творцов «Позорища всея вселенная» оказались «на дне» этой замечательной табулы. На карте же Шларраффии der Deutsche natürlich («натурального немца») Маттеуса Зойтера на дне «адской воронки» пребывает инфернальное Тартарское Царство – Московитское государство.

У каждой рассматриваемой карты есть верх, есть низ, есть и центр. Как видим, на этих знаковых графических полотнах акценты расставлены совершенно по-разному. Когда пыль, поднятая монгольскими туменами, давно уже улеглась и европейские родители перестали пугать киндеров-шларраффенландцев всадниками Апокалипсиса – тартарами, образы Тартарии все равно не изгладились из сознания европейцев. Свидетельством тому – две воплощенные в графике ментальные карты, наглядно демонстрирующие различное понимание мира и представление о народах, его населяющих. И представления эти восходят к глубокой древности, несмотря на то, что ужасные драконы, василиски и псоглавцы заключены в надежные картуши на страницах средневековых bestiaries, а на дворе стоит наряженный в барочные одежды век Просвещения... ⑥

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Я.П. Полонский.
Портрет
И.С. Тургенева.
1881 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ТУРГЕНЕВ БЫЛ БОГАТ, КРАСИВ, УМЕН, ДОБР, ОБРАЗОВАН И ТАЛАНТЛИВ – НАСТОЯЩИЙ БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ; МАЛО КОГО ИЗ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ФОРТУНА ОСЫПАЛА ТАКИМИ ДАРАМИ. ОДНАКО НЕ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ ЯЗЫК НАЗВАТЬ ЕГО БАЛОВНЕМ И СЧАСТЛИВЧИКОМ, ПОТОМУ ЧТО ДЛЯ СЧАСТЬЯ ВСЕГО ЭТОГО, ПОЛУЧАЕТСЯ, МАЛО.

И СКОВЕРКАННАЯ юность матери его, Варвары Петровны Лутовиновой, аукнулась ему тяжелым детством. Ненужная матери, некрасивая, но сильная и самолюбивая, она долго сносила издевательства пьяницы-отчима, и в 16 лет, после смерти матери, осталась полностью в его власти на долгих семь лет. Однажды, будучи в очередной раз заперта им на ключ в каморке, она вылезла в окно и убежала к своему дяде Ивану Ивановичу в его имение Спасское-Лутовиново – просить приюта. Дяде, скупцу и деспоту, она тоже была не очень нужна, однако он принял племянницу и три года с ней бранился. Дядя умер, не успев лишить ее наследства, как собирался, и Варвара Петровна оказалась обладательницей огромного состояния – несколько деревень в разных губерниях, 5 тысяч душ – целая империя, во главе которой встала она – властная, деспотичная, не простившая миру ни одной из своих обид. Хозяйка она была хорошая, заботилась о том, чтобы имение процветало, мужики были сыты и одеты; порядок наводила железной рукой.

Поручик Сергей Николаевич Тургенев был моложе Варвары Петровны на шесть лет – той уже стукнуло 28. Он был очень беден и очень красив; на портретах он похож на падшего ангела с печальным взором. Варвара Петровна, сумрачная круглолицая брюнетка, была некрасива, но умна и богата. Отец умолял Сергея жениться на Лутовиновой; тот женился. В семье Сергей Николаевич держался отстраненно; романов своих не скрывал (один из них описан в автобиографической «Первой любви»; прототипом Зинаиды стала Екатерина Шаховская, в которую был влюблен 15-летний Иван. – **Прим. авт.**). Трех сыновей – старшего, Николая, среднего, Ивана, и младшего, Сергея, – воспитывал по-спартански: ранние подъемы, обливание холодной

Спасское-Лутовиново.
Усадебный дом
И.С. Тургенева.
1883 год.
Фотография
В. Каррика

водой, бег вокруг столба на веревке... Отец изредка дарил сыновей рассеянными ласками; воспитанием занималась мать – и воспитание это было жесткое. Тургенев вспоминал, что его секли чуть не каждый день, за все подряд. Однажды, когда мать его выдрала вообще непонятно за что – сказала «сам знаешь», – он решил бежать из дома ночью и попался в коридоре немцу-учителю. Учитель поговорил с матерью, и мальчика оставили в покое. Мать распоряжалась в своем «государстве», как древняя царица:

завела себе «министров двора» и скорохода, которого отправляла за 60 верст пешком с пустяковой запиской, могла сослать в дальнюю деревню на исправление гонца, принесшего дурные вести, не разрешала служанкам выходить замуж... Все это внушало Ивану такое отвращение, что он дал себе «аннибалову клятву» бороться с крепостничеством.

Письма к сыну сохранили любопытные суждения Варвары Петровны, живой слог и неповторимую интонацию – с внешне высканивающими среди

Варвара Петровна Тургенева, урожденная Лутовинова (1787–1850), мать писателя. Портрет работы неизвестного художника

Сергей Николаевич Тургенев (1793–1834), отец писателя

предложения страстными восклицаниями «но!» или «нет!»; интересные отзывы – так, когда сын прислал ей свою поэму «Параша», она отписала ему радостно: твоя «Параша» пахнет земляникой...

Николай и Иван все-таки пошли против материнской воли, и оба из-за женщин: Варвара Петровна не одобрила ни женитьбы Николая на немке-камеристке, ни влюбленности Ивана в «ведьму» Виардо и рассорилась с обоими. В ее предсмертных записках Иван нашел строки: «Матушка, дети мои! Простите меня! И ты, о Боже, прости меня, ибо гордыня, этот смертный грех, была всегда моим грехом». При жизни своей матушка требовала полного подчинения, ослушников лишала денежного содержания. На просьбу выделить имение или прислать денег могла ответить жестокой шуткой – так, Николаю вручила пустой лист бумаги вместо благословения на брак, а Ивану прислала за границу вместо денежной помощи посылку, набитую кирпичами.

И тем не менее в Спасском-Лутовинове была своя прелесть. Был домашний театр, были музыкальные вечера, был нарядный усадебный дом с огромной библиотекой, аллеи, пруд, мельница, поля – и прекрасный сад, полный укромных местечек, где можно отойти душой. И дивный «врачующий простор» родных мест. Даже когда случайно проезжаешь мимо – эти зеленые холмы и перелески, подернутые утренним туманом, эти живописно разбросанные по ним деревни, эти капли земляники в лесу у обочины все так же заставляют замирать сердце, вспоминать стихи и сочинять длинные-предлинные описания природы, которые школьники так не любят даже и у Тургенева.

А все потому, что это надо сначала видеть – а потом радостно узнавать в каждой детали, так любовно и бережно сохраненной памятью и зафиксированной безошибочным пером.

Иван Сергеевич
Тургенев
(1818–1883).

Портрет работы
художника
К. Горбунова.
1838–1839 годы

Спасское-
Лутовиново.
Любимая
комната
писателя

УЧЕНИЕ

Детей учили хорошо. Родители сами много читали, дома была огромная библиотека на разных языках, детям брали учителей-иностранцев. Когда Ивану было 4 года, семья ездила за границу – на собственных лошадях, в своей карете, в сопровождении домашнего доктора Берса (отца Софьи Андреевны, жены Толстого). Тургенев с детства говорил и читал на

английском, немецком и французском. Отец требовал, чтобы сыновья писали журналы (дневники); журналы отсылали ему, он присылал комментарии и замечания.

Затем детей отвезли в Москву и отдали в пансион Вейденгамера, откуда через год перевели в пансион Краузе. Ивану легко давались языки, он полюбил литературу, много читал, начал писать стихи. После пансиона подростки Тургеневы готовились к поступлению в университет с домашними учителями; Иван выдержал сложные вступительные экзамены и большой конкурс (выражаясь современно – почти семь человек на место) и поступил на словесный факультет Московского университета. В это время там учились Герцен, Огарев, Белинский, некоторое время и Лермонтов; там Тургенев заинтересовался немецкой философией, там познакомился со Станкевичем, с которым близко сошелся позднее. В университете он проучился недолго: старший брат поступил в военное училище в Петербурге, и Иван перевелся в Петербургский университет, поближе к брату. В Петербурге он некоторое время слушал лекции Гоголя (о ко-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

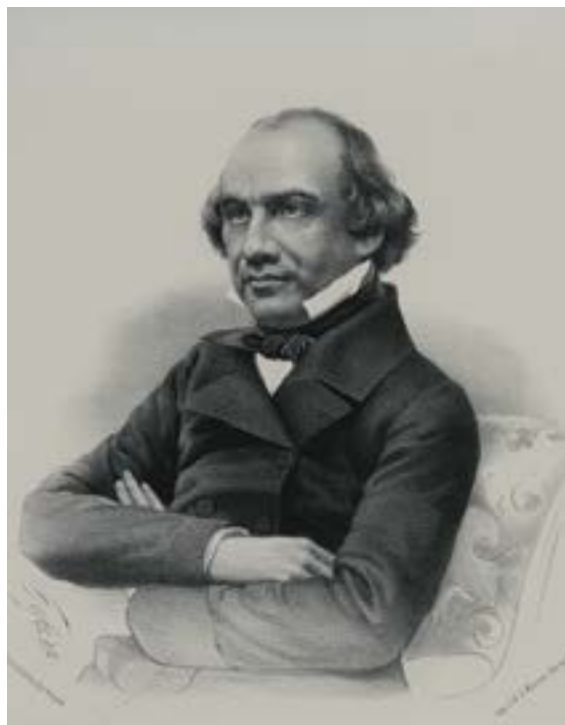
торых отзывался иронически), познакомился с Жуковским; написал романтическую поэму «Стено», которую показал своему профессору Плетневу, другу Пушкина. Плетнев поэму раскритиковал, но заметил, что автор ее не лишен таланта. У Плетнева юноша однажды случайно столкнулся в дверях с Пушкиным; встреча была мимолетной и единственной. Пушкин вскоре погиб, а Тургеневу, который его боготворил, через много лет достался от сына Жуковского таинственный пушкинский перстень-талисман.

В Петербурге же Тургенев сошелся с Тимофеем Грановским, студентом-историком, будущим блестящим лектором; долгие часы они обсуждали поэзию и философию; Иван стал задумываться о философии как предмете изучения. Получив степень кандидата, он приехал домой на каникулы, а затем отправился учиться философии в Германию.

Семья к этому времени пережила два тяжелых удара: умер Сергей Николаевич, умер и младший из трех детей, 15-летний Сергей, страдавший эпилепсией. Траур безутешной вдовы был вычурным и демонстративным, а Иван, молодой, веселый, счастливый, с трудом выносил и домашнюю атмосферу, и привычки милой старины. Современники вспоминали, что он охотно дурачился, смешил окружающих; подолгу пропадал на охоте, слонялся по лесам, ночевал в крестьянских избах; так понемногу собирались наблюдения, из которых выросли «Записки охотника».

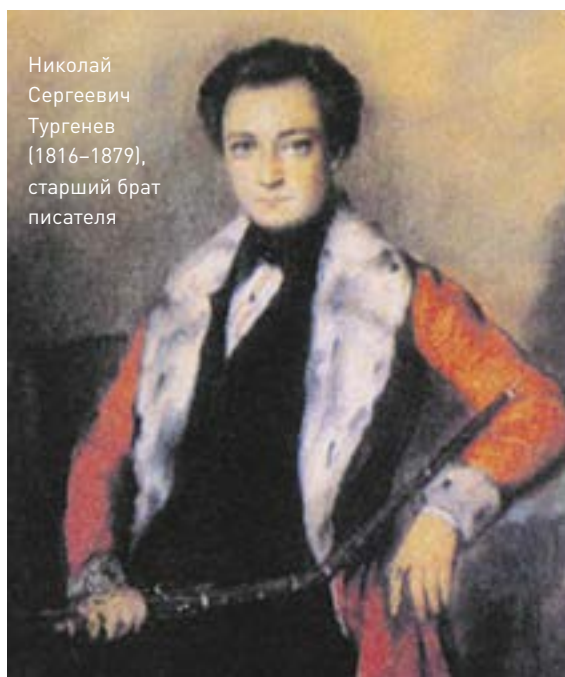
ЕВРОПА

В Германию он отправился на пароходе «Святой Николай»; ночью начался пожар, поднялась паника. Тургенев умолял матроса взять его на спасательную шлюпку и обещал 10 тысяч рублей; злые языки сплетничали потом всю его жизнь, что он распахивал жен-

Тимофей
Николаевич
Грановский
(1813–1855),
историк,
либеральный
мыслитель,
общественный
деятель

щин и детей и вопил: «Спасите меня, я единственный сын у матери». Пожар этот описан им в очерке «Пожар на море», который он незадолго до смерти продиктовал Полине Виардо. Там – кстати, без малейшей рисовки – рассказано, как юный Тургенев отдал сюртук и сапоги промокшей до нитки, босой и полураздетой жене Тютчева, которая плыла на том же пароходе с четырьмя деть-

Николай
Сергеевич
Тургенев
(1816–1879),
старший брат
писателя

ми, и сам остался босым и раздетым.

Главным содержанием его берлинской жизни стало участие в философском кружке Станкевича, у которого учились Белинский, Герцен, Грановский, Бакунин, – это был не только научный, но и дружеский круг. Изучение Шеллинга и Гегеля позволяло разобраться в законах жизни, социума, истории, определиться с взглядами на развитие русского общества; все эти вопросы были предметом постоянного обсуждения в кружке: смена эпох, надлом времен уже обозначился, и участникам кружка – еще заставшим Пушкина, Жуковского, Гоголя – предстояло создавать новые смыслы и искать новые пути развития литературы и общественной мысли.

Он съездил в Россию, откуда пришли плохие новости: сгорел дом в Спасском-Лутовинове – родной, с анфиладой комнат и любимой библиотекой. Мать, вопреки ожиданиям, не удерживала сына дома – дала денег на поездку в Италию. В Риме он встретился со Станкевичем, вместе с ним бродил по музеям, любовался работами Микеланджело. Станкевич был очень болен, чувствовал себя плохо – и вскоре после отъезда Тургенева в Германию умер. Смерть наставника все его друзья и последователи, в том числе и Тургенев, переживали тяжело; черты Станкевича мы находим в образе Покорского в «Рудине». Собственно, «Рудин» и есть память о философских кружках – времени становления тургеневской мысли и таланта. Сам Рудин похож на Михаила Бакунина, другого члена кружка Станкевича.

С Бакуниным Тургенев сошелся очень тесно, они даже жили вместе: Бакунин пригласил друга к себе в имение Премухино. Туда, к Бакуниным, Тургенев, окончивший курс в Берлине, сбежал от матери после печальной истории с Авдотьей Ивановой.

И. С. Тургенев.
Портрет работы
художника
Э. Лами.
1844 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

ЛЮБОВЬ

Авдотья была прелестная швейка, которая влюбилась в молодого и красивого барина и забеременела от него. Иван изъявил готовность на ней жениться, но рассвирепевшая Варвара Петровна выслала швейку в Москву. Там у Авдотьи родилась девочка Пелагея – единственное дитя Тургенева. Девочку у матери отняли, отправили в деревню, где она прожила до 8 лет, занимаясь грязной работой и снося постоянные унижения. Тургенев, поссорившись с матерью, уехал в Премухино, к Бакунину. Одна из сестер Бакунина – Татьяна Александровна, девушка умная, начитанная, с возвышенным складом ума, – полюбила Тургенева, а он – ее. Однако любовь ее была требовательная, строгая; она возводила возлюбленного на немислимую высоту – я поклонялась вам как Христу, написала она в одном из писем... Тургенев не выдержал

такого накала и ответил: «Послушайте – клянусь Вам Богом: я говорю истину – я говорю, что думаю, что знаю: я никогда ни одной женщины не любил более Вас – хотя не люблю и Вас полной и прочной любовью». Может быть, отсюда, из этих ранних историй несбывшейся любви, берет начало традиционная тургеневская коллизия – русский человек на randevу: любовь заставляет брать на себя ответственность, к которой герой не готов, – и умная, строгая, чистая девушка остается разочарованной. Сам он, полностью зависящий от прихотей матери, едва ли мог взять на себя ответственность за другого человека. Так и герои его мало что могут предложить строгим девушкам и оказываются не героями, даже не сильными мужчинами, а обыкновенными людьми, не очень-то знающими, что и с самими собой делать...

ПОЛИНА И ПОЛИНА

В январе 1843 года Тургенев пошел служить в Министерство внутренних дел; начальником его был Владимир Даль. Ведомство Перовского готовило основания для крестьянской реформы, так что Тургенев мог заниматься тем, что ему было по сердцу.

В том же году состоялись еще две судьбоносные встречи. Первая – с Белинским, который одобрил поэму Тургенева «Параша» и стал другом Ивана Сергеевича на много лет (Тургенев даже крестил его сына). Белинский ввел его в круг Некрасова, под влиянием которого Тургенев стал отходить от романтических увлечений юности и повернулся к реализму. Долгие разговоры с Белинским помогли Тургеневу найти свою дорогу в прозе – и уже конец 40-х годов ознаменован появлением пьесы «Месяц в деревне» и публикации отдельных рассказов, из которых потом сложились «Записки охотника».

Вторая судьбоносная встреча – с Полиной Виардо, французской певицей, пение которой современники описывали как совершенное, несравненное, необыкновенное. Может быть, больше всего Тургенева и привлекало в ней это несомненное божественное начало – не внешность (Виардо была некрасива), не склад характера (она была чужда сантиментов, практична, эгоцентрична), а именно чудо таланта, свидетельство богатства, глубины и сложности души. Любовь Тургенева к Полине Виардо была рыцарским служением – безответная, бескорыстная, постоянная, может быть, именно потому и постоянная, что обреченная с самого начала: Виардо была замужем и не собиралась расставаться с мужем. Уже сейчас в его произведениях возникает постоянная тема: любовь – это не счастье, «любовь вовсе даже не чувство; она – болезнь, известное состояние души и тела», болезнь тяжелая и мучительная.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Гавриловна
Савина (1854–1915),
русская актриса.
Начало 1870-х годов

Он еще несколько раз влюблялся – и чудесные женщины готовы были соединить с ним судьбу. Сестра Льва Толстого Мария Николаевна говорила в старости, что, если бы Тургенев решил иначе, она, может быть, и в монахини бы не ушла; Ольга Тургенева, родственница столь далекая, что почти однофамилица, любила его искренне и просто – но он стремительно остыл, не успев загореться. И красавица Феоктиста, выкупленная им из крепости у родственницы за сумасшедшие 700 рублей, не удержала его возле себя. И поздняя любовь его, актриса Савина, готова была выйти замуж, – но и здесь он отступился, отошел в сторону, может быть, потому, что не имел опыта семейного счастья, душевной близости – умел жить в одиночестве, обреченности и вечном напряжении неразделенной любви. И не знал, что делать со взаимной любовью... Он так и

Полина
Виардо

провел всю жизнь «на краешке чужого гнезда» – не то другом семьи, не то приживальщиком, следуя за своей Полиной как нитка за иголкой, и растил ее дочерей, любя их, кажется, больше, чем собственную дочь, выполняя какие-то мелкие поручения, пристраивая в печать романсы, написанные возлюбленной, собирая приданое ее дочерям.

Дочь свою он решил увезти из России, где ей, незаконнорожденной, были уготованы сплошные унижения. Попросил Ви-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Полина
Тургенева-
Брюэр, дочь
писателя.
1870-е годы

ардо за определенную сумму взять девочку под опеку – и выдернул ее, как морковку, из привычной среды, и переименовал в Полину, и пересадил в другую, велел любить и почитать мадам Виардо. Девочка отца видела мало, скоро разучилась говорить по-русски. В пансионе отмечали ее строптивость; к Полине Виардо она питала не благоговение, как надеялся Тургенев, а неприязнь. Она выросла совсем чужой; вышла замуж за некоего Брюэра, управляющего стекольной фабрикой. Брак оказался несчастлив, муж разорился; у нее было двое детей, оба они не оставили потомства, и род пресекался.

Воспитание Полины–Пелагеи стало причиной серьезной ссоры Тургенева с Толстым: Тургенев рассказывал, что девочке выделяют некоторую сумму на благотворительность, а гувернантка дает ей штопать одежды бедняков. Толстому это показалось ужасным лицемерием, Тургенев вознегодовал – в запальчивости оба наговорили друг другу невозможных мерзостей, едва не подрались на дуэли и расстались на долгие семнадцать лет. Но потом – потом немолодой уже Толстой написал Тургеневу письмо с предложением помириться, и Тургенев с радостью откликнулся.

Тургенев вообще много ссорился с друзьями – мнительному Гончарову показалось, что он стащил у него сюжет романа. На Достоевского он написал вместе с Некрасовым некрасивую эпиграмму – и не упустил случая подтрунить над болезненно самолюбивым писателем. С Некрасовым рассорился из-за статьи Добролюбова о «Накануне» – и покинул «Современник».... Но при всем этом они умели ценить талант друг друга независимо от личных отношений – и находили в себе душевные силы мириться, просить прощения, говорить друг другу добрые слова, понимая: то, что их объединяет, больше и важнее, чем то, что разъединяет.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

Уже в 1845 году он вышел в отставку и занялся литературой. С его заграничных поездок в 40-х годах начинается его знакомство, а затем и дружба с европейскими литераторами. Тургенев, по сути, стал связующим звеном между русской и европейской культурой, знакомя русских читателей с французской литературой, французов – не только с русской, но и с другими литературами. Сам Тургенев стал известен европейскому читателю с «Записок охотника»; поговаривали, что на Западе считают, что именно из-за этой книги крепостное право пало.

«Записки охотника» стали появляться постепенно, один за другим, в разделе «Смесь» журнала «Современник». Общее название для серии очерков и рассказов придумал Иван Панаев. Уже с первых очерков стало понятно, что в русской литературе появился новый и мощный талант, что в нее вошла новая тема, что открыты новые пути художественной прозы. Это не столько рассказы о крестьянах, о «русских типах», сколько разговор о людях – бесконечно интересных и разных, об их сложных отношениях друг с другом, о дивной природе, в гармонии с которой они существуют, – и о вывихнутых, нечеловеческих условиях крепостного права. Тургенев не произносит обличительных речей – просто показывает, и всякий внимательный читатель видит: крепостное право врезается в эту жизнь, как железные оковы в живое тело, калечит ее, уродует, обесмысливает. Когда рассказы были собраны вместе и вышли двухтомным изданием в 1852 году, цензоры не поверили, что каждый из рассказов уже проходил цензуру как отдельное произведение. Они специально сверяли тексты, чтобы убедиться, что автор не внес никаких дополнений и исправлений: собранные вместе, рассказы стали перекликаться друг с другом, усиливая эффект и придавая главной теме мощное симфоническое звучание. В цензурный устав даже пришлось внести из-

П. Соколов.
Иллюстрация
к рассказу
И.С. Тургенева
«Льгов»
из «Записок
охотника».
1874 год

менения, требующие рассматривать сборники ранее публиковавшихся рассказов заново, как целостные произведения.

А по сути ведь «Записки охотника» – это просто записки, наблюдения, что вижу – то пою; беда в том, что так устроена жизнь, что простое ее честное описание звучит как антиправительственная прокламация. В том же, 1852 году умер Гоголь. Смерть его и молчание по этому поводу в печати потрясли Тургенева, ясно понимавшего место Гоголя в русской литературе. Он написал некролог, где называл Гоголя великим – неслыханная дерзость во времена, когда ве-

ликами называть можно было разве что царей и полководцев. В Петербурге некролог запретила цензура; Тургенев напечатал его в «Московских ведомостях», за что – по высочайшему повелению – был арестован на месяц. Под арестом он написал «Муму», хрестоматийный ныне, мучительный рассказ о свободе, приходящей только через смерть лучшего, что есть в человеческой душе.

За арестованного Тургенева заступались многие – особенно Алексей Константинович Толстой; в конце концов по хлопотам друзей освободили и послали в Спасское.

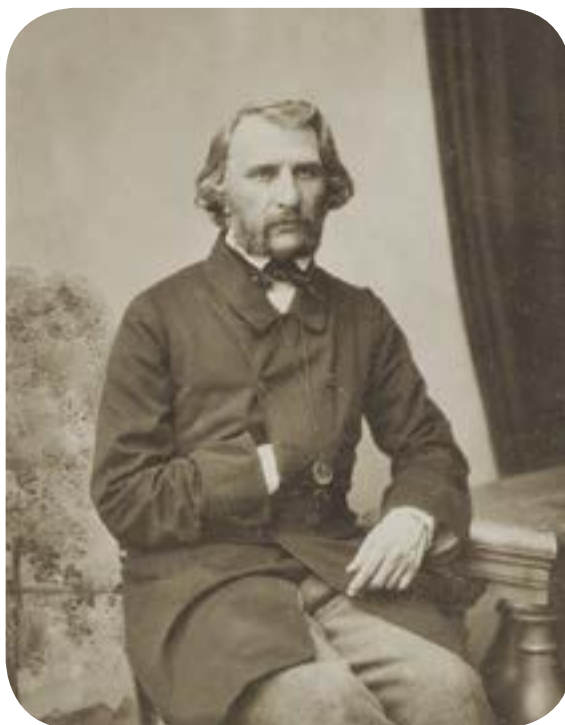
Писатели –
сотрудники
журнала
«Современник».
Второй слева
в первом ряду –
И.С. Тургенев

РОМАН

50-е годы – жизнь на два дома: летом в имении, зимой в столице. Он копит впечатления и публикует небольшие повести, а с 1856 года с выходом «Рудина» начинается Тургенев-романист. Зрелая литература не может не дать романа; русская литература подбиралась к нему медленно, путем долгих поисков. Тургенев дал роману новую жизнь и новую форму, обогатив не только русскую литературу, но и европейскую, показав ей, что роман не обязан быть дотошным, рыхлым, бесконечно длинным, что он может быть элегантным, подтянутым и сосредоточенным, каким и стал европейский роман после Тургенева.

Этот новый роман короток и лишен конкретной фабулы – он скорее всматривается в людей, чем рассказывает историю. Оттого так трудно и бессмысленно пересказывать «Рудина», или «Отцов и детей», или «Накануне»: кто-то приезжает и уезжает, кто-то о чем-то с кем-то разговаривает – и кончается то неопределенно – дурацкой и нелогичной случайной смертью Базарова, потерянною Рудина, исчезновением Елены... Смыслы здесь задаются не фабулой, а подтекстом, переключкой лейтмотивов, как в «Дыме», сочетанием сатирической заостренности и лирической стихии. Тургенев устраняет из романа многословного, рассуждающего, объясняющего автора; он показывает, а не навязывает. И убирает свою авторскую позицию до такой степени, что всякий раз становится мишенью для критики с обеих сторон – и с той, что считает, что автор глумится над новым героем, и с той, что считает, что он неоправданно его превозносит.

Тургенев в построенном им мире не демиург, как Толстой, не режиссер, как Достоевский, а внимательный наблюдатель, оператор с камерой; только по тому, какой он берет фокус, что решает нам показать, мы и можем судить о его авторской позиции.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

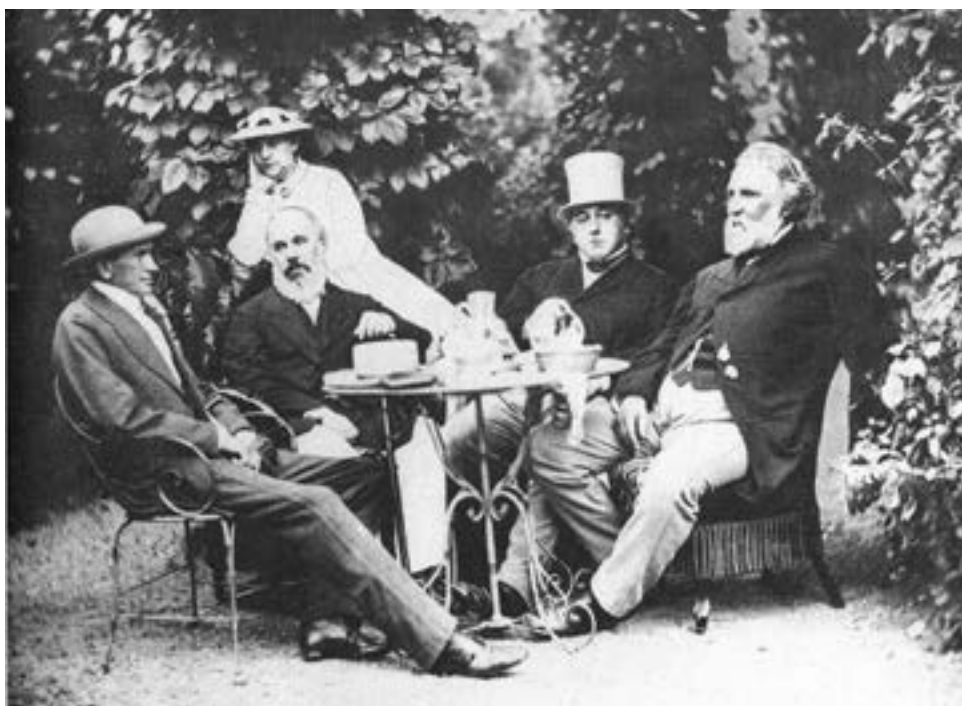
Тургенева больше всего занимает герой и его отношения с жизнью и временем. Время уходит, жизнь выпихивает героя; строгая и чистая женщина внимательно смотрит на него, ожидая ответа – и автор ищет ответ вместе со своим героем: чем жить, когда жить нечем? Что делать, когда, что ни делай, ничего не выходит? Он не выносит приговоров – он наблюдает, со-

И.С. Тургенев.
1850-е годы

И.С. Тургенев
на даче
у Милютиных.
Баден-Баден.
1867 год

страдает, думает и задает читателю вопросы. Может, оттого у него герои и гибнут так бездарно, что нового героя, еще не родившегося в жизни, он уже увидел? Вопросы, которые время только собирается поставить, он уже угадал? А ответы на них еще не созрели, их и не разглядеть – и что делать с таким героем? Только уморить его случайной заразой, услать в чужую страну. Только потом, потихоньку – он вообще не любил никаких резких движений, никакого радикализма – он стал писать: нужно постепенно возделывать свой сад, свое поле, делать жизнь лучше вокруг себя. Но эти ответы уже казались обществу недостаточно радикальными, а власти – чересчур радикальными.

Он не знал правильных ответов. В его знаменитом «Пороге» оба голоса – авторские голоса. Дура или святая девушка, которая готова на преступление ради великого дела. И дура, и святая, – а как правильно? Тургенев одним из первых увидел зарождение новых героев – не рефлексирующих и мягких, как он сам и его череда лишних людей, а жестких, уверенных, знающих, что делать, – восхитился и ужаснулся одновременно.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Потому народник Якубович писал, что Тургенев «служил революции сердечным смыслом своих произведений», а Герман Лопатин говорил о его «Нови»: «Он знал, что мы потерпим крах, и все же сочувствовал нам».

С середины 50-х Тургенев жил в Париже, затем уехал в Англию, потом в Германию, потом в Италию; потом стал наезжать в Россию на лето, когда жил в Спасском. 60-е дались ему трудно. Отношения с «Современником» были разорваны из-за статьи Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», посвященной роману «Накануне». Принято считать, что Тургенев испугался радикального политического прочтения романа – на самом же деле он протестовал против социологизации его, превращения художественного исследования в социологическое. По сути, он поставил Некрасова перед выбором: или критики-демократы, или я; Некрасов предпочел пожертвовать одним из авторов, но сохранить общественно-политическое лицо издания. «Отцы и дети» вызвали жесточайший раздор среди критиков: Писарев увидел нового прекрасного героя, а Антонович – пасквиль на демократическую молодежь.

Тургенев все чаще задумывался о том, как мало он знает о жизни и смерти, как мало понимает, как мало зависит от человека; отсюда его интерес к мистике, к таинственному и необъяснимому. И этот загадочный Тургенев в «Собаке» или «Кларе Милич» хотя и менее известен, менее читаем, но едва ли менее интересен, чем твердый реалист, тонкой кистью живописующий орловскую природу, или вдумчивый мыслитель, пытающийся угадать пути развития общества. В том, что касается фундаментальных основ жизни, он предельно честен с собой, друзьями и читателями: он не боится признаться, что отчаивается, что боится смерти, что устал от жизни; честность эта иногда смущает его друзей, внушая им чувство неловкости.

«Обеды пятерых».

Слева направо:
А. Доде,
Г. Флобер,
Э. Золя,
И.С. Тургенев

ДОБРЫЙ ВЕЛИКАН

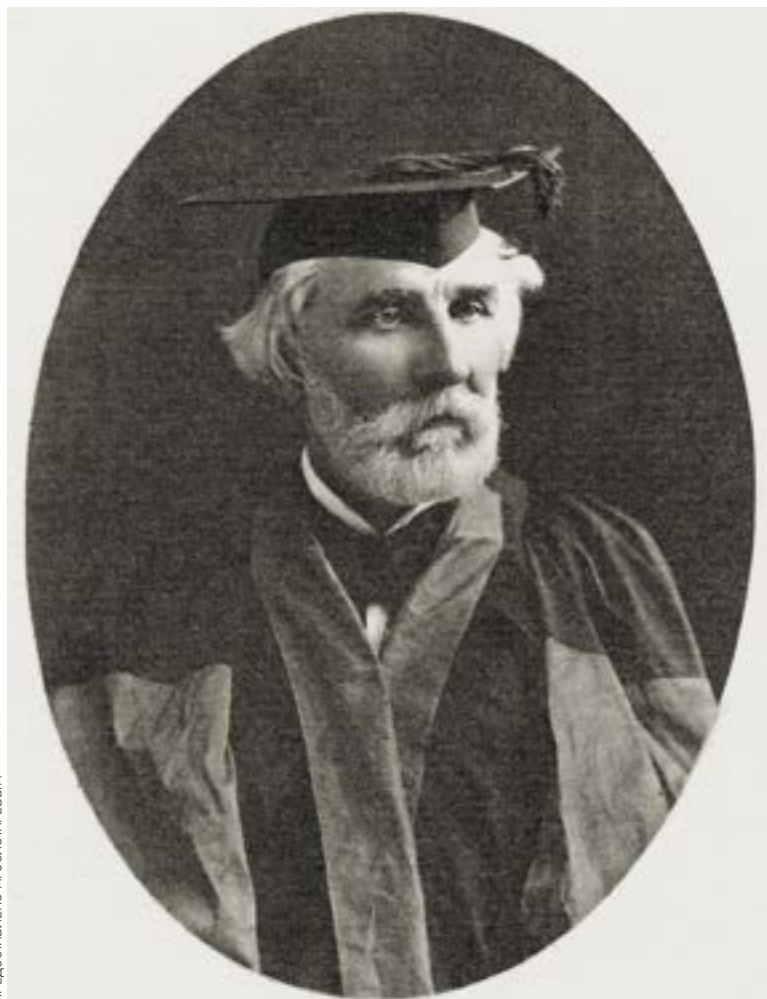
Тургенев 60–80-х помнится межуаристам как высокий красавец, седовласый великан с добрыми глазами, безукоризненно вежливый, воспитанный, необыкновенно начитанный, мягкий. Но не всегда он был мягок: однажды категорически отказался мириться с давним своим врагом Катковым. Он близко сошелся с французскими писателями – Флобером, братьями Гонкур, Мопассаном, Золя, Доде; известны знаменитые «обеды пятерых», на которые он являлся с книжками и бесконечно рассказывал фран-

цузским друзьям о русской и мировой литературе.

В 1878 году Тургенева избрали вице-президентом на международном литературном конгрессе в Париже, в 1879-м дали степень почетного доктора права в Оксфорде – все за те же «Записки охотника», за вклад в защиту прав человека, сказали бы сейчас. Со временем и на родине, где до сих пор говорили, что Тургенев из своего далека плохо понимает русскую жизнь (а Достоевский даже вывел его в виде отвратительного Кармазинова в «Бесах»), начинают понимать, сколько он сделал для

И.С. Тургенев
во время
болезни. Гравюра
Ю. Барановского
по рисунку
К. Шамеро.
1883 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.С. Тургенев
в шапочке
и мантии доктора
Оксфордского
университета.
1879 год

приступах он мог ходить только на костылях. Радость пушкинского праздника заставила его задуматься о переезде в Россию насовсем, но царевбийство в 1881 году и резкое изменение политического климата поставили крест на этих планах. Он был тяжело болен: полтора года его мучил рак спинного мозга, лишая возможности ходить, сидеть, писать – так что последние свои произведения он диктовал Полине Виардо. Те, кто посещал его в Париже, рассказывали, что великий писатель умирает в одиночестве, в тесной комнатухе, под которой без конца гремит музыка – Виардо дает уроки. А он говорил – нет-нет, комнаты тут везде маленькие, а музыку эту я люблю... Нет-нет, мне хорошо одному, я люблю одиночество.

Его последняя большая работа, «Стихотворения в прозе», – опять новое слово в литературе. Крохотные шедевры, созданные на путях синтеза поэзии и прозы, намеченных Пушкиным и Гоголем; короткие лирические записи – когда фабульные, когда нет, совершенные по композиции, с отточенной мыслью... Русский язык слушался его, как волшебный инструмент в руках виртуоза. Отсюда, должно быть, его размышление о языке: ну не может бездарный, рабский, ни на что не способный народ создать такой инструмент. «Честности, простоты, свободы и силы нет в народе – а в языке они есть... Значит, будут и в народе», – писал он в одном из писем в 60-х – и перед смертью повторил: «Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Перед смертью звал к себе семью Виардо, близких, пытался их обнять. «Прощайте, мои милые, мои белесоватые», – сказал последнее, уже заглядывая за пределы, в которые не проникает человеческий взгляд. Умер – и лицо его стало спокойным, мирным – может быть, потому, что отмучился – или увидел ответ на загадку, которую всю жизнь пытался отгадать. **■**

Похороны
И.С. Тургенева
в Санкт-Петербурге
27 сентября
1883 года.
Гравюра
с рисунка
С. Шамоты

русской культуры. Торжественные чествования, полные залы народа, рукоплескания. Время примирения с друзьями-врагами, ощущения, что делается общее дело, – особенно мощ-

ным и ясным это понимание было в 1880 году, во время Пушкинских торжеств, в подготовку которых Тургенев вкладывал все силы. А сил уже оставалось мало: мучила подагра, при ее

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

БЕЛОРУССКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК УГОЛ ПЕРВЫЙ. БАРАНОВИЧИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСЕЯ ВОРОНОВА

О ГЛАВНОМ ПРИНЯТО ПИСАТЬ В КОНЦЕ. СНАЧАЛА – БАСНЯ. ПОТОМ – МОРАЛЬ. НО ТУТ ИНОЙ СЛУЧАЙ. ПОСЛЕ ТОГО КАК У ИСТОКА ПУТИ БЕЛОРУССКИЙ ИСТОРИК И ПИСАТЕЛЬ АНАТОЛИЙ ШАРКОВ ПОДАРИЛ МНЕ НЕОБЫЧНУЮ КАРТУ СВОЕЙ СТРАНЫ, ЗАХОТЕЛОСЬ НАЧАТЬ С ГЛАВНОГО. НА ЭТОЙ КАРТЕ – МЕСТА ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ИХ – 248!

И СРАЗУ СТАЛО ПОНЯТНО, что в Белоруссии та война никогда не была «забытой войной». Этого расхожего штампа, столь популярного в нынешней России, для белорусов не существует. Помнили и помнят!

НЕСЛУЧАЙНЫЙ ВЫБОР

Трасса Е-30... Можно ограничиться участком Минск – Барановичи. А можно при желании махнуть из Омска в ирландский Корк. Не то чтобы совсем прямая, но и кривая, как известно на Руси, вывезет. И всего-то около 6 тысяч километров. Что до белорусского участка дороги, то никаких кривых: ровная широкая трасса без препон и колдобин. И количество километров куда скромнее. От Минска до Барановичей примерно 150 верст. О белорусских дорогах хочется сказать отдельно. Чудо-дороги, надо признать. Многополос-

Памятник паровозу на вокзальной площади Барановичей-Полесских

ные, ухоженные, без пробок. Давно не был в Швейцарии и потому не могу утверждать, что там по-прежнему стригут траву на придорожных холмах. А вот в Белоруссии – стригут! Всюду, кроме мест, где в шоссе упираются аккуратные поля зерновых, которые по определению грамотно «стригут» уверенные в своей силе комбайны. Первый пробег по белорусской земле, от Минска до Барановичей, – самые сильные впечатления. Потом, на следующих маршрутах, как-то свыкся. И с сеном, упакованным в белые пластиковые овалы, в шахматном порядке разбросанные на желтом жнивье. И с толпами аистов, блуждающих вслед за жующей колосья техникой. И с группками рабочих, приводящих в порядок обочины той самой Е-30. И с отсутствием бывших в употреблении пластиковых бутылок и пластиковых же пакетов вперемежку с окурками вдоль придорожных канав.

Глядя на карту, подаренную Анатолием Васильевичем, быстро понял, почему в глазах встречавших меня специалистов мяг-

Здание
Краеведческого
музея
Барановичей,
в прошлом
торговый центр
Левы Брегмана

ко светился вопрос: что тебе сдались эти Барановичи? Но тут меня с панталыку не сбить: на этой земле Первая мировая война началась именно в Барановичах. В скромном западнобелорусском городке, откуда пути-дороги вели на Брест и Варшаву, Петербург и Москву, с первого дня войны работала Ставка Верховного главнокомандующего Русской армией великого князя Николая Николаевича-младшего.

Для размещения Ставки этот городок Полесья с населением в 30 тысяч человек выбрали неслучайно. Транспортные коммуникации на войне, равно как и грамотное планирование и связь, – вещи святые. А что до коммуникаций – то тут Барановичи могли дать сто очков вперед любому городу на западных границах империи. Собственно, и сам городок возник благодаря транспортной инфраструктуре, появившейся здесь, в Новогрудском повете Минской губернии, в конце XIX века. Виленско-Ровенская железная дорога тащила паровозы из Барановичей в Литву и далее на Питер,

в другую сторону – на Украину. Московско-Брестская, понятное дело, – в Первопрестольную и Европу. Согласно телеграмме, посланной начальнику Московско-Брестской железной дороги господину Викбергу, 28 ноября 1871 года станция Барановичи приняла и отправила на Брест первый товарно-пассажирский поезд.

Местечко стало развиваться вокруг двух железнодорожных вокзалов, соединенных внутренней 2,5-километровой веткой. Так и по сей день: есть станция Барановичи-Центральные и станция Барановичи-Полесские. Развивался город, надо признать, стремительно...

Если верить некоторым источникам, еще в 1627 году некая Анна Сенивская подписала завещание, в котором оставляла имение Мышь вкупе с деревнями, включая и деревню Барановичи, своему сыну. Позднее земли меняли владельцы, оказались в огне Северной войны между Россией и Швецией, в итоге в первой половине XVIII века местечко, принадлежавшее Польше, насчитывало

«тягловых хозяйств 20 дворов». Спустя полтора века уже «Русский географический словарь» сообщал: «местечко Барановичи – село в Новоградском уезде, 150 жителей».

Но вот что железная дорога с нами делает! Уже к 1914 году город имел десятки заводов и фабрик самого разного профиля – от кирпичных до мыловаренных; полтора десятка религиозных центров различных конфессий – 4 православные церкви, римско-католическую часовню и, что характерно, 10 синагог, несколько гимназий и училищ, единственную на Полесской железной дороге больницу на 20 коек и даже собственную газету «Барановичский листок объявлений». По числу жителей уступал лишь Минску, Бобруйску и Пинску. Это ежели не считать находившихся в Барановичах военных из состава железнодорожной бригады. При этом, не имея статуса уездного города, Барановичи числились в собственности дочери графа Розадовского – Марии Гурской. Впрочем, август 1914 года интересы владелицы уже не учитывал.

...Поворот в город с Е-30 выводит на городскую магистраль – Советский проспект,

Фрагмент экспозиции Краеведческого музея Барановичей

который после моста, нависающего над немыслимым количеством рельсов и шпал, превращается в Советскую улицу. Одну из двух главных в городе. Скромно, чисто, аккуратно. Полдень рабочего дня, а народу тут – как в праздник. Как ни старайся, но поверить в то, что Барановичи заполнены туристами, не получается. Хотя, с другой стороны, жителей по последней переписи 170 тысяч. А среди них пенсионеры, мамы с детьми, всегда и везде беспокойная каникулярующая летом молодежь. На центральной улице машин немного – всюду

запретительные знаки. Посему на авто с российскими посольскими номерами красного цвета оглядываются с интересом. И чего занесло, спрашивается? Вот и краеведческий музей, расположившийся в двухэтажном здании, дореволюционное происхождение которого сомнений не вызывает. Таких домов в Барановичах, переживших в XX веке две жестокие войны и оккупации, уцелело немного. Когда-то, до Первой мировой, здесь, на торговой улице, носившей название Мариинской, держал магазин и склад готового платья некто Лева Брегман.

Фотографии времен Первой мировой войны

Экспонаты
Краеведческого
музея
Барановичей

В музее, возникшем в 1929 году, разоренном в Великую Отечественную, возрожденном после оной и обретшем статус краеведческого в 1954-м, много интересного. А вот по части Первой мировой – мало. От силы половина одного зала отведена под историю 1914–1918 годов. Считанные стенды, в которых считанные экспонаты. Было? Да, было, отвечают. Но без особого энтузиазма. И понять можно: откуда им взяться, экспонатам и раритетам, если русская Ставка стояла в Барановичах чуть более года? Ушла на восток Ставка. Ушло вместе со Ставкой и то, что впоследствии назвали бы экспонатами. Остались, конечно, фотографии, кое-какие документы, письма. До сих пор в окрестностях Барановичей можно накопать гильз от мосинской трехлинейки. Правда, это уже будут гильзы-раритеты образца 1916-го, когда восточнее города рвались в наступление части русской 4-й армии генерала Рагозы. Рвались, но до Барановичей так и не дотянулись. А осенью 1915-го, едва сместилась в Могилев Ставка, в город вошли разъезды австрийской армии. Следом за ними – пе-

редовые части армии генерала фон Войрша. Этим было не до экспонатов. Восточнее Барановичей была создана мощнейшая линия обороны. Ее-то и штурмовали в начале лета 1916 года солдаты 4-й армии русского Юго-Западного фронта. Совместная австро-немецкая оккупация продолжалась долгие месяцы. Даром что весной 1918-го уже Советская Россия вышла из войны, подписав сепаратный Брест-Литовский мир. Пусть и подписали большевики унижительный документ на сотню верст западнее Барановичей, но германцы покинули город только спустя год, в начале 1919-го. Пожалуй, гильзы и солдатские письма в рейх не вывозили – ни к чему. Зато все остальное перли с тевтонской аккуратностью. А все, что не сперли во время Первой мировой, утащили в Великую Отечественную. Рядом с Советской улицей красивый и уютный парк с нетипичным названием – «Молодой». К нему от Советской ведет короткий и совершенно провинциальный бульвар. В том смысле, что от бульвара там ничегошеньки и нет. А есть широкий уличный аппендикс с несколькими кафе,

объединенными не столько похожим меню, сколько общим правилом. А именно: ключ от туалетной комнаты надо спрашивать у бармена. Это само по себе не слишком удобно, а когда бармен в отсутствие клиентов некоторым образом отлучился в подсобку – особенно.

И что примечательно. Бульвар называется Штоккерау. Подумалось, в честь какого-то век назад полезного обществу местного жителя. Оказалось – в честь города-побратима из Австрии... А парк замечательный. Небольшой, веселый, добрый. Неподалеку от входа на том самом бульваре Штоккерау под тентами кафе трое молодых людей лет 18–19. И без всякого пива на столе. Интересно, знают ли что про Первую мировую в Барановичах вообще и про Ставку Верховного в частности. Выясняется, что про войну – не очень. А про Ставку – в курсе. Была, мол, такая где-то у железнодорожного Полесского вокзала. Весьма показательно в контексте опросов московских школьников на предмет отечественной военной истории. Однако – в Ставку!

СТАВКА

В краеведческом музее на сей счет ответствовали неопределенно. Находилась в районе станции Барановичи-Полесские. На территории нынешнего Южного района. То ли на улице Заслонова, то ли Свердлова. Но – ничего не осталось. По крайней мере, точных данных нет. Впрочем, поищите...

Удивляться, однако, нечего. Ведь это только звучало громко – Ставка главнокомандующего выглядела более чем скромно. Недалеко от Полесского вокзала отвели участок железнодорожного полотна рядом с бараками военно-железнодорожной бригады, куда поставили «на якорь» два поезда, состоявшие из мягких вагонов. Первоначально весь личный состав Ставки – около 200 человек, включая

нижних чинов obsługi. Не слишком усердствовали по части комфорта и показухи даже во время приезда государя. А он – и это четко зафиксировано – посещал Ставку десять раз. То есть почти ежемесячно. И в общей сложности провел в Барановичах более двух месяцев. Царский поезд ставили на запасный путь, и Николай II вместе со свитой и охраной пребывал в Барановичах в столь же спартанской обстановке, что и остальные. Кое-что о повседневной жизни Ставки в период с августа 1914 года по август 1915-го можно прочесть и в дневниках Его Величества, которые он вел весьма скрупулезно. Например: «11 июня. Четверг. В 4.45 приехал в Барановичи. Доехал до Ставки в 5.30. Здесь для поезда устроен навес. В роще напротив поставлена палатка – столовая, где мы и обедали; рядом кухня в деревянном бараке. После обеда был короткий общий доклад». Или: «20 июня. Суббота. После доклада пошел смотреть уральскую баню. В 2.25 поехал к Скобелевскому лагерю, к железнодорожной станции и по песчаной дороге вернулся на Брестское шоссе, оттуда назад через Великие Луки. После чая пошел проводить конно-пулеметную команду Лейб-Гвардии Казачьего полка, уходящую вперед к своей бригаде. Занимался до обеда»... Советская улица естественным образом соседствует с улицей Ленина. А как же иначе? Сворачиваем – и вновь мост над могучими железнодорожными путями. Правее – станция Полесская. Площадь перед зданием вокзала, коих – площадей – на постсоветском пространстве, видеть, тысячи. Помню ровно такую же в пензенских степях, окружающих городок Кузнецк. Уже лет 35, как помню. Вряд ли на кузнецкой площади что-то за это время изменилось. Вот и тут, в Барановичах, беспокоит схожее ощущение. Кому «День сурка» ближе, кому – «Зеркало для героя». Суть одна. Но есть на площади вокзала Барановичи-Полесские то, что не

Молодые жители
Барановичей
в «Молодом»
парке

Архитектурное
излишество
на бульваре
Штоккерау

позволит спутать ее с другими подобными привокзальными площадями, – настоящий паровоз. На постаменте. Черный и красивый. Как положено паровозу. Недалеко от многоколенного памятника – здание красного кирпича в один этаж. Очевидно, дореволюционного происхождения. И весьма железнодорожного. На здании – вывеска, информирующая о том, что здесь находится Музей истории Барановичского отделения Белорусской железной дороги, открытый в 1984 году. И это тоже придает месту неповторимость. Уверен, немного таких музеев не то что в Белоруссии – во всем мире. Уж здесь-то должны знать, где стояли поезда Ставки сто лет назад? После беглой беседы с директором выяснилось, что точных координат нам не видеть. И показалось на миг, что не слишком-то жалуют в музее, хранящем всяческую железнодорожную память, другую память – об империалистической, то бишь Первой мировой. Тем более что сразу после завершения германской оккупации

в Белоруссии власть взяли Советы. А железнодорожники – передовой отряд, так сказать. Наряду с революционными моряками. И в Барановичах сей факт имел место еще в революцию 1905 года... Но беглый взгляд часто бывает ошибочным. Постепенно выяснилось, что несут и в этот музей всякие любопытные вещи

времен Первой мировой войны. А то и более раннего происхождения, но все равно связанные с Русской армией. Полчаса тратим на то, чтобы разобраться, кому могла принадлежать восьмиугольная ременная пряжка с императорским вензелем и надписью «За царя и Отечество», звоним большим специалистам в Петербург,

Здание Музея истории Барановичского отделения Белорусской железной дороги

консультируемся. И расстаемся на том, что при первом же случае фото этой пряжки будет продемонстрировано в Эрмитаже и Государственном Историческом музее людям, знающим толк в военной амуниции столетней давности. А результат будет представлен в Барановичский музей железной дороги. Потом появляются кое-какие пожелтевшие документы. И вновь – предположения, размышления, версии. Нет, равнодушны тут люди к памяти о Великой войне, не равнодушны!

Но казус сохраняется. Нет точных адресов той самой Ставки. Есть лишь намеки. Возвращаться через мост над Полесской веткой, сверните налево, потом прямо, снова налево...

На большой прямоугольной поляне, примыкающей к железнодорожной полосе отчуждения, стоит одноэтажный краснокирпичный барак, крашенный когда-то белой краской. По всему – здание старое, казарменного типа. Стекла в окнах высажены, часть окон забиты жестяными пластина-

Восьмиугольная ременная пряжка с императорским вензелем и надписью «За царя и Отечество». Музей истории Барановичского отделения Белорусской железной дороги

ми. В крыше провалы. Одно слово – запустение. Рядом – та самая улица Заслонова, которая фигурирует в некоторых исследованиях, касающихся местоположения барачных околов Ставки. Чуть дальше – улица Свердлова, которая тоже фигурирует. Но, с другой стороны, в воспоминаниях бараки ведь – деревянные? Их строили в конце XIX века для размещения военных железнодорожников, призванных обслуживать Барановичский узел. И их было много, десятка два. Ведь целая бригада стояла!

СВЕРНИТЕ В СТОРОНКУ...

Среди телевизионщиков и фоторепортеров такие сюжеты именуют постановочными. Проще говоря, специально организованными. А тут... Из-за угла барака появляется мужчина, всем видом соответствующий тому типу людей, что у нас именуют бомжами. Грязный, небритый, сомнительно одетый и с внушительным целлофановым пакетом, в котором отчетливо просматривается силуэт поллитровки. Уверенно, по-хозяйски направляется к окну без стекол, видать, уже давненько заменяющему всем местным обитателям дверь. На вопрос, знает ли он бывшее предназначение его нынешнего жилища, отвечает без напряжения и сугубо отрицательно. Информацию о том, что здесь, возможно, в годы Первой мировой находилась Ставка главнокомандующего, воспринимает ответственно и с интересом. А на вопрос, что же будет дальше с его пристанищем, отвечает уверенно: «Под снос». И добавляет, что тут рядышком несколько похожих барачных строений уже снесли. Совсем недавно.

Секрет «всеобщего незнания», поразившего краеведов и прочих жителей Барановичей, открылся уже в Москве. Среди прочих публикаций белорусских СМИ на сей счет удалось найти и такую – «Нужен ли Барановичам музей Первой мировой войны?» на портале Govorim.by. Оказалось, что те самые бараки,

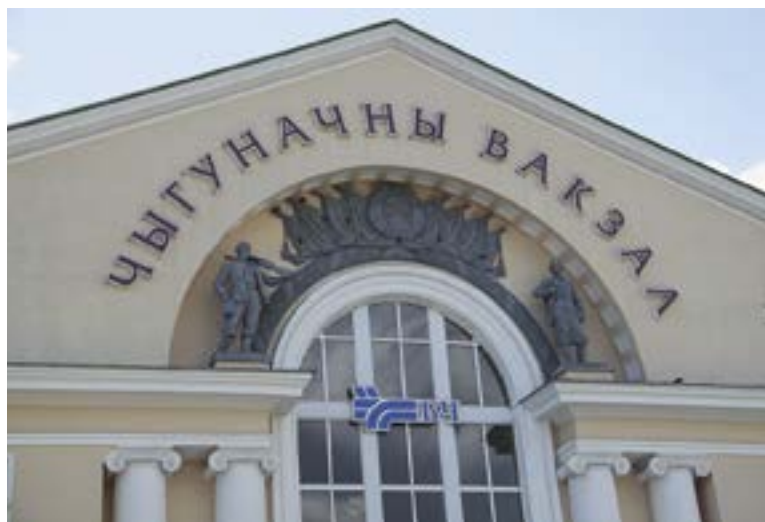
Фотография из экспозиции Краеведческого музея Барановичей: великий князь Николай Николаевич – младший со свитой на фоне штабного барака Ставки

в большинстве находящихся на балансе Министерства обороны Белоруссии, на самом деле обречены. Несмотря на то, что несколько лет назад власти города приняли решение открыть в одном из них соответствующий музей. Но что-то не заладилось. То ли по финансовым соображениям, то ли по идеологическим. То ли еще по каким.

И вот что еще любопытно. В этой же публикации говорится о том, что местные жители осенью прошлого года начали самостоятельно разбирать бараки на «запчасти». Среди запчастей имелись и кирпичи. А найденный нами кирпичный барак – ближе прочих к железной дороге...

Так вот, природа «всеобщего незнания» историков и краеведов, по крайней мере, тех, с кем довелось поднимать эту тему, заключается в качестве, присущем всему Русскому миру и белорусам в частности. И это качество – совесть. Нам по-прежнему неловко вслух говорить о своих болезнях и глупостях. Нам по-прежнему легче разводить руками.

Хотя... Поисками Ставки в Барановичах занимались даже те, кто сто лет назад в эту Ставку направлялся по долгу службы. Почти анекдотические воспоминания оставил протопресвитер Русской армии отец Георгий Шавельский: «Барановичи – большой

Железнодорожный вокзал Барановичи-Полесские

Барак на территории бывшей Ставки Верховного главнокомандующего Русской армией

железнодорожный узел с двумя станциями. Тут же, между станциями, по обеим сторонам железной дороги, больше по левой, тянется большое еврейское местечко. На южной окраине местечка, у самой станции – «железнодорожный городок». Здесь в мирное время была стоянка трех железнодорожных батальонов. Посреди этого городка, на углу небольшой площади, стояла железнодорожная церковь.

Сохранить в тайне от неприятеля местопребывание Ставки в таком бойком месте, конечно, было нельзя. Но свои, действительно, иногда никак не могли узнать эту «тайну». В Ставке много смеялись по поводу одного случая, когда какой-то генерал, желавший побывать в Ставке, никак не мог узнать в петербургских штабах, где же именно Ставка, и, пустившись разыски-

вать, исколесил весь юго-запад России, побывав и в Вильне, и в Киеве, пока наконец кто-то не направил его в Барановичи. Этот случай не был единственным».

В конце концов, что такое Ставка? Рабочее место войны, не более. Только очень исторически чувствительным людям важно, что по пожухлой траве, пытающейся спрятаться от жаркого солнца под листьями редких каштанов и дубов, ступали когда-то государь с цесаревичем, великий князь с генералами своего штаба, солдаты конвоя. Что именно здесь, рядом с разваливающимся баракком, офицеры с аксельбантами Генерального штаба разрабатывали планы военных операций, изучали сводки с передовой, а в промежутках, выкуривая ароматную папиросу, делились друг с другом новостями из лю-

безного сердцу Петербурга. Вокруг Барановичей есть другие места, где и закаленные сердца начинают биться чаще. Тут в 1916-м шли страшные бои, и память о них сохраняется в деревнях Загорье, Кисели, Старые Войковичи, Скорово, Погорельцы, в урочище Литовский лес... Памятники, кресты, братские могилы...

Поведет трасса из Барановичей на Минск, та самая Е-30, не полнитесь, сверните чуть в сторону. Там русские солдаты лежат. ■

Продолжение следует.

Автор благодарит за помощь заместителя руководителя представительства Россотрудничества в Республике Беларусь, первого секретаря посольства РФ в Республике Беларусь Виктора Мичурина.

ВСЕМ МИРОМ

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА КОРККА

КОГДА НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ НИКОЛАЙ САЙКИН КЛИКНУЛ КЛИЧ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ДЕРЕВЕНСКОЙ УСАДЬБЫ ВОЛОГОДСКИХ ДВОРЯН РЕЗАНОВЫХ-АНДРЕЕВЫХ «ВСЕМ МИРОМ», ОН И ПОДУМАТЬ НЕ МОГ, ЧТО СПУСТЯ ГОДЫ В ДЕРЕВУШКЕ КУРКИНО, РАСПОЛОЖЕННОЙ В 20 КИЛОМЕТРАХ ОТ ВОЛОГДЫ, РАЗМЕСТИТСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ.

ДВАДЦАТЬ ДОБРОВОЛЬЦЕВ из Канады, Испании, Франции, Финляндии, Германии и других стран две недели расчищали заросшие дворянские пруды,

выносили мусор из барского дома и разбирали сгоревшие постройки. И, разумеется, знакомились со страной и ее людьми. Главное – хорошее дело начать, а мир подключится.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Трудовой лагерь – дело добровольное. И в вологодское село волонтеры, которым от 17 до 30 лет, съехались не для того, чтобы гранты осваивать, социологические исследования проводить и статьи писать. А для того, чтобы окунуться в подлинную Россию и жизнь ее людей. Потому-то и выбрали не турфирму и не путеводитель, а волонтерский сайт. И впитывали страну через запахи, скрип половиц старинной усадьбы, крапивные волдыри и укусы слепней. По признанию участников этого трудового съезда, теперь Россия для них не страна медведей и балалаек и уж, конечно, не государство танков и ракет, а «земля высоких деревьев и длинных вечеров», как выразился один из волонтеров. Корреспондент «Русского мира.ru» провел в лагере один день. Программа пребывания гостей в Вологодской области была по-

Когда-то пруды
усадьбы Куркино
славились на всю
округу – здесь
устраивали
лодочные
прогулки
и ловили рыбу

строена так, чтобы им не нужно было гоняться за впечатлениями. Почти каждый вечер – межкультурные посиделки с рассказами о своих странах, пением и танцами, а также угощениями, привезенными отсюда или приготовленными здесь. В первый день пребывания в Куркине волонтеры играли в футбол с местными жителями. На русских и не русских не делились – команды были смешанными. В другой день посетили парк деревянного зодчества, в третий выбрались в Вологду – побродили по городу, зашли в музей и ночной клуб. Общая картинка получилась, возможно, неполной и неоднородной, но уж точно пестрой. «Русские очень гостеприимны, – уверена испанка Лорена. – Я об этом слышала, но не думала, что это качество настолько сильно в них развито. И чем люди скромнее живут, тем они щедрее». «А мне в Канаде говорили, что русские холодные и

Француз
Флориан увлекся
Россией после
прочтения
книг Толстого
и Достоевского,
но нашел здесь
нечто иное

неприветливые, но это не подтвердилось – нас очень тепло приняли», – говорит учительница из Канады Эдриан.

Местные жители потянулись к волонтерам с первых дней. Как всегда, разведчиками выступили дети, которые целыми днями колесят по селу на велосипедах. Услышав иностранные слова (рабочий язык лагеря – английский), ребятня проявила своеобразный интерес. «Они стали говорить нам разные плохие слова, но с улыбкой, наслаждаясь тем, что гости не понимают истинный смысл говоримого, – рассказывает координатор лагеря Ксения Шорохова. – Но я сказала им: «Ребята, среди нас и русские есть. Хотите общаться – общайтесь, только будьте вежливы».

После этого дети стали лучшими друзьями и помощниками волонтерской команды. Самая тесная дружба завязалась у них с канадкой Эдриан. В Монреале она работает учительницей началь-

ной школы и преподает ученикам сразу несколько предметов. «Я противница всяких стереотипов, – утверждает она. – Это и привело меня в Россию. Хотелось увидеть самой, как живут здесь люди». О наблюдениях первыми узнают ученики Эдриан, которая планирует посвятить России несколько уроков истории и географии. И статью в школьную газету пишет.

ОБЕД С ДОБАВКОЙ

Они, конечно, добровольцы и работают с разговорами и шутками. А обеденный гонг вмиг еще больше улучшает настроение всем. Питаются в школьной столовой, и еще до того, как увидеть накрытый стол, русеющие на глазах иностранцы забавляются с эхом в школьном коридоре и брызгаются водой в туалетной комнате. Француз Флориан, которому не хватило крана и раковины, коротает время, рассматривая плакат «Хлеба к обеду в меру бери».

Гости обедали в школьной столовой. Меню не корректировали – кормили борщом, пюре, котлетами и прочим

Плакат плакатом, но с волонтерами не жадничают. Под Вологодой большинство из них узнали и выучили слово «добавка». А оно означает – доев положенную порцию, отправляясь с тарелкой на раздачу и, улыбнувшись поварихе, получи второе первое или второе второе, по стуку поварешки о кастрюлю

определяя, сколько раз еще можно подойти за добавкой. Сегодня на столе борщ и котлеты с пюре. – Им готовят те блюда, которые едят ученики школы села Куркино, никаких особенных заданий повара не получают, – рассказывает Ксения Шорохова. – Наши добровольцы не привередничают и не голо-

ВО ДВОРЦЕ

Гости живут в двух комнатах второго этажа барского дома усадьбы Спасское-Куркино – в лагере дом называют *palace* (дворец). Девушек приехало больше, а потому слабому полу отдана бывшая бальная зала. Юноши разместились в личных покоях дореволюционных хозяев усадьбы. Спят на кроватях и раскладушках, условия спартанские, на стене вывешен график дежурств. Из роскоши – бесплатный Интернет, провод перекинули из пятиэтажки, стоящей от дворянского дома в 50 метрах. Связь с внешним миром необходима, по признанию волонтеров, не столько им самим (дескать, мы бы не прочь окунуться в деревенскую Россию и с полным погружением), сколько их родственникам.

Испанка Лорена рассказала о ежедневных разговорах и переписке с отцом, который был категорически против ее поездки. Лорена очень смешно показывает удивление папы, узнавшего о маршруте дочери. «В Россию? Одна? Ты с ума сошла?» – говорит она громовым басом, округляя глаза и дергая нижней губой. В первые три дня пребывания в России Лорена послала ему по электронной почте два десятка снимков, сделав фотокомикс своей жизни в Куркине. Убедившись, что дочь весела и окружена улыбчивыми людьми, отец успокоился.

– А мои родители спросили, куда именно я еду в Россию – в Москву, в Санкт-Петербург, на Урал или в Сибирь? – рассказывает француз Флориан. – Я стал объяснять, но они долго не понимали. Тогда я взял салфетку и нарисовал треугольник – внизу написал слово «Москва», сверху слева – «Санкт-Петербург», а сверху справа нарисовал свое улыбающееся лицо.

Жизнь в барском доме смешала для гостей коктейль из трех веков российской истории. С XIX веком их знакомит архитектура усадьбы и рассказы местных краеведов. Век XX представлен картинами, которые в бытность барского дома колхозной конторой были

дают. Вы помните рисовую запеканку, которой нас кормили в детском саду? Я ее до сих пор терпеть не могу. А ребята ели с удовольствием, да еще и за добавкой ходили.

Пытаясь перебить впечатление команды от запеканки, французы Флориан и Адель в один из дней вызвались провести вечер родной кухни. По их просьбе им предоставили плиту, повара удалились. В момент приготовления французских блинов сработала пожарная сигнализация, которая созвала «на ужин» десятки людей с ведрами, полными воды.

Улыбчивая блондинка из Нанта Адель, которую гости лагеря и местные жители принимают за русскую девушку, рассказала, что давно мечтала приехать в Россию. «Любовь к вашей стране пришла через ваши замечательные советские мультфильмы, – говорит она. – По картинкам знала о том, что здесь красивая природа и потрясающие церкви». «А я увлекся Россией через литературу – Толстой и Достоевский мои любимые писатели, – вторит ей тулузец Флориан, лицом, бородкой и шляпой очень похожий на Д'Артаньяна. – Я немножко читаю по-русски, захотелось ус-

лышать, как звучит этот язык». На вопрос, соответствовала ли российская реальность их ожиданиям, французы хором отвечают: «Нет». «Здесь совсем не так, как в мультиках», – смеется Адель. «И совсем не так, как у Достоевского, – замечает Флориан. – Я понял здесь, что мои знания о России были поверхностными. Мы увезем отсюда более глубокие впечатления, чем можно получить из книг».

Дольше других за обеденным столом задерживаются студентки с Тайваня Чичи и Джоэн. Они не скрывают, что в Россию их привело любопытство. Прожив в Куркине неделю, Чичи, которая учится в университете на архитектора, рассказала, что увлеклась не столько здешними фронтонами, фасадами и портиками, сколько борщами, щами и рассольниками.

– Здесь я поняла, что такое суп и каким вкусным он может быть, – говорит Чичи.

– Я первый раз в России, – признается ее подруга Джоэн. – Почему выбрала вашу страну? Потому что она не похожа ни на Европу, где я бывала, ни на Азию. Хотелось чего-то нового – известного и незнакомого одновременно.

Волонтеры жили в усадьбе. Девушки заняли бальную залу, юноши – покои бывших хозяев

развешены на ее стенах, – на них запечатлены соревнующиеся на стадионе пионеры, веселая телятница, ухаживающая за радостными телятами, и т.д. А нынешний век шумит, смеется, поет, работает и ругается за окном – дом стоит на одной из самых оживленных улиц деревни.

Распорядок не строг, но обязателен. Завтрак в 9 утра, в 10.30 оргсобрание, в 11 часов начинается рабочий день, который завершается (с перерывом на обед) в 17.30. Отбой в 11 часов вечера.

– Если бы я жила одна в таком доме, было бы безумно страшно – только и ждешь, что из-за угла выплывет привидение, – говорит худенькая Чичи с Тайваня. – Но нас здесь много, и мне не страшно.

– Наши мальчики защитят нас, если что, – уверена канадка Эдриан, кивая на проходящего мимо француза Флориана. Тот выражает благодарность, сняв шляпу и отвесив изысканный поклон.

Учительница из Мадрида Лорена в Куркине не теряет времени даром – изучала деревья, которые носила

Западный принцип – женщины и мужчины работают на равных – в России многих удивлял

НА РАБОТЕ

При слове «инициатор» представляется каменщик, который поставил кирпич на кирпич и отошел в сторону, предоставив продолжение строительства другим. Предприниматель Николай Сайкин, хотя и подлинный инициатор этого проекта, в сторону не отходил, и уже несколько лет восстанов-

ление полузаброшенной усадьбы Спасское-Куркино, некогда считавшейся жемчужиной Вологодского уезда, занимает все его свободное время и все свободные деньги, заработанные на валянии валенок.

В деле усадебной реставрации он повсюду – и на стремянке с молотком в руке, и в городском архиве, и в приемной местного

Николай Сайкин
многие годы
занимается
восстановлением
усадеб

Перед началом
работ некоторым
иностранцам
рассказали
о крапиве
и о том, что она
больно жжется

– Нет, я не устала, – отвечает француженка Адель, держа огромную березовую ветку. – В хорошей компании труд превращается в праздник. Обратное к пруду друзья везут ее на тачке, при этом хохочут все. «В первый день мы разбирали сгоревший флигель, ворочали горелые бревна, – рассказывает координатор лагеря Ксения. – С работы ребята возвращались с ног до головы черные, а им весело – бросились... нет, не мыться, а разрисовывать друг друга – на черное любая краска отлично ложится. Сгоревший флигель качался на ветру несколько месяцев, пруды большинство жителей деревни Куркино с детства помнят заросшими и замусоренными. Но помогать Сайкину и волонтерам не спешат. «Я их не виню, лето в сельской местности пора горячая – огороды, грибы-ягоды, – вздыхает реставратор-любитель. – Но... не знаю... могли бы поучаствовать, наверное, ведь для себя делаем. Ладно пожилые, но молодежь-то слоняется без дела. Приглашали не раз – ребята, приходите, помогите. Не идут, не надо им. А девочкам из Финляндии и Франции почему-то надо. Неправильно все это».

Ксения Шорохова также призналась, что момент мягкого давления на местное население в этой акции присутствует. «Мы как бы говорим жителям Куркина – посмотрите, каким вы сокровищем обладаете, им восхищается и дорожит весь мир, – заметила она. – Неужели не обидно оставлять это чудо в таком состоянии?»

Может, и работает. ■

начальства, и на трибуне, и на газетной странице, и в разросшемся кустарнике с бензопилой в руках. Таким мы его и заставляем возле затянутого тиной пруда. «Тут целая цепь прудов, их Резановы соорудили, когда-то в них зеркальные карпы плавали», – расскажет он позже. Работа для иностранных помощников нехитрая, но на жаре не слишком легкая – таскать напиленную древесину в кучу: ветки, локом, бревна на тачке. Николай Сайкин – единственный в лагере, не говорящий по-английски. С помощниками общается жестами (мол, эту ветку тащи, а бревно оставь) и всем известными словами stop и OK. Первым предостерегает, когда пилит дерево, а вторым снимает предостережение. И никакого недопонимания.

– Как работает с иностранцами? Да замечательно, – говорит Николай Сайкин, наливая топливо в бензопилу. – Они великолепные помощники. При-

чем девушки ни в чем не уступают юношам. Предлагаю отдохнуть – дескать, мы с парнями доделаем – не соглашаются. «Мы чем хуже?» Девушка из Финляндии рассказала мне, что у них такое понятие, как «женская слабость», вообще не берется в расчет. Есть хорошие работники и есть плохие. Глядя на то, как пообедавшая молодежь в кроссовках на босу ногу и в косынках-банданах взялась за работу без раскочки и перекуров и за три с половиной часа не сделала ни одной остановки, понимаешь, что лагерь по-настоящему трудовой, а не социокультурный. На ночлег и борщ с добавкой иностранная команда точно заработала. «Погода отличная, я здесь отдыхаю душой и телом, – бодро рассказывает, надевая рабочие перчатки, Лорена. – В моем родном Мадриде сейчас плюс 40 градусов, а здесь 25. И ни дождей, ни заморозков».

ИГРЫ В КЛАССИКУ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

БЕСЕДОВАЛА

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

ВООБЩЕ-ТО ДЕПУТАТ МОЛДАВСКОГО ПАРЛАМЕНТА ОТ ОППОЗИЦИИ КОНСТАНТИН СТАРЫШ – ЧЕЛОВЕК ТЕЛЕВИДЕНИЯ. МНОГО ЛЕТ ОН ВОЗГЛАВЛЯЛ МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ ТЕЛЕРАДИОКОМПАНИИ «МИР», ВЕЛ ПОПУЛЯРНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕДАЧИ НА МЕСТНЫХ ТЕЛЕКАНАЛАХ.

ОН ЖЕ – СЦЕНАРИСТ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «Неизвестный Штефан» (о «последнем крестоносце Европы» – молдавском господре Штефане Великом), автор и ведущий музыкальных телепроектов «Посмотри же, солдат, это юность твоя», «Письма с фронта», «Высоцкий. Мой Гамлет», взорвавших общество, как писала пресса, «отходом от

канонов» и ставших лауреатами международных фестивалей. Его последняя работа до фестивалей еще не добралась. Ее премьера только-только прошла в Российском центре науки и культуры в Кишиневе. Телефильм «Пушкин. 215», созданный при поддержке фонда «Русский мир», стал открытием для зрителей, не ожидавших, что даже хрестоматийная «Буря мглою небо кроет» – совершенно рок-н-рольная вещь. Как, впрочем, и «Храни меня, мой талисман», и многие другие знакомые с детства пушкинские стихи. Таким вот необычным способом «Пушкин. 215» рассказывает о южной ссылке поэта.

– Когда мы общались с музыкантами в самом начале проекта, на меня смотрели недоверчиво: с чего ты взял, что Пушкин – поэт-песенник? А почему не песенник? Потому что он «наше все»? – недоумевает Константин Старыш. – Одна из задач нашего проекта – сорвать, сдарапать бронзу, сдуть пыль, показать живого человека. Поэтому в публицистической его части я практически отказался от политических перипетий, которые здесь с ним происходили, от всякого рода пафосных вещей. Сама по себе задумка написать новые песни в стиле рок-н-ролла на стихи Пуш-

кина как раз и предполагает бежать от догмы, от идолопоклонничества. Прочь от пушкиноведения, скажем так, навстречу Пушкину живому. В этом смысл проекта.

– Как у Маяковского: «Я люблю вас, но живого, а не мумию. Навели хрестоматийный глянец»...

– Ну да. Этим грешит любая школа, и высшая в том числе. Тебя все равно загоняют в рамки какой-то традиции, литературоведческой, критической. Вот уже сколько лет прошло, а мы не пытаемся выйти за рамки того, что написал когда-то там Белинский и другие великие критики. Ну почему мы там и застыли? Почему не движемся дальше? Не знаю, как сейчас в школах, но когда мы учились, вот столько критики о Пушкине, полтонны объяснений, пояснений и горстка текста. Надо тексты читать, надо возвращаться к текстам. Надо их прочувствовать, надо их понять.

– Читать классику с помощью современной музыки – прием не новый. Вспомни Давида Тухманова с его потрясающим диском «По волне моей памяти». И все-таки находились люди, которые его ругали. А Пушкин для Молдавии фигура знаковая, особенно для русскоязычного населения. И особенно сейчас, в наше непростое время. Это гордость, это символ русского присутствия на молдавской земле. Как отнеслись пушкиноведы к твоей затее?

– По-разному. В основном хорошо. Но и пеняли: вы как-то вольно с великими обращаетесь, хорошо хоть с биографией обошлись бережно. С пушкиноведами не шутят! Но разве пушкиноведы – тоталитарная секта, которая за любой шаг в сторону от догматизированной, академичной биографии Пушкина будет тебя карать? Любая биография, даже самая точная, все равно чего-то не доносит – какого-то аромата, духа времени. Словами все равно не передать чувства и эмоции, и текстовые вставки в фильме, где рассказывается о жизни Пушкина в южной ссылке, это на самом деле не столько передача биографических данных, сколько звенья цепи между песнями.

А была, наоборот, очень хорошая реакция у учителей-словесников, преподавателей вузов. Вот, говорили, мы обязательно будем показывать это своим студентам. Благодарили. По-моему, школьникам тоже будет интересно услышать Пушкина по-другому, в нормальной современной ритмике, в мелодике современной, в современной обработке. Думаю, осенью мы будем с фильмом просто ходить по школам, там, где нас примут, куда нас позовут. В помощь учителям литературы, так сказать.

Мне уже признавались, что после фильма люди перечитывали стихи Пушкина. Я на это, честно говоря, рассчитывал. Это не было нашей целью или самоцелью. В конечном счете у любого человека, который занимается творчеством, цель и самоцель – это самовыражение. А это побочный такой эффект, но очень, на мой взгляд, важный.

– А как вообще идея в голову пришла? И почему именно Пушкин, а, например, не Эминеску, тоже хрестоматийный поэт для молдавских школьников и студентов? Поэт замечательный, тонкий, глубокий, которого, увы, в политических целях в Молдавии нередко противопоставляют Пушкину.

– Идею эту я вынашивал несколько последних лет. У меня с детства было ощущение, что Пушкин – это музыка, причем современная. Может, тогда и застряло в голове... Поэтому, кстати, при работе над фильмом я не давил на музыкантов, просил, чтобы они сами себе выбирали материал поэтический. У каждого же свое восприятие. Услышать эту музыку, извлечь ее из поэтического текста – вот что самое главное. По-моему, музыканты все с задачей справились, не было ни одного непопадания.

Почему Пушкин, а не Эминеску? Потому что Пушкин не менее знаковая фигура для Молдавии. Именно здесь он совершил мировую революцию. Здесь что-то такое увидел, почувствовал, что взорвало русскую и мировую литературу. Здесь такое написал, такое задумал, что навсегда ее изменило. Вообще, кишиневцы должны быть благодарны за Пушкина «проклятому самодержавию». Хотя и недолюбливал он наш город, но одним своим присутствием прославил его. Но и город его на что-то подтолкнул, что заставило его писать такие вещи. Сошлись в одной точке, что называется.

– Когда-то Ираклий Андроников написал рассказ о том, как познакомился с пожилым человеком, который оказался племянником доброго знакомого Пушкина, Перцова. Андроников удивлялся тогда, что от него до Пушкина всего три рукопожатия. Кишинев всегда был городом, где все всех знают. И если копнуть, может оказаться, что от нашего поколения до пушкинского пять или шесть рукопожатий. Это же мало на самом деле. Для тебя, наверное, еще меньше, если учесть, что ты перечитал горы литературы, готовясь к проекту. О чем бы ты поговорил с Пушкиным, если бы вас не развело время?

– О женщинах (смеется). Там было о чем поговорить. На самом деле любые темы можно было бы затронуть. Думаю, политические вопросы занимали бы последние места в этом списке.

Поговорили бы мы еще, наверное, о поэзии, о Бродском например. Конечно, я бы с ним не спорил. Но сказал бы ему: «Ай да Пушкин! ай да сукин сын!» Он же реально совершил революцию, отменив понятие штилей. Он написал все нынешним языком. У нас люди некоторые, когда монтировали фильм, не верили, что стихи для песен были написаны двести лет назад. По «Гуглу» проверяли, действительно ли Пушкин их написал, а не современный поэт.

Я бы ему сказал: спасибо за язык, на котором мы умеем говорить и мыслить.

И о политике я бы с ним не спорил. Надо же понимать, что, когда он отстаивал какие-то по-

литические свои взгляды, он был мальчик. По нынешним временам, он погиб, когда люди только становятся на ноги. Очень все изменилось. А увлекался он всякими идеями, которые, кстати, мне близки. Он везде хотел поучаствовать сам. Он был такой живой, как ртуть. Правда, мне иногда жаль, что мы не встретились.

– *Необычное признание для депутата парламента. Как, впрочем, необычно и то, что ты книжки читаешь. Обычно представители политического истеблишмента ссылаются на острую нехватку времени.*

– По моему глубокому убеждению, нельзя заниматься политикой на каком-то относительно высоком уровне в обществе, в котором не читают книг. Такое общество очень легко обмануть. Посулами, какими-то обещаниями пустыми, лозунгами. В обществе не читающем смещены системы координат. Поэтому и заниматься политикой в нравственном смысле этого слова практически невозможно. Для этого нужно создавать среду, нужно образовывать общество, подталкивать его к самообразованию. Еще недавно же все читали. И вдруг бабах – интерьеры современных жилищ и не предполагают книжные полки. Дизайнеры их даже не предлагают. А это ужасно. И любой читающий человек должен подталкивать людей, чтобы они искали книги и заставляли дизайнеров проектировать для них книжные полки.

Хочу, чтобы люди, как и раньше, книжки читали на улицах, в общественном транспорте, в парках на скамейках. Хочу, чтобы мы, как и раньше, жили в самой читающей стране.

Вообще, мне кажется, каждый человек, считающий себя культурной личностью, каждый представитель творческой интеллигенции должен быть заинтересован в создании среды, гумуса, атмосферы для повышения культурного уровня общества. Как это когда-то делали в России народники. Думаю, если бы каждый читающий и думающий, каждый творческий человек прилагал для этого усилия, занимался просвещением, уровень культуры в социуме вырос бы.

– *Но век Просвещения позади. Мир изменился. Появились другие интересы, новые технологии, новые способы получения информации. Может, у нас просто старый подход к этому, к определению культурной среды?*

– Возможно. Но разве от количества информации человечество стало духовно богаче? У нас же такое все поверхностное, мы навигируемся по информации, а не осваиваем ее. Я стараюсь обезопасить себя от этого хорошим чтением и других призываю к этому. Мне кажется, лучше попытаться понять сегодняшнее время через книжки, через классиков, потому что, во-первых, воспринимаешь тогда сегодняшнюю жизнь в каком-то временном континууме, а во-вторых, лучше по-

нимаешь характеры человеческие, мотивы тех или иных поступков. Об этом все сказано в Библии, в классической литературе и в хорошей современной, естественно.

Читаешь, например, Салтыкова-Щедрина, Гоголя, Пушкина, Чехова и видишь – их произведения написаны вчера, на прошлой неделе, в прошлом году. Потому что там все о нашем времени, о нас. Изменяются обстоятельства, но человек остается – со всеми его чувствами, надеждами, помыслами. Конечно, эпоха и страна – это очень важно. Но я, например, никогда не был в Колумбии, а понимаю, что Макондо из «Ста лет одиночества» находится прямо здесь и сейчас, где мы с тобой сидим. Я не был в Доминикане, но точно знаю, что Льюиса описал в «Празднике Козла» механизм любой власти. Вайль в «Гении места» пишет об Аристофане, а я пытаюсь понять, что происходит с театром в наши дни.

Время ускоряется. Эпохи стали короткими. Если Ренессанс, например, охватывал огромный период – с начала XIV до конца XVI века, то сегодня эпоха – это десятилетие практически. Девяностые–нулевые, нулевые–десятые... Понять сегодняшнее время можно и через современников. Через Пелевина и Сорокина, например.

– *Кто тебе близок из современной русской литературы?*

– Мне сложно обо всех современных авторах судить, но из того, что я читаю, – да, Пелевин, при всех моих вопросах к Виктору Олеговичу. Помимо того что местами он пишет безумно смешно и очень остроумно, он умеет подводить черту под эпохами. Вот, мол, я вам все про нее рассказал, пошли дальше.

Мне очень нравится Михаил Шишкин, это чистая литература, чистая эстетика, никаких попыток углубиться в суть времени, жизни. Мне даже кажется, что он стилист покруче Набокова. Алексей Иванов замечательный автор, хотя все его герои похожи между собой. Одиночки, неприкаянные, рефлексирющие. Они помещены в такую среду, где подобных людей просто быть не может. Но они же есть! Не все же в трудные времена становятся вампирами, негодьями и подонками. Есть люди, живущие на грани и ощущающие себя людьми пограничья. Иванов такого героя вытащил и вернул читателю, и сделал это, мне кажется, очень мастерски.

– *А современных молдавских авторов читаешь?*

– Нет практически. Я их, увы, не знаю.

– *А они есть. И их произведения на русском языке даже получают международные литературные премии. Вот, скажем, уже в этом году Олег Краснов стал лауреатом премии «Литературная Вена». Выходят два литературных журнала – «Русское поле» и «Наше поколение». Есть Ассоциация русских писателей.*

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– Я обо всем этом осведомлен и журналы иногда читаю. Но честно? Не цепляет ничего. Любопытно, но нет такого, чтобы «ах!». Это мое личное мнение. Может быть, я чего-то не знаю или что-то упускаю, но мне кажется, наша писательская гвардия для широкого общества закрыта, это такая интровертная среда, замкнутая на себе. В эти круги я врваться не пытаюсь, тем более без приглашения. Да и не зовут.

– И тем не менее не могу не спросить о перспективах русского языка и русской литературы в Молдавии. Сегодня язык переживает не лучшие времена, и твои коллеги-депутаты прикладывают к этому определенные усилия. Например, в новом Кодексе об образовании русский язык уже не числится среди обязательных предметов. И фильмы в кинотеатрах теперь обязаны демонстрировать на языке оригинала, а не в русском переводе. Что дальше?

– Я категорически против всех этих нововведений. Они не только глупы, но и преступны. То, что некоторые парламентарии и чиновники пытаются выдать за языковой вопрос, на самом деле вопрос политический. Нет никакого языкового

вопроса в обществе. Нет и не было. И не будет. Потому что Молдавия – это такой котел национальностей и культур, такой исторический сплав, что его ничем невозможно разрушить. У нас есть реальный, природный билингвизм, и это очень здорово.

Русский язык в Молдавии был, есть и будет. Это мое глубокое убеждение. И русская литература тоже.

– Ну и, наконец, твои творческие планы? Ведь «Пушкин. 215», насколько мне известно, еще не точка в череде музыкальных проектов.

– Не точка. Хочу к 70-летию Великой Победы сделать еще один песенный проект, основанный на стихах Твардовского. Этого замечательного поэта стали забывать, нужно вытащить его из архивов, сдуть пыль и вернуть людям.

А еще мы решили замахнуться на Николая нашего Гоголя. Это сложная история, не знаю, что получится. Тоже музыкальный проект, планируем написать песни в современных ритмах по мотивам его произведений и показать, где он бывал, воздухом каких городов дышал. Игры в классику хотелось бы продолжить. ■

«ЧАСТЬ ДУШИ ОСТАЛАСЬ ТАМ...»

БЕСЕДОВАЛА

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

НЕЗАВИСИМЫЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТ ИЗ ЛАТВИИ СВЕТЛАНА ГИНТЕР ДВА МЕСЯЦА ПРОВЕЛА НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ, РАБОТАЯ НАД СВОИМ ФИЛЬМОМ. ЧАСТЬ СЮЖЕТОВ О ПРОИСХОДЯЩЕМ В ДОНБАССЕ УЖЕ ВЫШЛА В ЭФИР В ЛАТВИЙСКОЙ ТЕЛЕПРОГРАММЕ «КРИМИНАЛ-ИНФОРМ», НО МНОГОЕ ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ И ЖДЕТ СВОЕГО ОСМЫСЛЕНИЯ.

«**Х**ОЧЕТСЯ КРЕПКО ОБНЯТЬ ВЕСЬ ДОНБАСС, чтобы его не бомбили... – написала по возвращении в Ригу Светлана на своей страничке в «Фейсбуке». – Много за них. Это не только бойцы-ополченцы, но и предприниматели, священники, врачи, журналисты, продавцы, работники пунктов обмена валюты, проводницы в поездах, молодые матери, старики... Это юные мальчишки–выпускники школ, им бы сейчас поступать в вузы, знакомиться с

девчонками, а их призывают в ополчение, просят помочь рыть окопы. И они роют! Это девчонки, которым бы рожать, а они перевязывают раненых. Они не хотят никуда уезжать, потому что здесь их дом. И не верьте тем, кто говорит, что в Донбассе стреляют только террористов. Я видела сама, в кого стреляют, а в кого промахиваются...». До недавнего времени Светлана Гинтер была сугубо мирным журналистом, работала на одном из латвийских государственных телеканалов. Вела и продюсировала новости, готовила ежедневные репортажи, стараясь найти наиболее интересное, занималась дайвингом, верховой ездой, каталась на каяках по Даугаве, воспитывала сына. А год назад Света, после того как в редакции ей в очередной раз рекомендовали, со ссылкой на книгу экс-президента Латвии Вайры Вике-Фрейберги, не называть Саласпилсский концлагерь «лагерем смерти» (по скандально известной версии бывшей главы страны, Саласпилс был трудовым и воспитательным учреждением. – Прим. авт.), она решила уйти в «свободное плавание». Тем более что подобных «рекомендаций» от телевизионного начальства поступало все больше и больше. Светлана приобрела компактную профессиональную камеру, микрофон и прочую необходимую технику, научилась сама снимать и монтировать... И вскоре стала свободным теле-репортером или, как сейчас говорят, фрилансером. Когда начались известные события в Киеве, а потом в Крыму, она ловила себя несколько раз на желании поехать туда поснимать. Но опыта операторской работы в экстремальных условиях было маловато, так что по здравом размышлении от шальной мысли отказалась.

А в апреле она с подругой поехала в Эстонию – в Пюхтицкий Успенский женский монастырь: это у них такая давняя традиция – раз в год приезжать сюда на неделю перед Пасхой в качестве трудниц. Как говорит Света, душу очистить, привести в порядок свои мысли и чувства. Жили в кельях вместе с монахинями, помогали убирать,

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

готовить, ухаживать за клумбами, молились, окунались в родник, беседовали... И вот, когда паломничество уже подходило к концу, ей неожиданно позвонил из Риги знакомый телеоператор и предложил съездить вдвоем в Донбасс. Света тут же согласилась. Она как раз только что вышла из храма после трехчасовой молитвы, поэтому позже на вопрос друзей: «Чего это тебя вдруг понесло на войну?» – полушутя-полусерьезно отвечала, что был, мол, сигнал свыше...

Мы с ней коллеги, когда-то вместе работали в молодежной газете. Договорились об интервью, встретились в Юрмале. На Рижском взморье в августе – бесконечные толпы отдыхающих, люди гуляют, загорают, купаются, сидят в кафе и ресторанах. Смеются, шутят, едят мороженое... А мы идем в этой безмятежной разноцветной человеческой реке под названием «это наша жизнь» и говорим о войне. И праздной публике невдомек, что эта молодая симпатичная женщина в легкомысленном сарафане только что вернулась из горячей точки нашей планеты и мысленно она все еще там.

– На предложение поехать в Донбасс я действительно согласилась сразу, даже не задумываясь, что это может быть опасно, – честно призналась Светлана. – Ведь я неделю вела монашеский образ жизни, без телевизора и Интернета. А после звонка из Риги зашла в городе в местное интернет-кафе, посмотрела последние новости и ужаснулась. Нет, тогда еще в Донбассе не стреляли, но там уже были серьезные волнения. Ладно, думаю, попрошу у священников благословения, если не дадут, то никуда не поеду. Но батюшка велел мне спросить разрешения у мужа: как тот скажет, так тому и быть! В глубине души я была почти уверена, что муж никуда меня непустит. Но дома на семейном совете мама и муж выслушали мои доводы, обсудили и... решили не ставить мне палки в колеса! Я сказала, что хочу уви-

деть все своими глазами и потом сделать фильм, но не с точки зрения, кто там прав и кто виноват, а о людях, о том, как они переживают все происходящее, как выживают в непростых условиях. В общем, мы с оператором поехали. Долетели до Киева, оттуда – в Донецк. Город готовился к референдуму, и ничто не предвещало большой беды. Донецк выглядел примерно как наши города на 9 Мая – кругом флаги, в основном ДНР, советские и российские, плакаты, музыка, митинги, все люди с георгиевскими ленточками. В общем, День Победы каждый день. В центре столицы Донбасса, на площади Ленина, работала палатка компартии, раздавали листовки. В первые дни у меня было такое ощущение, что я попала назад в СССР. Было похоже, что многие и в самом деле верили: вот Россия возьмет их к себе и снова наступят «старые добрые советские времена»... Мы начали работать, снимать митинги, собрания, я записывала интервью с горожанами, расспрашивая их, зачем они вышли на улицы и чего ждут от новой власти.

– И все охотно соглашались говорить на камеру?

– Люди там душевные, но не слишком доверчивые. Сначала меня расспрашивали, кто я, на каком канале работаю. Как только слышали, что я из Латвии, отношение резко менялось в худшую сторону: «А! Вы из НАТО и ЕС, мы с вами не будем разговаривать!» Приходилось разъяснять, что у нас тоже много русскоязычных жителей проживает и нам понятны требования дончан по поводу русского языка, русской культуры, мы тоже против нацизма. Рассказывала им о жизни русских в странах Балтии, и таким образом доверие удавалось восстановить. А украинских журналистов они тут же гнали в шею – с ними вообще никто не хотел общаться, знали по опыту, что все равно покажут все не так, как было на самом деле.

Донецк перед референдумом. Еще ничто не предвещало беды...

– А кто, по-твоему, больше говорил неправды, российские или украинские СМИ, ведь в этом обвиняют и тех, и других?

– С украинскими СМИ я не работала, но то, что я видела, было, мягко говоря, непрофессионально. В их версии выходило, что ополченцы сами себя обстреливали из «Градов», бомбили свои же дома и коммуникации... Или же в этом обвиняли россиян. При этом в качестве доказательства показывают снятую на камеру страничку из Интернета и кусок любительского видео из Сети. Ну что это за работа? Мне доводилось работать рядом с российскими журналистами, я потом их сюжеты смотрела – там не было вранья. Знаете, я старалась собирать самые разные мнения, никого не делила на «бандеровских» или «пророссийских». Беседовала с очень многими людьми, в том числе и с представителями движения «За единую Украину», которые на митинге в Красноармейске, набросив на плечи «жовто-блакитные» флаги, призывали решать все вопросы только путем законных выборов в рамках одной страны. Но их было всего лишь человек десять, в обновленную, демократическую Украину не верили, выступали только за референдум и свою республику. Порой такие митинги проходили параллельно – в одно время и в одном месте. Напряжение росло, часто доходило до драк. В течение дня в городах на административных зданиях по несколько раз менялись флаги – то на флаг ополчения, то на российский, то на украинский, то на донбасский. Например, одну военную часть переподчиняли за неделю несколько раз. Утром по флагам из окна гостиницы мы узнавали, какая власть сегодня в Донецке. Такой вот реальный «Бумбараш», не кинематографический...

– В Донбассе проживало около 8 миллионов человек, но на митинги выходили максимум 8–10 тысяч. Не все поддерживали отделение от Украины?

– На митинги и вправду не все выходили, многие ведь работают. Да и не все люди склонны к протестам. Очень многие переживают с пультом в руках у экранов телевизоров и компьютеров, это так называемые «диванные эксперты». Но в референдуме-то народ участвовал очень активно – это не пропаганда, все видели, что стояли огромные очереди, чтобы проголосовать. 11 мая, в день референдума, мы были и в Красноармейске, и в Макеевке, и в Донецке. Подавляющим большинством Донбасс проголосовал за свою народную республику. Мне довелось пообщаться с одной очень интересной женщиной – Маргаритой Зайдель из Германии. Она тоже выступала на митингах, меня заинтересовало, как она, с ее ярко выраженным немецким акцентом, призывала дончан бороться с нацизмом. Из Германии Маргарита уехала двенадцать лет назад, сказала, что ее не устраивали «европейские ценности» – однополые браки, пропаганда гомосексуализма, педофилия. На Украине, приняв православие, она стала

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

послушницей в монастыре. А в ополчение записалась с благословения священников, очень душевная женщина и смелая. Маргарита была консультантом и пресс-секретарем в Министерстве обороны ДНР, но меня она заверила, что в случае чего возьмется за оружие – без проблем. «Как же так, – удивилась я, – разве это не противоречит христианским канонам?» Но монахиня ничуть не смутилась. Пояснила, что насилие совершается над народом Донбасса, это его сегодня убивают и забрасывают бомбами. Поэтому она будет защищать слабых. Гражданка Германии очень негативно отзывалась о президенте Порошенко, по ее словам, он даже хуже Гитлера, потому что убивает своих.

Маргарита Зайдель

– Света, а ты встречала там профессиональных российских военных? Ведь именно в их участии весь мир все время обвинял Россию?

– Мне самой было интересно встретиться с пресловутыми российскими профи. Помимо Донецка мы с оператором побывали и в Славянске, и в Горловке, и в Луганске, я беседовала со многими ополченцами, у некоторых были закрыты лица балаклавами. Но почти всех их выдавал характерный местный говор, эдакое «гэканье», оно сразу слышится. За все время встретила двух ребят-россиян: один раненый был с Колымы, у него бабушка жила в Горловке, вот и приехал ее защищать – так сам сказал. По профессии, кажется, слесарь. Второй был из Волгограда... Почти сюрреалистическая картина: мы гуляем по набережной Донецка, жара ужасная, девушки в легких платьицах, шортах, дети балуются. В общем, абсолютно мирный городской летний пейзаж. И вдруг вижу – по мосту движется длиннющая колонна из танков и бэтээров с сидящими на них запыленными бойцами в камуфляже. Как будто из какого-то черно-белого советского фильма про войну – полное дежавю. Но они и впрямь возвращались с самой настоящей войны – это был отряд ополченцев из Славянска. На них было больно смотреть, ведь им пришлось после стольких тяжелейших боев оставить город. Я схватила камеру – это надо снять! – поймала такси, и мы по характерным сле-

Запись
добровольцев
в ополчение

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

дам танков на шоссе догнали эту колонну. Бойцы отдыхали, лежа прямо на обочине. Разговаривать со мной поначалу никто не хотел, тем более на камеру. Но мне все же удалось их разговорить, видимо, у ребят тоже на душе накипело... Они очень сокрушались и сожалели, что им пришлось оставить Славянск, говорили об этом с досадой и даже обидой на командиров, принявших, по их мнению, ошибочное решение. Один из них оказался россиянином – Костя из Волгограда, у него тоже друзья и родные жили в Донбассе. Он выглядел очень расстроенным, сказал, все, я уйду из ополчения, не могу после этого людям в глаза смотреть. На военного он совсем не походил, обычный такой паренек... Один боец был, видимо, из Прибалтики, такой светловолосый и голубоглазый, сказал, что его позывной «Балтика».

– А еще часто сообщали, что на стороне ополченцев воюют целые чеченские отряды – ты их встречала?

– Чеченцев не видела, как и иностранных наемников среди украинских силовиков. Под Красноармейском мне позвонили украинские военные-срочники и попросили приехать. Мы взяли машину и помчались к ним на блокпост. Оказалось, их призывали на сборы в армию на 45 дней, привезли сюда и забыли, хотя все сроки давно прошли. И зарплату не платят. Дома у них семьи, жены, родители, работа, хозяйство, а уехать нельзя – осудят за дезертирство. И тоже все абсолютно нормальные люди, жалко их – и ополченцев, и солдат-срочников, и вообще весь многострадальный народ Донбасса. За что им такое страшное испытание?

– Да, я перед нашей встречей просмотрела твой фильм в программе «Криминал-информ», он вы-

шел на экраны в июне, но снят был еще в мае. А ведь многих, наверное, уже нет в живых? Ты думаешь об этом?

– Постоянно. На душе очень тяжело. Даже звонила некоторым своим героям, да и просто хорошим людям, с которыми познакомилась в Донбассе. Трубку, увы, не все брали. Буду еще звонить. Я ведь сначала провела там только один месяц, потом вернулась в Ригу. Когда прощались с журналистами в пресс-центре Донецка, мы плакали! Там ведь не так, как у нас – тишь да гладь. В Донецке в штабе ходили раненые, в воздухе все время витало напряжение. Снимать все подряд было нельзя: нужно было спрашивать разрешение. Как-то сотрудница пресс-центра Лада пришла с перевязанной рукой, ее ранило осколком в Карловке, когда ездил к брату. Узнав, что мы улетаем, к нам с оператором подошли в пресс-центре коллеги-журналисты, сотрудники администрации. «Ну что, – говорят, – бросаете нас?» А мне и вправду как-то стыдно было уезжать, вроде как сбегая с поля боя... Аэропорт к тому времени разбомбили, пришлось до Киева добираться на поезде. Беженцев было много, с детьми, с мешками... Мне ведь и мирных граждан многих удалось снимать, как они в наспех оборудованных бункерах в Горловке прячутся от бомбежек. Страшно, а уезжать не хотят, боятся дома бросать. Так вот с детишками, а то и с курами, прячутся в погребах. Жутко все это... Вернулась домой, месяц делала свой первый фильм, что-то писала, а потом поняла: сейчас я должна быть в Донбассе – часть души осталась там! Родные в этот раз отпускать не хотели, но меня уже было не удержать. И в июле я уехала в ставший для меня близким и родным Донецк. Опять на месяц. Правда, ситуация, здесь была уже намного более напряженная.

На защиту
родного
Донбасса встали
тысячи мирных
дончан

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

– В воздухе пахло войной?

– Да не просто пахло, она уже шла вовсю, хотя пока еще только на окраинах. Но и в самом городе обстановка была военная. Нам сразу посоветовали купить бронежилеты. Мы приобрели «броники» защиты класса «А». Да, знали, что они от пуля особо не спасут, но хотя бы от осколков защитить могут. Более надежные стоили по 500 евро, я себе не могла такой позволить.

– А с нацгвардией не повстречались?

– Нет, но еще в первую поездку мы участвовали в пресс-конференции, на которой были два пленных бойца из «Правого сектора». Они рассказывали, как на Майдане в Киеве занимались охраной склада с оружием. Один из них, нервный такой и очень худощавый мужчина, утверждал, что им на Майдане давали что-то такое пить, отчего он не спал по три недели и все время находился в движении. Этот сюжет у меня тоже есть в фильме. Кстати, в Донецке среди ополченцев был объявлен сухой закон, вы не поверите, за два месяца я не видела ни одного выпившего представителя ополчения. Когда вернулась в Ригу, меня еще долгое время удивляло большое, как мне казалось, число людей навеселе. Что касается мародеров и прочих криминальных личностей... Были, конечно, и такие. На волне революции, как это всегда бывает, сразу активизируются местные бандитские группировки. Причем очень часто они действовали от имени ДНР или ЛНР, «отжимая» у людей машины «в пользу независимой республики». Но, как мне рассказывали, наказывали их очень жестко – по законам военного времени.

– А как было дело с обстрелом колонны с журналистами, когда погиб российский телеоператор Анатолий Клян? Ведь ты тоже была в том самом автобусе?

– Была... Но за полчаса до начала обстрела я пересела в нашу машину, на которой подъехал мой оператор. Возможно, это и спасло мне жизнь, так как я сидела в автобусе как раз перед Кляном, и одна из пуль прошла в том самом месте... Мы ехали в воинскую часть, где ожидалась передача солдат матерям. Ничто не предвещало неприятностей, поскольку до этого мы уже побывали в двух воинских частях, где по требованию ополченцев и приехавших с ними матерей им передавали молодых солдат. Они и вправду на вид были совсем мальчишками – лица растерянные, несчастные. Ребята испытывали двойственное чувство – вроде как и домой хочется, но присягу-то давали! Срок службы закончился, а их не отпускают, держат на случай мобилизации. Но им совсем не радостно воевать со своими, это же их земляки! Ситуация как в Гражданскую войну – один брат в ополчении, другой – у силовиков. Мне рассказывали конкретный случай: солдат из воинской части каждый раз звонил брату-ополченцу – попрощаться. «Завтра идем в наступление, могут убить... Позаботься о маме!» А родителям какво?.. Дважды передача сыновей матерям проходила тихо-мирно, практически без эксцессов. Под Авдеевкой, в селе Опытное, в 10 километрах от Донецка, – это был третий случай, когда журналистов снова пригласили поехать вместе с матерями в воинскую часть. Ехать даже не особенно хотелось, сколько ж снимать одно и то же? Поездку запланировали на десять часов утра. Накануне я сижу в пресс-центре, спокойно работаю. И вдруг уже под конец дня неожиданно объявляют, что не надо расходиться, так как мы едем в часть уже сегодня в десять вечера на автобусе. А я – в летнем сарафане, кстати, в этом самом, в котором сейчас по Рижскому взморью гуляю! Представитель Верховного совета ДНР с удивле-

Луганск
готовился
к длительной
осаде

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

нием глянул на меня: «Почему без бронежилета?» Я удивилась – мы же вроде как на мирную акцию едем. Мой оператор на такси, водитель которого нас везде и возил, помчался в гостиницу – взять «броники» и мне одежду. Автобус уже должен отходить, а их нет. Думаю, ладно, поеду с ними, а наши меня догонят. Захожу в автобус, он уже полный – журналисты, операторы, женщины с плакатами. Я еще пошутила: недалёковидно, мол, всю прессу в один автобус усаживать. Посмеялись, поехали ... Клян сидел за мной. И почти всю дорогу молчал. А я беседовала с женщинами, что-то записывала на диктофон. Меня удивило, правда, что впереди колонны не было совсем никакого сопровождения, как это обычно делалось. А ведь темень стояла полная.

– **Было страшно?**

– Скорее, напряженно... Мой оператор с таксистом нагнали колонну и позвонили, что я могу к ним пересесть. Я так и сделала, когда автобус остановился. Поехали. Между нашей машиной и автобусом еще примерно пять машин двигалось в колонне. Добрались до ворот части. Но тут почему-то все начали пятиться назад, включив задние огни. То ли дорогу водитель автобуса плохо знал, то ли не договорились – не знаю. Но вдруг слышу – зазвучали одиночные выстрелы. И мы видим, как автобус и несколько машин объехали поле и встали напротив забора воинской части. Оттуда вышли люди, видимо, на перекур. Но операторы включили камеры и начали снимать. А это же свет! По ним тут же началась беспорядочная пальба. Все побежали в автобус, тогда-то Кляна и ранили, как мы потом узнали. Услышав выстрелы, наш водитель меня силой вытолкнул из машины и сам выскочил с оператором. Очень вовремя, потому что нам прострелили двери и двигатель. Я упала ничком в канаву, понимая, что в

своем идиотском светлом сарафане была просто идеальной мишенью для стрелков.

– **И что делала?**

– Молилась, что еще! Обстрел колонны велся по-снайперски, почти у всех авто были прострелены двери. Так я побывала на поле боя. К слову, камеру и ноутбук удалось спасти, вытащить из машины. Не знаю, почему это все случилось, видимо, не удалось посланцам мирно договориться с командованием части, а, может, военные решили, что ополченцы хотят силой их захватить. Ведь женщин за плакатами видно не было, а водитель автобуса, ехавший впереди колонны, был одет в камуфляж. Его, кстати, тоже серьезно ранили, но он сумел вывезти людей. Около двух часов ночи нас подобрали ополченцы и вывезли из опасной зоны. Машина-то наша так и не завелась. Водитель такси уже наутро приехал с эвакуатором и забрал свое продырявленное авто. Мы с оператором сразу же вернулись в пресс-центр, там и узнали о гибели Кляна. Я думаю, причина была в несогласованности действий ополченцев, там, конечно, хаоса было много. Да и ехать в ночь тоже было ошибкой.

– **Света, ты вернулась из горячей точки, слава богу, цела и невредима! Как ты считаешь, трагедия, случившаяся на Украине, может стать уроком и для нас, живущих в других странах?**

– Думаю, многие уже поняли, что каждому из нас надо больше ценить жизнь. Каждую ее секунду. Мы должны учиться договариваться между собой. И ни в коем случае не раздувать мелкие конфликты, которые могут привести к большой войне. Украина показала, что с этим шутить нельзя. Я сейчас работаю над своим вторым фильмом о Донбассе, надеюсь донести эту простую истину до людских умов и сердец. ❧

ЦАРСТВО СВЕТА

АВТОР

ИРИНА ШЕВЧЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КРОМЕШНАЯ ТЬМА, ПРОХЛАДНО, ПАХНЕТ СЫРОСТЬЮ И ДАЖЕ НЕМНОГО СТРАШНО. ГРУППА ЛЮДЕЙ СПУСКАЕТСЯ ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, СТАРАЯСЯ ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ. ЭТО ДАЖЕ НЕ ПОДВАЛ, ПРОСТО ПЕРВЫЙ ЭТАЖ СТАРОГО ЗДАНИЯ СО ВРЕМЕНЕМ УШЕЛ В ЗЕМЛЮ. НА УЛИЦЕ ЯСНО, ПОЛДЕНЬ, А ЗДЕСЬ НЕ ВИДНО НИ ЗГИ... ВНЕЗАПНО ЗАЖИГАЕТСЯ СПИЧКА, И ЗАГОРАЕТСЯ ТОНЕНЬКАЯ ЛУЧИНКА.

Т ЕПЕРЬ УЖЕ БЕЗ ТРУДА можно различить лица друг друга, осмотреться. Наталья Потапова, директор музея «Огни Москвы», в чьих руках и находится «волшебная палочка», сегодня совершит со своими гостями путешествие в мир света.

В ТЕМНОТЕ, ДА НЕ В ОБИДЕ

Едва ли одной такой лучиной можно осветить целый терем. Действительно, музей расположился в старинных палатах XVII века, некогда принадлежавших царскому стольнику Ивану Протопопову. По иронии судьбы в советское время по-

терявшая былое величие богатая резиденция превратилась в обыкновенную коммуналку... Однако зданию повезло: оно попало в руки Мосгорсвета – людей из коммуналки расселили, а дом отреставрировали. В нем решено было провести выставку, посвященную 250-летию возникновения уличного освещения в столице, но организаторы не могли и предположить, каким огромным успехом она будет пользоваться у посетителей. И тогда бывший директор Мосгорсвета, энтузиаст и профессионал своего дела Юрий Аполлонович Харкеевич, добился того, что в 1980 году временную выставку превратили в постоянно действующий музей.

Лучина уже догорает – нужно зажигать новую. «Так и жили, – говорит Наталья Потапова, – на каждый вечер заготавливали

В первом зале музея свет приглашают, чтобы гости могли почувствовать атмосферу «темных» прошлых столетий

КАША ИЗ ФОНАРЯ

Все изменилось в 1730 году, когда императрица Анна Иоанновна издала указ, повелев поставить в столице на самых крупных улицах города первые фонари. Однако такое освещение не было регулярным: в первое время его включали только в особо торжественных случаях. Чуть позже был составлен специальный календарь, и согласно расписанию улицы города освещались с 1 сентября по 1 мая только 18 безлунных ночей в месяц, причем на каждый фонарь отпускалась определенная мера масла – всего лишь по 24 золотника (этого хватало на несколько часов). Правда, и его фонарщики умудрялись воровать. Конопляное масло приятно пахло и было сносно на вкус, поэтому уличные воришки стали добавлять его в свою кашу. Но и против них нашли решение: масло начали разводить скипидаром, и оно становилось отвратительным как на запах, так и на вкус. Фонарщиков, которые постоянно были вымараны зловонной смесью, стали сторониться, что впоследствии подметил Николай Васильевич Гоголь в своей повести «Невский проспект»: «Далее, ради бога, далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом».

В особенно праздничные вечера в городе становилось заметно светлее: на помощь приходила иллюминация. На зданиях появлялось некое подобие строительных лесов, своеобразных полочек, на которые ставились многочисленные стаканчики-шкалики с маслом и фитилями. Например, в 1856 году во время коронации Александра II таким способом украсили Сухаревскую башню, и только для нее потребовалось 27 тысяч шкаликов! Зато башня красиво смотрелась на фоне вечернего московского неба.

очень много лучин, а меняли их, как правило, дети». В крестьянских семьях даже существовала игра – курилка: ребятишки садились в круг и, напевая песенки-прибаутки, передавали друг другу догорающую лучину. Програвшим был тот, в чьих руках она гасла, – он должен был исполнить какое-нибудь шуточное желание, например спеть песню, сплясать или же прокричать петухом. Весело же им было! Совсем не так, как юным девушкам, которые днем при свете солнца и вечером при таком крохотном огоньке не жалея глаз пряли, шили и вышивали – без приданого-то никуда! Лучинами пользовались очень долго. Даже еще сто лет назад самые бедные крестьянские избы освещались только так.

Свечи могли себе позволить лишь люди с достатком. Их, чтобы осветить большое помещение, требовались десятки, а то и сотни... Говорят, однажды фаворит Екатерины Великой князь Григорий Потемкин давал роскошнейший бал, и свечей нужно было так много, что во всем Петербурге не нашлось достаточного количества! Пришлось «дозаказывать» в Москве.

Само собой, в темное время суток ходить по улицам мало кому нравилось: не без причи-

ны считалось, что вечером легко можно попасться в руки к лихим людям. В крайнем случае из дома выходили, взяв с собой ручной фонарь с маленькой свечой внутри. Так и жилось в это время темное, когда человек полностью подчинялся режиму светового дня...

Разнообразные цвета, узоры и материалы – мастера создавали настоящие произведения искусства

Тот самый легендарный знак с дома №64 по 2-й Тверской-Ямской улице

ДОЛГОЖДАННЫЕ НОВИНКИ

Более 130 лет масляным фонарям не могли найти замену, до тех пор, пока в середине XIX века не появился керосин. Достоинством нового горючего были его легкость и низкая цена, и в 1863 году Московская городская дума, решив перейти на керосиновое освещение, устраивает торги. 2200 керосиновых фонарей было поручено установить французу Ф. Боаталю. Свет от таких фонарей был намного ярче, чем от масляных, и люди стали больше гулять по вечерам. Модники, убедившись, что при таком освещении их наряды кажутся еще красивее, даже начали устраивать на улицах своего рода демонстрации туалетов. В музее «Огни Москвы» керосиновое освещение представлено достаточно широко: здесь есть и каретный, и железнодорожный фонари, а также несколько видов домашних ламп. Чудом сохранился надомный знак, внутри которого был керосиновый фонарик, некогда висевший на 2-й Тверской-Ямской улице. Его нашли на чердаке и передали в дар музею. Удивительно, самого дома уже давно нет, а знак как экспонат висит и радует глаз.

Многие экспонаты удивительно похожи на сказочную лампу Аладдина

Представлены в музее и газовые фонари – яркие, но не сыскавшие популярности в России. Английская фирма «А. Букье и Н.Д. Гольдсмит», подписывая в 1865 году контракт на устройство в Москве газового освещения, и подумать не могла, какие понесет убытки. Казалось бы, что может быть заманчивее подряда на создание

газового завода, газопроводной сети и установку в городе 3 тысяч фонарей? Ан нет, умом, как известно, Россию не понять: горожане посчитали, что, если воздух горит сам по себе, в дело вмешивается нечистая сила, и отказывались подключаться к газовой сети, предпочитая более традиционные способы освещения своих домов.

КТО ИЗОБРЕЛ ЛАМПОЧКУ?

Жизнь, к счастью, не стоит на месте, и вот уже в конце XIX века научно-технический прогресс делает миру огромный подарок – электрическое освещение. Вполне возможно, что это – одно из величайших достижений человеческой мысли за все времена. Так кого же мы должны благодарить за то, что сегодня в любой момент можем превратить ночь в день?

Большинство людей еще со школьной скамьи считают, что лампочку накаливания изобрел американец Томас Алва Эдисон. Однако, к удивлению многих, это не совсем так. За маленькой лампочкой, которую сейчас можно купить в магазине за копейки, стоят годы исследований, нескончаемые попытки создания и просто титанический труд, безусловно, непосильный для одного человека. И что лестно, наша страна дала миру таланты, немало преуспевшие в этом деле.

Взять, к примеру, Павла Николаевича Яблочкова – изобретателя электрической угольной дуговой лампы. Появившись в 1876 году, она стала первым прототипом безопасного электрического прибора, произведя настоящую революцию в массовом освещении. Однако, несмотря на то, что Яблочков начал свои опыты в Петербурге, лавры достались Парижу, куда ученый был вынужден переехать. К сожалению, в России «русский свет», как называли свечу Яблочкова за границей, зажегся только в следующем десятилетии, когда Павел Николаевич вернулся домой. В 1880 году свечи Яблочкова освещали улицы Петербурга, Одессы и Москвы, почти четверть электрических фонарей последней стояли в саду «Эрмитаж», и каждый вечер, когда они зажигались, люди восторженно аплодировали. В 1883 году во время коронации Александра III с помощью

Животные, цветы – внутри лампочки может оказаться что угодно!

На этом стенде показан тернистый путь изобретения привычной для нас электрической лампочки

таких свечей была освещена площадь вокруг храма Христа Спасителя, а для иллюминации колокольни Ивана Великого в тот вечер закупили 3,5 тысячи лампочек Эдисона – более удобных в использовании. Американский ученый в своей работе использовал опыт многочисленных предшественников, включая работы еще одного русского таланта, Александра Николаевича Лодыгина, – первого, кто получил патент на изобретение лампы накаливания с угольным стержнем. Кроме того, именно он впоследствии предложил использовать как материал для стержней лампочек вольфрам и молибден, а также выкачивать воздух, что охраняло нить от окисления. И все-таки Лодыгин не считал изобретение лампы накаливания делом всей своей жизни, его давней мечтой был электролет, остальные же разработки просто давали ему средства к существованию, поэтому иногда могли быть отодвинуты на второй план. А Томас Эдисон, по сути, не привнес в изобретение Лодыгина каких бы то ни было кардинальных изменений, он просто немного усовершенствовал лампочку, увеличив срок ее службы до 40 часов и сделав удобный цоколь для вкручивания. А позже наладил массовое производство. Именно поэтому было бы неправильно считать его единственным изобретателем привычной нам лампочки, забывая о многих других людях, включая наших соотечественников, также отличившихся в этом деле.

ДА БУДЕТ СВЕТ!

Улицы города все еще продолжали освещаться газовыми или же керосиновыми фонарями, но уже было очевидно, что во всем мире наступила эра электрического освещения. Более того, его начали использовать и внутри помещений – к примеру, пионером стал Театр Корша, на месте которого сегодня в Камергерском переулке находится Художественный театр. Невиданное ранее освещение сцены, залов и фойе удивляло и впечатляло гостей, но и оно было далеко не идеальным: рассказывают, что лампочки давали желтоватый свет и искажали лица актеров...

Кто-то, однако же, умело пользовался этим. В своей легендарной книге «Москва и москвичи» признанный король репортажей прошлого века Владимир Гиляровский описывал первый в городе «электрический бал» так: «Роскошный дворец со множеством комнат и всевозможных уютных уголков сверкал разноцветными лампами. Только танцевальный зал был освещен ярким белым светом. Собралась вся прожигающая жизнь Москва, от дворянства до купечества... Хозяйку дома загромировали применительно

В середине зала – советский центральный пульт управления наружным освещением Москвы

«Политические» лампочки: профиль Сталина и поздравление с 50-летием Октября

к новому освещению. Она была великолепна, но зато все московские щеголихи в бриллиантах при новом, электрическом свете танцевального зала показались скверно раскрашенными куклами: они привыкли к газовым рожкам и лампам. Красавица хозяйка дома была только одна с живым цветом лица». Открывая новую страницу истории России, переходим в другой зал музея, который посвящен исключительно электрическому освещению. После тяжелейших лет Первой мировой войны и прихода к власти большевиков в 20-е годы разрабаты-

вается план электрификации всей страны, более известный как ГОЭЛРО. Развитие наружного освещения в новой столице значительно ускорилось, и в 1932 году в Москве погас последний газовый фонарь. А в 1935 году светотехник П.Ф. Надеждин, основываясь на Генеральном плане реконструкции советской столицы, разрабатывает проект, согласно которому до 1945 года мощность светильников требовалось довести до 40 тысяч киловатт. Решено было построить независимую высоковольтную сеть наружного освещения Москвы.

Победное шествие электричества по улицам города остановила только Великая Отечественная война. С первых же ее дней в Москве объявляется режим общего полного затемнения: тщательная светомаскировка города стала задачей номер один. И лишь спустя несколько месяцев после разгрома фашистских войск под Москвой несмело и неярко на главных магистралях столицы загораются специальные маскировочные светильники с лампами. А вообще, Москва была замаскирована до 30 апреля 1945 года...

С победой над фашистской Германией свет вернулся в город. Уже к 800-летию юбилею Москвы, в 1947 году, довоенный уровень освещения был не только восстановлен, но и превышен. В честь праздника по всему вечернему городу загорелись чудесные иллюминации, каждая грань башен Московского Кремля была ярко освещена.

ПОЛИТИКА В ЛАМПОЧКЕ

И хотя, как и во всем прогрессивном мире, в нашей стране окончательно остановились на электрическом освещении, за годы советской власти сменилось не одно поколение ламп. Многочисленные пробы, эксперименты с материалами, формой, размерами – посетителям этого «дома света» рассказывают обо всех сложностях и тонкостях. Ртутные лампы для наружного освещения превращали Москву в изумрудный город, а натриевые делали все вокруг оранжевым, совсем как в одной известной детской песенке... Сначала лампы заказывали из-за границы – конечно, это было невыгодно, однако полностью отказаться от дорогостоящих закупок в нашей стране смогли лишь в конце прошлого века, когда Мосгорсвет совместно с заводом «Светотехника» разработал целый десяток моделей светильников с натриевыми лампами.

В фонде музея «Огни Москвы» хранится огромная коллекция

осветительных приборов, больших ламп и маленьких лампочек. Многие приходилось собирать буквально по крупицам, и сейчас здесь можно увидеть такие экспонаты, которые и представить себе сложно. На одной полке, например, выставлены «политические» лампочки: внутри одной высвечивается профиль Сталина, внутри другой – поздравление с 50-летием Октября. Наверняка в интерьерах квартир неплохо смотрелись декоративные лампы: светящиеся маленькие букеты вместо привычной нити накаливания, лошади, собачки...

Разные поколения уличных фонарей, когда-то освещавших столицу, сегодня лежат рядом в одном зале музея

Все улицы пронумерованы, и освещение на каждой из них регулируется отдельно

Правда, купить их в Советском Союзе было невозможно, все они выпускались за рубежом. Как и аромалампы, распространявшие при включении в сеть приятное благоухание по всей комнате. Есть здесь и лампы-долгожители, излучающие свет не один десяток лет. Совсем неожиданно было обнаружить в музее великолепную коллекцию городских часов: оказалось, еще несколько лет назад Мосгорсвет обслуживал и их.

Невероятно интересно прогуливаться по залам и смотреть, как жизнь москвичей становилась все ярче и светлее. В музее, по словам Натальи Потаповой, приходят люди всех возрастов, и никто не остается равнодушным. Однако особенно желанные гости здесь – дети, и работники музея делают все возможное, чтобы их путешествие в мир света было незабываемым. Для них проводятся веселые дни рождения, занимательные экскурсии, а на специальных мастер-классах можно попробовать себя в роли фонарика или же своими руками сделать свечу. И такой приоритет вполне объясним и оправдан: дети – свет нашей жизни, и мы должны беречь его как самое ценное, что у нас есть.

НО НАС УЖЕ НЕ БУДЕТ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ФЕДОСКИНСКИЕ ШКАТУЛКИ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ПЕРЕПРОДАЮТ ЗА ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ. ЛАКОВУЮ МИНИАТЮРУ, СОЗДАННУЮ В ЗНАМЕНОМ ПОДМОСКОВНОМ СЕЛЕ, ДАРЯТ ПАПЕ РИМСКОМУ, ПРЕЗИДЕНТУ США И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ. И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ИСТОРИЯ ДВУХСОТЛЕТНЕГО ПРОМЫСЛА ПОСТЕПЕННО ДВИЖЕТСЯ К ПЕЧАЛЬНОМУ КОНЦУ. ВМЕСТЕ С ПОСЛЕДНИМИ НОСИТЕЛЯМИ ТРАДИЦИИ – ХУДОЖНИКАМИ, БОЛЬШИНСТВУ ИЗ КОТОРЫХ СЕЙЧАС БОЛЬШЕ 45 ЛЕТ.

ТИХО И ХОРОШО В Федоскине, на «родине русских лаков», в 30 километрах от Москвы. Никакой суеты: река Уча, Никольская церковь XIX века, художественное училище и фабрика, где уже более двухсот лет создается знаменитая федоскинская лаковая миниатюра. Федоскинскую шкатулку видно сразу. Традиционной для нее

считается классическая масляная живопись, причем все жанры без исключения, даже портрет, архитектура и натюрморт. Только федоскинцы украшали шкатулки портретами. Кого только не изображали: Калинина, Дзержинского, Кастро, Тэтчер, Буша, Путина, Никсона с семейством!.. В качестве подарков шкатулки с портретами были переданы папе

римскому, президенту США, премьер-министру Великобритании...

Часто художники копируют на шкатулках знаменитые картины. Любимый автор федоскинцев – Константин Маковский. Особенной популярностью у федоскинцев пользуются его картины «Боярский свадебный пир в XVII веке», «Боярышня у плетня». Миниатюры будто светятся изнутри от сусального золота, серебра, перламутра, по которому рисует художник. «Чтобы платье боярышни сияло, мы наклеиваем лист золота, сверху кладем прозрачную красную краску, – объясняет Елена Моисеева, главный художник Федоскинской ордена «Знак Почета» фабрики миниатюрной живописи. – Если хотим написать парчу, то добиваемся эффекта рисунком по перламутру. Стараемся придать больше праздничности, декоративности. Пишем храм Христа Спасителя – используем перламутровые пластины. Этот сюжет

Художники
50–60-х годов
создали
«золотой век»
федоскинской
миниатюры

КВАРТИРА ЗА ШЕСТЬ ЛАРЦОВ

В 1795 году активный и весьма разносторонний купец второй гильдии Петр Коробов открыл в селе Данилково небольшую фабрику. Сначала это было производство из папье-маше козырьков, затем – табакерок, а когда нюхать табак стало не модно, начали делать шкатулки, коробочки для вееров, конфетницы, игольницы, кошельки, пасхальные яйца... В книгах по истории федоскинской миниатюры пишут, что Петр Коробов пригласил из Германии двух мастеров, но Елене Моисеевой на одной из ее лекций одна пожилая женщина рассказала другую версию. Прабабушка этой женщины жила в деревне Семенищево, что находится по соседству с Федоскином. «В Семенищево приехали не два мастера, а целая телега людей, две семьи, – пересказывает историю Елена, между прочим, уроженка Семенищева. – Где-то в середине деревни они начали строить свой дом, варить лаки, масла. Но не уживаются с хулиганами из соседней деревни Крюково, уезжают. А промысел остается».

В 1818 году фабрика перешла к Петру Лукутину, зятю Петра Коробова. Купец первой гильдии Петр Лукутин имел в Москве особняк по адресу улица Тверская, 18 и торговал в Гостином дворе. За развитие лаковой миниатюры он взялся с таким жаром и талантом, что не только оставил позади многочисленных конкурентов (порядка 40 аналогичных предприятий было открыто в окрестностях!), но и приобрел мировую славу победами на различных международных выставках. Начиная с 1828 года он получил от царя разрешение клеймить свои изделия двуглавым орлом. «Меня все время мучил вопрос, как работали художники, если аж до 1938 года у нас не было электричества, – говорит Елена Моисеева. – И один очень старый мастер мне рассказал, что на столах художников стояли трех-

наш президент дарил принцу Уильяму на свадьбу».

Знакомство с фабрикой я начала с музея. Раньше его коллекция насчитывала свыше 1700 шкатулок, многие из которых были созданы еще в XIX веке. Затем большую часть драгоценных экспонатов передали на хранение в Музей художественных промыслов, оставив в фабричном музее около 300 шкатулок, преимущественно советского периода. Художники фабрики используют их в качестве образцов для копирования.

Витрины со шкатулками блестяли, мягко сияли, увлекая в свой мир изящного. Русская зима, русская природа, тройки, красавицы, Жар-птицы, охота, Санкт-Петербург, Москва, жанровые сценки, исторические сюжеты, легендарные люди... Пейзаж был популярен всегда. В XIX веке наибольшим спросом пользовались сюжеты «Тройка», «Чаепитие», портреты героев различных войн. Табакерка из папье-маше с изображением царской особы приравнивалась к ордену, ею награждали за заслуги перед Отечеством. Федоскинский художник всегда отражал историю. Среди миниатюр революционного времени мож-

но найти «Взятие Зимнего дворца», «Красноармейцы на конях», «Все на выборы», «Поднятая целина», «Первая лампочка» и т.д. В 80-е годы правительство заказывало много портретов Максима Горького, Михаила Шолохова, Александра Пушкина, Феликса Дзержинского и Галины Улановой...

Елена
Моисеева,
главный
художник
фабрики

литровые банки с водой, а позади них – свеча. Я провела дома эксперимент, когда свет отключили. Действительно, получился тонкий желтый луч, яркий, как от ручного фонарика. Я сразу поняла, почему многие картины старых мастеров написаны в теплом колорите».

Петр Лукутин организовал в Федоскине рисовальную школу, оплачивал своим художникам учебу в Москве в Строгановском училище, выдавал им одежду, керосин, кормил их детей, нанимал работников обрабатывать огороды. Ведь миниатюристам противопоказано заниматься тяжелым физическим трудом, иначе письмо становится грубее. Сын Петра Александр достойно продолжил дело, даже самолично писал эскизы к шкатулкам. Внук Петра Николай стал известным меценатом, соучредителем МХТ и даже участвовал в молодые годы в спектакле «Плоды просвещения» вместе с Константином Станиславским. В 1904 году, вскоре после его смерти, фабрика закрылась.

На ее месте в 1910 году появилась трудовая артель, состоящая из 11 человек. Вот выдержки из нотариального договора артели (орфография изменена): «Во всех отраслях кустарного производства замечена ломка, искание новых путей», «выход из этого состояния нашли сами кустари», которые «решили объединиться в артель, чтобы общими усилиями искать рынки сбыта, освободиться от эксплуатации скупщиков и создать такие условия для производства, при которых мыслимо было бы следить за духом времени и, соответственно, совершенствовать свои стили». В документе отмечен и возрастной состав участников: от 26 до 50 лет. Ветер перемен принес сюда иконописцев и художников из окрестных деревень. В 1931 году в Федоскине создали профессионально-техническую школу, чьи выпускники обеспечат через десяток лет расцвет промысла. «Артель, представьте, работала, не закрываясь, и в годы революции, и в годы Граж-

Николай Корсаков делает заготовки шкатулок из картона

данской войны, – рассказывает Елена Моисеева. – В годы Великой Отечественной войны вышло постановление Совнаркома от 7 февраля 1943 года №128, которое предписывало отзываться с фронта художников и лучших преподавателей, чтобы артель работала в полном объеме. Вероятно, нужны были подарки военачальникам и по линии дипломатического ведомства».

В 70-е годы построили новое, семиэтажное здание фабрики, где трудилось более 300 художников, выполняя и перевыполняя план. Товар шел на экспорт в 11 стран – в Европу, Японию, Латинскую Америку, США. В 80-е годы федоскинскую шкатулку купить в СССР можно было разве что за валюту в магазинах для иностранцев «Интурист» и в «Березке».

А в 90-е с открытием границ пришел безумный спрос на ху-

дожественные изделия. Конкурс в Федоскинское художественное училище достигал 7 человек на место! «На дорогах при подъезде к селу стояли бандиты, не пуская дилеров, покупающих у нас шкатулки, – рассказывает художник Олег Шапкин. – Лихие ребята в соседней деревне ставили машины и шли по домам, изображая праздных грибников: с корзинами, в резиновых сапогах. Шли скупать шкатулки. Мы уже писали на дверях: «Обращайтесь к художникам. Здесь художники не живут». «Моей подруге предложили квартиру в Москве на Кутузовском проспекте за шесть ларцов, – рассказывает жена Олега Шапкина Галина. – Как раз тогда евреям разрешили уезжать в Израиль, и они продавали жилье за бесценок. Подруга отказалась: невыгодно, время было сумасшедшее. Ведь нам хватало одной шкатулки, чтобы построить этаж дома». «Приезжали какие-то узики и меняли ларцы на телевизоры, видеомагнитофоны, кроссовки, спортивные костюмы, – вспоминает художник Сергей Козлов. – Шкатулки брали не глядя, даже замалевки, покрытые лаком. В дверь звонили каждые полчаса. Жуть. А потом все утихло само собой». Точнее, покатилось.

Каждый из 24 слоев лака шкатулки сушится в печат

Десятки раз изделие шлифуют вручную, добиваясь идеальной гладкости

ЛУЧШЕ РИСОВАТЬ, ЧЕМ В ИНСТИТУТ

После музея главный художник повела меня по фабрике показывать производственный процесс. Я предположила, что ремонта это мрачное здание не видело со дня строительства, Елена Моисеева неловко пожала плечами, будто стесняясь нищеты любимой фабрики.

В изготовлении шкатулки принимают участие шесть-семь человек. Из белорусского картона вручную делается форма, варится в масле, лакируется, шпаклюется, грунтуется, расписывается и покрывается лаком. Это если в двух словах, а вообще, шкатулка – это 24 (!) слоя лакокрасочных покрытий, включая три живописных. Работа над ней в разных цехах занимает шесть месяцев!

На рабочем месте 62-летнего опилощика и навивщика Николая Корсакова время остановилось вместе с распадом СССР. На стене – газетная статья прошлого века с заголовком «Знамя мира – знамя социализма». Полжизни – тридцать лет – Николай отдал фабрике, делая заготовки шкатулок из папье-маше. На опилощика и навивщика нигде не учат, так что среди инструментов здесь чего только нет: и бельевые прищепки, и лучины. Работа вредная, «из опи-

ловщиков мало кто до пенсии доживал». «Министерство культуры нас последовательно добивает, – высказывает свой взгляд на происходящее Николай Корсаков. – Присылает руководителей, которые нас разваливают. Прежний директор, Виктор Балабанов, разогнал художников в неоплачиваемый отпуск,

В таком виде опилощик сдает коробка в дальнейшую работу

огромное здание теперь пустое. Раньше тут со всей округи народ работал, поселок содержался за счет фабрики, был свой автопарк, мы ездили на экскурсии, в том числе за границу. А сейчас... Лишь бы зарплату заплатили вовремя».

У лакировщиков Александра и Ольги Кошлевых – веселее, и обстановка семейная. Они работают здесь более десяти лет. Ольга, как выяснилось, художник ростовской финифти, выйдя замуж, осталась в Федоскине. Сын учится в федоскинском училище и пока на фабрику, по стопам родителей, идти не собирается: зарплаты низкие – 15 тысяч рублей. Дочь работает на фабрике на полставки в бухгалтерии и учится в институте.

На фабрике числятся 54 художника, от 23 до 80 лет. Я в живописном цехе увидела чуть более десяти. Елена Моисеева объяснила, что многие работают дома. Нет нормированного графика работы, разрешается ездить за вдохновением в Москву – по музеям, выставкам. Только приноси шкатулки на художественный совет, который утверждает работы.

Художницы работали в тишине, при свете ламп. Здесь всего две молодые женщины.

Веронике Баулиной – 23 года. Окончив училище в Федоскине, она, как когда-то ее родители, пришла на фабрику: «очень красивым мне их письмо казалось». Вероника увлекается полимерной глиной, лепит на продажу миниатюрки, бижутерию. Не так давно провела собственную выставку. Еще она делает игрушки, валяет шерсть. «В перспективе мне бы хотелось свою мастерскую иметь и продавать свои работы в собственном магазинчике, но рано об этом говорить, – жизнерадостно сообщает Вероника. – Из всего моего курса в училище художником работаю только я. Остальные – продавцами... Кто кем». Рядом с ней трудится 30-летняя родная сестра Ксения Подображная. Девушки – федоскинские художницы в третьем поколении. Кисти Ксе-

нии принадлежат самые маленькие, крошечные работы на фабрике, чем она втайне гордится. Художница, имеющая семью, для души работает на фабрике, а выживает подработками: дает уроки детям, принимает частные заказы. «Расписывала шлемы знаменитым спортсменам, – говорит Ксения, – скрипку ребенку, делала в федоскинской технике браслеты, сережки – кто что попросит. Мне нравится моя работа, она родная, интересная. Люблю все миниатюрное».

С Людмилой Киселевой мы поговорили о моде на сюжеты в разные времена. «Тройка» и пейзажи оказались востребованными во все эпохи. «Когда я только пришла на работу, в 1975 году был хит – Нефертити. Мы писали ее на брошках, шкатулках сотнями. В 80-х много рисовали копию картины Маковского «Голова девушки». В 90-х портретов не заказывали вообще. В 2000-х ничего нового не создавали, пользовались тем, что было наработано. «Сейчас часто заказывают портреты, которые нужно написать по фотографии, – продолжает Людмила. – Не знаменитостей, как раньше, а родственников, друзей, знакомых. Очень популярны храм Христа Спасителя и Жар-птица, символ счастья и богатства. Исторические сю-

Даже в летние дни художники пишут сюжеты под лампами, с лупами, тончайшими кистями

По одному и тому же эскизу у разных мастеров получаются разные произведения

жеты покупаются плохо в отличие от сказочных». О советских временах здесь вспоминают не только ностальгически. Да, уровень жизни был выше, а коллектив больше и моложе. Зрелые мастера работали с молодежью, создавали вместе новые сюжеты. Но ведь творчеством занимались энтузиасты после работы, по ночам, потому что днем всех заставляли выполнять норму. Финансово было выгоднее написать побольше шкатулок «второго сорта», чем все и занимались. Сейчас «второй сорт» никто не

купит, учитывая дороговизну изделия. И получается, что рынок сам отсеивает посредственных авторов, а художники получили возможность работать в комфортном ритме.

81-летней Нине Кузнецовой новое время нравится больше. Был период, когда ради квартиры ей пришлось уйти с производства в операторы газовой котельной. Но, получив трехкомнатную квартиру, она тут же вернулась к живописи, потому что «без этой работы все равно не могла». Мастер не любит

копировать, она создала много новых сюжетов, преимущественно сказочных: «Во саду ли в огороде», «Хозяйку Медной горы», «Русскую красавицу у березки»... У нее много бажовских персонажей. У Нины Кузнецовой картины получают теплыми, легкими, радостными, глядя на них, хочется смеяться. Вот и я сразу увидела, что все ее героини, включая русалок, блондинки. «И не все русалки с зелеными волосами! – веселится она. – Какими нарисую – такими и будут. Русская красавица – всегда со светлыми волосами и голубыми глазами! Хозяйке Медной горы я придала портретное сходство с дочкой. Одну из таких шкатулок я написала в подарок внуку на 25-летие». Нина Кузнецова верит, что «федоскинская живопись всем нравится и будет вечно существовать». Хотя ее дочь, художница, работает в котельной, а внук – оператором на телевидении. Имея возможность работать дома, она бежит на работу, потому что «дома мешают кот, внуки, звонки, а тут сядешь – и пишешь». «У меня все время есть какие-то задумки, – говорит мастер. – В другой раз задумаешь чего-нибудь, даже ворочаешься, не спишься, скорей надо на работу пойти да и нарисовать».

Создание нового эскиза шкатулки поощряется материально

81-летняя Нина Кузнецова считает, что качество современной федоскинской живописи выше, чем в годы СССР

600 КРЕМЛЕЙ, 500 СНЕГУРОЧЕК

В среднем фабрика выпускает 50–90 шкатулок в месяц. Очень мало, но таков спрос. Государственной помощи нет, тогда как без помощи в расширении рынка сбыта фабрике не выжить. Государственная форма собственности только мешает – к примеру, выходу на международный рынок. «Частный хозяин более свободен, – поясняет Елена Моисеева. – Он может, например, под честное слово отправить товар за границу и ждать денег. Мы не можем. У нас во всем куча формальностей, работать с нами трудно. Сейчас фабрика включена в план приватизации на 2014 год, она станет в конце концов частной, как многие промыслы России. Ждем перемен». Даже не на все международные выставки удается поехать по финансовым причинам, хотя приглашения приходят регулярно.

Изделия продаются в основном на ежегодной большой выставке «Ладья» в Москве и, конечно, в магазине при фабрике. Покупателей заманивают в Федоскино экскурсиями по производству, группы приезжают каждую неделю. Шкатулки заказывают и органы власти, и круп-

ные фирмы. Но большие заказы здесь редкость. И хотя они крайне важны для экономики фабрики, все равно становятся эмоциональным испытанием для художников. Так, Подарочный фонд президента РФ заказал на Новый год 1100 шкатулок: 600 одинаковых Кремлей и 500 Снегурочек. Фирма Knauf на свое 15-летие попросила изготовить 400 идентичных шкатулок, «ЛУКОЙЛ» – большую партию «Игр в снежки».

Любопытно, но по тому, что заказывают или покупают, в Федоскине могут иногда определить даже национальность клиента. Англичане любят цветы и пейзажи в серо-голубых тонах. Американцы – все яркое, крупное, русскую зиму, изображение большой семьи в национальных костюмах. Вкусы американцев ближе всего к нашим. Французы предпочитают крошечные экземпляры, пусть восемь шкатулок, но малюсеньких.

От положения дел на фабрике напрямую зависит в селе судьба художественного училища, ведущего историю с 1931 года. Здесь учат федоскинскому промыслу и ростовской росписи по эмали (всего 60 студентов). Раньше было еще одно отделение – жостовское (знаменитая роспись металлических подно-

сов), но теперь нет преподавателей. Училищем заведение называют по старинке, для краткости и удобства, хотя с 2012 года это уже Федоскинский филиал лаковой миниатюрной живописи ФГБОУ ВПО «Высшая школа народных искусств». «Мы получили новое название и функцию, стали вузовской структурой, но высшее образование пока не предоставляем, так как не прошли лицензирование.

Это вопрос ближайших двух лет, – говорит молодой директор ФГБОУ ВПО «Высшая школа народных искусств» Михаил Салтанов. – Присоединились к институту, потому что большинство наших выпускников поступали затем в МГАХИ им. В.И. Сурикова и в Российскую академию живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, чтобы получить диплом о высшем образовании».

В музее художники фабрики берут для копирования эскизы и шкатулки, созданные мастерами прошлого

Конкурса нет последние лет десять, идут исключительно «женские наборы», что, по наблюдению местных художников, верный знак невостребованности профессии. Но местное население к живописи тянется: уже двести лет на этой земле живут целые династии художников. Много желающих приходит в художественную школу, открытую по воскресеньям при училище. В преподавательском составе произошла смена поколений, средний возраст педагогов училища – 35–40 лет. Некоторые студенты с удовольствием пошли бы работать на фабрику и за небольшие деньги, если бы их брали на работу по трудовой книжке, а не по договору, чтобы засчитывался трудовой стаж. Не берут. Училище и фабрика всегда составляли неразрывное целое. Чтобы стать федоскинским мастером, нужно здесь учиться, жить, впитывать эту культуру с детских лет. «Не хочется мне обижать прикладные училища и институты, – говорит Елена

Во время экскурсий дети и взрослые свободно общаются с работниками фабрики

Рабочий
порядок на столе
федоскинского
мастера

ЭМОЦИЯ САМОЦЕННА

К сожалению, я успела зайти в гости только к Олегу Шапкину и Сергею Козлову, хотя здесь есть и другие художники с большой буквы, чьи работы выхватываются ценителями чуть ли не из-под кисти. Оба художника вышли из творческой группы, которую в 80-е годы организовал при фабрике известный федоскинец Геннадий Ларишев. Поколения, сформировавшиеся в 70–80-е годы, сейчас составляют тот пантеон авторов, которые известны каждому коллекционеру федоскинской миниатюры: Сергей, Марина и Дмитрий Рогатовы, Михаил Зотов, Елена Хомутинникова, Павел Анохин, Любовь Пашинина, Владимир Монашов, Юрий Алдошкин, Эдуард Макаров и другие.

Дом Олега Шапкина на живописном берегу Учи – большой, основательный, гостеприимный, с огромным холлом, здесь волгоотно помещалась даже делегация международной конференции – более 20 гостей. Мастерская на втором этаже, это небольшая комнатка, заставленная полками с книгами. На столах – рабочий порядок (в доме Олега Шапкина все художники – и жена Галина, и 30-летний сын Кирилл). Основной рисунок делает Олег Иванович, с орнаментами помогает семья. В кабинете тесновато, атмосфера немного давит. «Я мучающийся художник, – говорит о себе член Союза художников России. – Мне надо, чтобы на картине все было выверено, все на месте. Когда заканчиваю ларец – ощущение, будто зуб выдрали. Я работаю. А есть творцы легкие, как птички, – как Ван Гог, Моцарт. Они не мучаются, как Сальери, над каждой нотой». В законченной работе нет ни намека на тяжесть, во всем – едва уловимое движение. Шкатулки Олега Шапкина отличаются наитончайшими сложными узорами, традиционными формами и богатством проработки орнаментальных деталей. В его работах много нежных барышень в богатых нарядах,

Моисеева, – но они максимум год отдают федоскинской лаковой миниатюре. На самом деле ее невозможно полноценно освоить и за четыре, как у нас. Надо еще лет десять на фабрике работать со старыми мастерами, отточить технику. В коллективе можно подтянуть до крепкого уровня и не очень талантливых авторов. В нашем училище преподаются такие важные предметы, как материаловедение, спецтехнологии и цветоведение, в университете – нет». Странно наблюдать упадок промысла, когда, кажется, для его процветания есть все: двухвековые традиции, технологии, возвращенные здесь художники. Нет только мостика между создателями и потенциальными покупателями. Да, широкие массы скорее за 2 тысячи рублей купят в качестве подарка китайскую поделку: пленку, наклеенную на шкатулку. Но немало найдется в России и за рубежом тех, кто готов вложить средства в произведение искусства от 50 тысяч рублей

и выше. Просто большинство россиян не слышали о существовании Федоскина, и нет моды на коллекционирование шкатулок. Самые дорогие шкатулки – в среднем 10 тысяч долларов – у именитых мастеров Федоскина, которые работают дома. Коллекционеры перепродают их шедевры, многократно взвинчивая цены.

Стены фабрики
хранят приметы
разных эпох

где некоторые блики нарисованы кончиком иглы: даже самая тонкая кисть – толста. Отдельные произведения Шапкина хранятся в Эрмитаже, Русском музее, Музее декоративно-прикладного искусства, Истринском Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим». Выставки работ художника проходят по всему миру. Для выставки в Лувре, посвященной 500-летию веера,

художник специально создал коллекцию вееров, расписанных в федоскинском манере. По названиям можно отдаленно судить о той прелести мимолетного, которое художник все время пытается поймать: «Сон», «Туманное утро», «Времена года»... По образованию Олег Шапкин искусствовед, однако при работе он «отключает» разум. «Ведь художник – это слепоглухонемой», – объясняет свое вдохно-

Работы художника Олега Шапкина отличаются тончайшие орнаменты и неповторимый стиль

вание Олег Шапкин. – У него сердце забилось, а ему кажется, что началось землетрясение. Он человек с обостренной чувственностью и полным невежеством чаще всего. В этом нет ничего уничижительного, так и должно быть. Эмоция самоценна». Родную федоскинскую живопись он образно сравнивает с осенней лужей: «Темная вода, а в нее погружены кленовые листья. Один глубоко, его почти не видно, другие постепенно всплывают на поверхность». Художник переживает, что в России к федоскинскому промыслу относятся «как к старым родителям, поплачут – им чего-нибудь дадут», а в Европе – любят, ценят. А если нет живого потребительского интереса и стремления художников быть современными – гибнет и традиция. Сергей Козлов – друг Олега Шапкина, они одноклассники, 1955 года рождения; несхожи, как «стихи и проза». Дом Сергея Козлова, кажущийся снаружи небольшим, внутри поражает количеством све-

За этим столом Олег Шапкин создает свои шедевры

та и воздуха. Все дышит уютом: камин собственной работы, старинная мебель, диваны, кресла. Просторный кабинет смотрит окнами даже в соседнюю комнату, на стене – постоянно включенный телевизор, и везде образцовый порядок. Когда-то Сергей Козлов даже хотел в качестве украшения поставить посреди комнаты старый «москвич» белого цвета, но решил, что в таком пространстве работать не сможет. Простота пространства его дома – кажущаяся. Достаточно сказать, что он предпочитает архитектурные жанры в росписи шкатулок. Его визитная карточка – улицы Санкт-Петербурга. Графически безупречные серо-голубые очертания окутаны дымкой. Людей нет, эпоха не обозначена. И тем не менее из-под пера художника каким-то непостижимым образом выходит образ культурной столицы России времен «золотого века» русской поэзии. «Храм Василия Блаженного» Сергея Козлова – популярный образец, который часто копируют на фабрике. Работы члена Союза художников России приобрели Русский музей, Музей декоративно-прикладного и народного искусства, Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим», Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей.

Козлов работает легко, «просто садишься и делаешь, потому что есть потребность», «я бы и бесплатно рисовал после работы, если бы не мог зарабатывать своим хобби на жизнь». Он в детстве хотел быть скульптором, написал письмо в «Пионерскую правду», где ему ответили:

Художник Сергей Козлов в своей мастерской

«Грибная» коллекция пасхальных яиц кисти Сергея Козлова

чтобы стать скульптором, нужно сначала стать хорошим художником. И Сергей Козлов поступил в федоскинское училище, окончил его и полюбил миниатюру на всю жизнь. Он работает, только когда есть интерес, экспромт, фоном обязательно включает аудиокниги, ТВ. Если «картину в голове полностью написал» – бросает, у него лежит несколько неоконченных работ. И наоборот, не любит оставлять себе готовые шкатулки: «Раздражать начинают. Если следующая работа вдруг получится не лучше этой, значит, ты стоишь на месте. А иной раз лучше остановиться. Бывает, работа долго кажется хорошей – это плохо».

Сын Сергея Козлова Александр – тоже федоскинский художник, ему 33 года. Поколения 20-летних художников уже нет. Рядом – мегаполис, предлагающий заработки «здесь и сейчас». «Нам грех жаловаться, – продолжает Козлов, – мы востребованы, мы сложившиеся художники, а вот молодым на это нужны годы, а то и десятилетия. Они и идут в мультипликаторы, менеджеры, куда угодно». «Я считаю, что промысел умирает, но делает это бурно и красиво, – говорит Олег Шапкин. – У нас целая плеяда ярких художников, человек, наверное, 50, если считать с теми, кто живет и работает в окрестностях, но им всем не меньше 45 лет». Оба художника не думают, что спрос на федоскинскую миниатюру в России появится в ближайшие десятилетия, так как «страна еще не наигралась в попку «мерседесов».

Они верят в поколения внуков крупных современных капиталистов. «Родившись в обеспеченной семье, окончив Гарвард, имея бизнес, они уже не захотят недвижимости, – пророчествует Сергей Козлов. – Они будут покупать антиквариат и произведения искусства, их души потянутся к родному, незаграничному. Начнут возрождать промыслы, но нас, носителей, хранителей традиции, уже не будет».

ТЕАТР, СОЧИНЕННЫЙ АКТЕРАМИ

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ФОТО

АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВА

«МАЛАХИТ» – ЭТО ЕДИНСТВЕННЫЙ
В РОССИИ ДЕРЕВЕНСКИЙ
ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР.
САМА ДЕРЕВНЯ, ПРАВДА,
НЕОБЫКНОВЕННАЯ –
ЭКОПОСЕЛЕНИЕ «КОВЧЕГ»
В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ,
ПОСТРОЕННОЕ РУКАМИ
ЭНТУЗИАСТОВ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ
НАЗАД В ЧИСТОМ ПОЛЕ, ВДАЛИ
ОТ ДОРОГ И ГОРОДСКОЙ СУЕТЫ.

ПОЧТИ ВСЕ АКТЕРЫ ТЕАТРА – НЕПРО-
фессионалы: музыканты, художники,
программисты, педагоги, строители.

Только создатель «Малахита», Олег Малахов, и его супруга Елена – выпускники Высшего театрального училища имени М.С. Щепкина. Мы с Олегом хоть и соседи, но у меня все же не укладывается в голове, как он умудряется совмещать работу в московском театре «Школа драматического искусства», съемки в кино с жизнью в экопоселении и созданием спектаклей в своем театре. И вообще, я как-то упустил, в какой момент у нас в «Ковчеге» появился собственный театр.

– Все началось в то время, когда каждый в «Ковчеге» хотел поделиться с соседями каким-то своим умением, – рассказывает Олег. – С утра до позднего вечера в Общем доме проходили разные занятия: музыканты преподавали музыку, танцоры – танцы, художники – рисование, кто хорошо знал английский язык – учил английскому, владеющие единоборствами преподавали борьбу. Тогда и я решил написать ироничное объявление: «Кто хочет стать таким же хорошим артистом, как Янковский, Смоктуновский, Кайдановский, – добро пожаловать в театральную студию». Это, конечно, была шутка. Изначально у меня не было

идеи воспитать хороших артистов. Я просто хотел познакомить ковчежан с театром, дать возможность прикоснуться к его тайнам и почувствовать особое волнение перед выходом на сцену.

На первое занятие пришло очень много людей. И вскоре большинство разочаровалось. Потому что я предложил не веселиться и разыгрывать смешные сценки, а окунуться в трудную, кропотливую работу, в которой надо научиться многому: хорошо двигаться, правильно говорить, чувствовать друг друга, создать сценический ансамбль артистов. В итоге осталось около десяти человек. Они готовы были пойти за мной. Я с самого начала знал, что мне неинтересно заниматься театром на любительском уровне, и предложил всем осваивать сложную актерскую технику, которой мы занимались много лет в «Школе драматического искусства» с Анатолием Васильевым. Это были особенные пластические и вербальные занятия. И вот возникла идея создать небольшое представление на основе поэтических текстов. Я попросил каждого из моих артистов принести близкие ему стихи о любви – любой эпохи, любой культуры, любого автора. Весь вечер мы читали друг другу стихи о любви. Впечатление было очень сильное. Потом выбрали лучшие произведения и составили из них единую композицию. Потребовался целый год репетиций и тренингов, прежде чем появился спектакль «Разговоры о любви», где наряду с чтением стихов актеры исполняли романсы и танцевали.

– Помню, тогда спектакль не оставил равнодушным никого в «Ковчеге». Чем же он так удивил?

– Я думаю, возвышенностью происходящего на сцене. Мы привыкли, что «Ковчег» – это земля, дом, труд, молоток, шуруповерт; жизнь, требующая многих усилий только для того, чтобы наладить свой быт. А тут вдруг вышли на сцену красиво одетые люди, поют и танцуют, нежно и страстно говорят о любви, звучит красивая музыка. Это был театр! Тогда многие увидели своих соседей с совершенно новой стороны, было много восторженных отзывов. И я понял, что надо продолжать.

– *И продолжил клоунадой?*

– Да. Задачи работать с текстом уже не стояло. Клоунада могла дать моим артистам возможность заняться импровизацией, иначе прикоснуться к игровой структуре. Для нас это тоже был большой эксперимент. Клоунадой я занимался только в институте в рамках программы обучения. Теперь же мне необходимо было найти другой путь. И я его искал вместе с моими артистами. Несколько недель мы просидели в Интернете, читая статьи о Славе Полунине и интервью с ним, изучали его формулы, открытия, смотрели клоунские номера, фильмы с Чаплином, постигали законы юмора. И я понял, какая клоунада нам интересна. Ее можно назвать «философской» – смех не ради смеха, а смех ради мысли. И мы отправились в это чудесное путешествие – в мир клоунады. Он способен сделать из взрослого человека ребенка. Блоровство, радость, импровизация – мы чувствовали себя счастливыми. Работа помогла многим справиться со своими душевными проблемами, избавиться от комплексов, почувствовать себя свободным как птица. Лена, например, до этого пребывала в глубокой депрессии – клоунада ее просто выдернула оттуда. Представление получило название «Великое путешествие». Помимо сюжетного путешествия клоунов это было наше путешествие в театральную клоунаду.

– *Почему же представление так недолго прожило на сцене? Даже в «Ковчеге» его не все смогли посмотреть.*

– Изменился состав актерского ансамбля. После летнего отдыха из театра ушли сразу два актера, которые исполняли центральные роли, но зато пришло в два раза больше желающих присоединиться к нам. Тогда я решил сделать новый спектакль – «Жизнь Клоуна». А начинается он с того, что актеры сочиняют свой театр, рисуют и представляют его публике. Потом строят его на глазах у всех и вскоре играют в нем спектакль. Мне показалось это хорошей идеей. Такой прием называется «театр в театре». В построенном театре мы играли сцены из «Ромео и Джульетты» в клоунском варианте. Стояла сложная задача: дурачиться и в то же время не потерять основную тему – любовь героев.

– *«Жизнь Клоуна» вы показывали несколько раз в театрах Москвы, а также в Калуге и Малоярославце. Как восприняла спектакль не ковчеговская, не соседская публика?*

– Спектакль людям нравился. Его приняли и оценили даже мои товарищи по сцене из театра «Школа драматического искусства» – очень строгие зрители. Были вопросы только ко мне как к режиссеру спектакля относительно некоторых сцен, но это наш профессиональный спор.

– А как вы получили приглашение на фестиваль Славы Полунина во Франции в 2012 году?

– Слава Полунин в очередной раз показывал в Москве свое «Снежное шоу». Мы с женой после представления отыскивали его в служебных помещениях, познакомились. Около часа я рассказывал ему о нашем театре, репетициях, об увлечении клоунадой. Передали ему видеозапись нашего спектакля. Он посмотрел и пригласил на фестиваль. У нас многие артисты никогда за границу не выезжали. Больше месяца длилась эпопея с оформлением загранпаспортов, виз, Полунин писал нам приглашения...

– Кто принимал участие в фестивале?

– Клоуны из России, Франции, Голландии, Испании. Голландцы поразили меня больше всего. Они привезли свой театр – хвост самолета, в котором и показывали спектакль. Зрители видели два представления. Первое – у трапа, наблюдая, как артист лазает по самолету, что-то взрывает, перемещает, двигает, делая это как шоу, понимая, что на него смотрят все те, кто готовится войти в зрительный зал. Второе – уже сидя на лавке в хвосте самолета.

– Что полезного дала эта поездка вашему театру?

– Прежде всего соприкосновение с невероятным миром, сотворенным Полуниным в некогда заброшенной мельнице XII века. Это мир игры, воображения, радости. В его поместье много разных мест и уголков со своей атмосферой и сюрпризами, которые здорово обыгрывались в течение фестиваля. Участники двигались строго по маршруту, попадая то в «осиное гнездо», откуда вылезал фокусник, то в юрты с шаманами, то в японский театр. В «курином цирке» лежал загипнотизированный горящий клоун, на его груди в сковородке жарили яичницу и тут же раздавали всем желающим. То вдруг по реке проплывала кровать, а на ней лежал человек с гармошкой и горланил песни; затем плыл остров, на котором стоял рояль – пианист играл зажигательный джаз.

Такая атмосфера царит в поместье не только во время фестиваля. Слава и его супруга Елена не разделяют жизнь и творчество – это одна из главных составляющих философии их бытия. Хозяин по нашей просьбе устроил экскурсию по своему дому, назначив ее на 11 часов и 11 минут. Каждая комната бывшей мельницы – свободный полет фантазии. Все создано для радости, и ощущаешь себя здесь счастливым ребенком. Потолок спальни хозяина как по волшебству превращается в звездное небо, дет-

ская комната – с кораблем и кроватью в виде луны. Все это вдохновляет. Ужин – не просто ужин, а «Красный вечер». Все пришли в нарядах красного цвета на красную поляну, где даже на елках рос красный перец, и еда на столах была тоже красная.

Мы получили хороший урок – как прозу жизни превратить в поэзию. Любое дело перестает быть рутинной, если внести в него творческое начало. В «Ковчеге» все делается для того, чтобы быт был простым и удобным. Полуинин обустроивает свой быт для Ра-

дости! Славе с его многочисленной семьей жить в такой атмосфере комфортно и счастливо.

– **Как Мастер оценил ваше выступление?**

– Славе понравилось. От какой-либо критики в наш адрес он отказался, как я его ни просил. Слава – очень позитивный человек, на все смотрит положительно, сказал, что может только дать совет, как дальше нашему театру развиваться, куда идти.

– **Так куда же идти дальше?**

– Настал момент, когда я почувствовал, что клоунада исчерпала себя. «Жизнь Клоуна» останется в нашем репертуаре, но в несколько измененном варианте. Некоторые сцены больше неактуальны. Этот спектакль оказался автобиографичным. Мы в реальной жизни придумали свой театр, построили его своими руками и на свои деньги.

– **Получается, сюжет спектакля подтолкнул актеров строить театр?**

– Нет, мы давно мечтали о своем театральном пространстве. Потому что Общий дом сильно загружен, а главное, его интерьер – печки, трубы, окна – отвлекает зрителя. И мы поняли, что нам необходимо построить театр.

– **И в этом театре мы скоро увидим настоящие пьесы?**

– После поездки во Францию я предложил своей труппе поставить пьесу «Ученые женщины» Мольера. Мы начали вновь работать со словом, и тут я смог развернуться в полной мере, по-настоящему рассказать моим артистам все то, что было мне интересно в театре Васильева. Сначала со своими актерами я работал над диалогами Платона. Затем мы взяли уже сцены из пьес Мольера, но не из «Ученых женщин», а из других его произведений. Когда я почувствовал, что стало получаться, мы перешли к нашей пьесе и стали готовить спектакль. Долгим был «застольный период», когда мы просто собирались обсуждать, про что эта пьеса, что в ней интересного и по каким законам она написана. Потом начали разыгрывать ее на стульях, сидя в кругу. Это необходимо делать на первом этапе работы. Затем уже появились мизансцены. Пьеса строится на действии, которое находится в слове. И если у актеров, сидящих в кругу, все движется и происходит, то главное есть, и в какую мизансцену поставить исполнителя, уже не так важно.

– **Состав вашей труппы периодически меняется. Почему люди уходят?**

– Главным образом потому, что я предлагаю путь профессионального артиста. И не все готовы отдавать так много времени театру, ведь нужно зарабатывать деньги на жизнь, кормить семью. А у нас не коммерческий театр, и все делается только на энтузиазме.

– Ваши выступления в Москве дают возможность что-то зарабатывать?

– У нас такой задачи нет. Все деньги, собранные с продажи билетов, уходят на оплату звукооператоров, администраторов, монтировщиков и на аренду сцены. Искусством зарабатывать сегодня сложно. Даже многие крупные театры Москвы содержатся за счет государственных средств и спонсоров. У нас пока никакой поддержки нет, обходимся своими силами. Сами строим, на свои средства шьем костюмы и делаем декорации. А костюмы для Мольера обошлись нам в 600 тысяч рублей. Я заранее всем объяснил, что камзолы и платья барокко – это не клоунские наряды, придется раскошелиться на дорогие материалы и работу опытных портных.

– Ты своих актеров хорошо знаешь и за пределами сцены – они твои соседи. Изменил ли театр их в жизни?

– Входя в театральный мир, меняются все. Чтобы стать артистом, нужно развивать в себе очень много способностей, которые до этого могли спать. Также предстоит осмыслить, кто ты на самом деле, как ты смотришь на жизнь, какие у тебя ценности и идеалы. Это сакральный момент встречи с самим собой. Необходимо прочувствовать творческий акт и всякий раз его возобновлять. Только после того, как человек открывает свое истинное «я», он может что-то делать на сцене театра. Вот тогда в его жизни все начинает меняться. И актер должен сделать выбор между тем, кем он себя представляет в жизни, и тем, кто он есть на самом деле.

– Такой подход к театру предлагает Васильев или так учат в театральном институте?

– Когда я окончил институт и попал в театр, сразу понял, что мне не хватает знаний и умений, позволяющих с легкостью подойти к любому тексту, уверенно чувствовать себя на сцене, уметь находить в тексте то важное, что организует действие. И так уж сложилось, что Анатолий Васильев набирал лабораторию. Мне посоветовали попробовать себя там. Целый год длился испытательный период, Анатолий Александрович ко всем присматривался, никому не говорил окончательного «да». В итоге сложился ансамбль, который последующие десять лет с ним работал. Я выдержал испытание, но потерпел поражение. Васильев отверг все, что я умел до этого, как непригодное для театра. Мне пришлось отказаться от моих прежних знаний, и, полностью доверяя Васильеву, я пошел за ним. Лаборатория длилась три года, в течение которых я постепенно стал понимать, что же такое театр, какова его сущность. Быть может, это прозвучит высокопарно, но для меня театр – таинство, подобное служению, посредством которого я могу разговаривать со зрителем на очень важные для меня темы.

– Разве в театральном институте дают иную установку?

– Установка та же: «Священнодействуй или убий вон» – как говорил Михаил Семенович Щепкин. Но техника, которая предлагается в институте, совершенно другая. К тому же Васильев всегда «отрицал публику». Мне не хочется обижать другие театры, но часто ставят спектакли для

шумихи, театрального скандала, наполняя спектакли разной дрянью лишь только затем, чтобы привлечь зрителя. Своего рода поп-культура. Васильев же всегда делал все для «прекрасного самого по себе». Зрителю он никогда не открывал представление до конца, предлагая каждому соприкоснуться с некой тайной.

В театральных институтах в основном преподают психологическую технику, хорошо известную во всех своих приемах. Васильев с нами занимался техникой игровой. В свое время «игровой театр» пытался развивать Михаил Чехов, но до сего дня эта техника продолжает оставаться закрытой, носителей ее очень мало. Игровой театр отличается в основном тем, что актер, исполняющий свою роль, еще и созерцает ее, подобно зрителю. Это совершенно иной внутренний вектор исполнителя. В психологической технике он всецело направлен внутрь, к человеку, его чувственности; актер должен прожить свою роль – по Станиславскому: «Я – в предлагаемых обстоятельствах». Игровая структура ближе к комедии дель арте, когда исполнитель и его маска находятся в игровых отношениях. Он тоже на сцене проживает свою роль, но все внутренние процессы проходят иначе. Словами объяснить сложно, актер познает это на практике за долгие годы.

И конечно, когда я встретился с тем, как Васильев разбирает текст, я понял, что он гений. Он видит в тексте просто невероятное количество вещей, которые позволяют артисту организовать действие. Станиславский не смог поставить Мольера только потому, что техника психологического театра непригодна для такого рода текстов. Васильев утверждал, что даже и нашего любимого Антона Павловича Чехова нельзя играть исключительно психологически, он в промежутке между игровым и психологическим театром.

– *А возможно ли создать такой театр в деревне?*

– Смело могу сказать, что многие мои артисты вышли на хороший профессиональный уровень. Мне хотелось бы заниматься таким театром, который способен помочь людям возноситься. Отрываясь от своего быта, человек начинает иначе чувствовать, мыслить, жить более возвышенно. Становится свободным и счастливым. В этом, я считаю, и есть смысл искусства вообще. Если человек постоянно занят только повседневными заботами, то душа черствеет, человек становится «тяжелым» и толстокожим, он сам себе все время подрезает крылья. Театр и любое творчество дают энергию жизни и одухотворяют человека. ■

ПО МОСКВЕ АКИ ПОСУХУ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

НА НАБЕРЕЖНОЙ НЕСКУЧНОГО САДА НОВЫЙ ПАРАПЕТ, ОТДЕЛЯЮЩИЙ ЗЕМЛЮ ОТ ВОДЫ МОСКВЫ-РЕКИ. ДАЖЕ НЕ ПАРАПЕТ – БОРДЮР, СКОРЕЕ. ВЫСОТА – ПОЛМЕТРА ОТ СИЛЫ. НЕ ЗАЩИТА, А ТАК, СПЛОШНАЯ ДЕКОРАЦИЯ. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, МОЖЕТ БЫТЬ, И НЕ НУЖНА НИКАКАЯ ЗАЩИТА? МОЖЕТ БЫТЬ, РЕКУ УЖЕ ТАК ОШЛЮЗОВАЛИ И ЗАГИДРОТЕХНИЧИЛИ, ЧТО СМИРИЛАСЬ ОНА В ГРАНИТНЫХ БЕРЕГАХ ОКОНЧАТЕЛЬНО?

ДАЖЕ НЕ ВЕРИТСЯ, что чуть более века назад, в половодье 1908 года, вода в Москве поднялась до отметки 8,8 метра. Река и Водоотводный канал слились в один поток шириной в полтора километра. И на время ушла на дно Болотная площадь, а вкуче с ней весь остров Балчуг. Это абсолютный рекорд, но и ранее Москва не стеснялась: в 1778 году взяла высоту 7,53 метра, в 1879-м – 8,39. Ну, и

в таком духе. Это к тому, что Москва-река нынешняя сильно отличается от той, на берегах которой жили люди каких-то сто лет назад. Что уж там говорить про времена седые. Не изменилось, пожалуй, только русло.

И шастают по этому руслу прогулочные и экскурсионные речные трамвайчики, набитые в навигацию любопытствующими гражданами всяческих национальностей и подданств. А те знают щелкают фотокамерами и ай-

фонами по знаковым объектам, отмеченным в путеводителях, запечатлевают прекрасное мгновение. Миг сегодняшний, который завтра станет историей. Тут и подумалось нам с Александром Бурым, моим репортажным партнером-фотографом: а что если попробовать вернуться в миг вчерашний и посмотреть на город с борта какой-нибудь посудины, как смотрели когда-то на Москву бородатые баржевики, водившие свои плоскодонные плаву-

На пристани
«Киевский
вокзал»

Москва-Сити
во всей красе

стричкой Яузой и покидала московские границы за Новоспасским монастырем. Не бог весть какой маршрут. Ежели в километрах мерить. И то – сейчас он весь судоходный. А в прошлом баржи и прочие суда поднимались от Коломны только до Кремля. Дальше им делать было нечего. Выше по течению Москва была условно судоходной. Из-под Можайска и Звенигорода по ней сплавляли лес, увязанный в плоты, – вот и весь флот. Впрочем, наши прадеды не только на баржах-плоскодонках ходили в столичных водах, они и на лодочках и яликах не брезговали покатаются или с удочкой посидеть. А эти гребные аппараты проскальзывали всюду: и мимо фабричного Дорогомилова, и мимо дачных Воробьевых гор, и мимо лужнецких огородов.

Причал «Киевский вокзал». Сам Киевский вокзал, в молодости – Брянский, появился на свет еще при царе-батюшке. Архитектор Рерберг умудрился построить громадное здание во время Первой мировой войны. Первый поезд отправился из нового дебаркадера в феврале 1918-го. Еще раньше – к столетию победы в Отечественной войне 1812 года – архитектор Клейн закончил возводить Бородинский мост. Вот он, перебросился тремя пролетами через реку. Заполнившие верхнюю палубу нашего «дредноута» туристы на мост и на вокзал особого внимания не обращают. За кормой вытянулся несколькими разноцветными великанами

чие склады с Волги да Оки сюда – в Первопрестольную.

Понятно, берега не переделал, от гранита не избавишься, равно как и от опутавших столичное небо электропроводов всех сечений. Не только Дунай, но и куда более скромная Москва не потечет вспять. И в прямом, и в переносном смысле. Но на берегах-то кое-где остались стоять те дома и храмы, что стояли во времена, не знавшие прогулочных трамвайчиков.

В ПРЕДЕЛАХ СТАРОГО ГОРОДА

Строго говоря, Москва-река в пределах Москвы-города сто лет назад текла от Пресни мимо нынешней площади Европы, что у Киевского вокзала, Хамовников, затем выбрасывалась узкой петлей к подмосковным Воробьевым горам и возвращалась в столицу у Нескучного сада. Далее спешила к Кремлю и Замоскворечью, встречалась в Котельниках с младшей се-

Киевский
вокзал – один
из крупнейших
в Европе

достраивающийся столичный даунтаун. То бишь Москва-Сити. Да уж, умеют американцы названия подбирать. Вы где располагаетесь? В даун... Дальше можно и не продолжать.

И пока фиксируются те самые мгновения приобщения к заокеанской градостроительной культуре, кораблик разворачивается в сторону старой Москвы. Именно что в сторону, потому как, кроме исчезнувшего за кормой Киевского вокзала, обозреватель начала XXI века ничего от жизни прежней увидеть не может. Все, что вокруг, – порождения нынешней эпохи. Черета бизнес-центров по левую руку, корпуса Бережковской ТЭЦ с двумя убийственно красно-белыми трубами – по правую. Поэтому на корме две веселые девушки из славного Магадана уже обзавелись шампанским в бортовом буфете и смотрят не столько по сторонам, сколько на пластиковые стаканчики. Шампанское и пластик – бытие нашего времени...

«Спартакoвские»
трубы
Бережковской
ТЭЦ

В ЛУЖНЕЦКОЙ ИЗЛУЧИНЕ

Но вот по левому борту появляется и другое бытие – высокие, но не теряющие при этом изящества стены Новодевичьего монастыря. Как и всякий другой московский монастырь-крепость, Богородице-Смоленский, основанный в начале XVI века великим князем Московским Василием III, не избежал встречи с завоевателями. Но не бился, а страдал. В 1571-м его сжег крымский хан Давлет Гирей (Девлет Герай), в Смутное время он был взят и разорен казаками буйного атамана Ивана Заруцкого, в 1812 году чудом спасся от подрыва французами, отступавшими из Первопрестольной. Да, красавец-монастырь. Но не боец. Потому-то, наверное, и выглядит в череде прочих из монастырского кольца сказочным принцем. Остальные – скорее, воины и иноки.

А справа над рекой нависают стометровые кручи Воробьевы. Именно так когда-то называ-

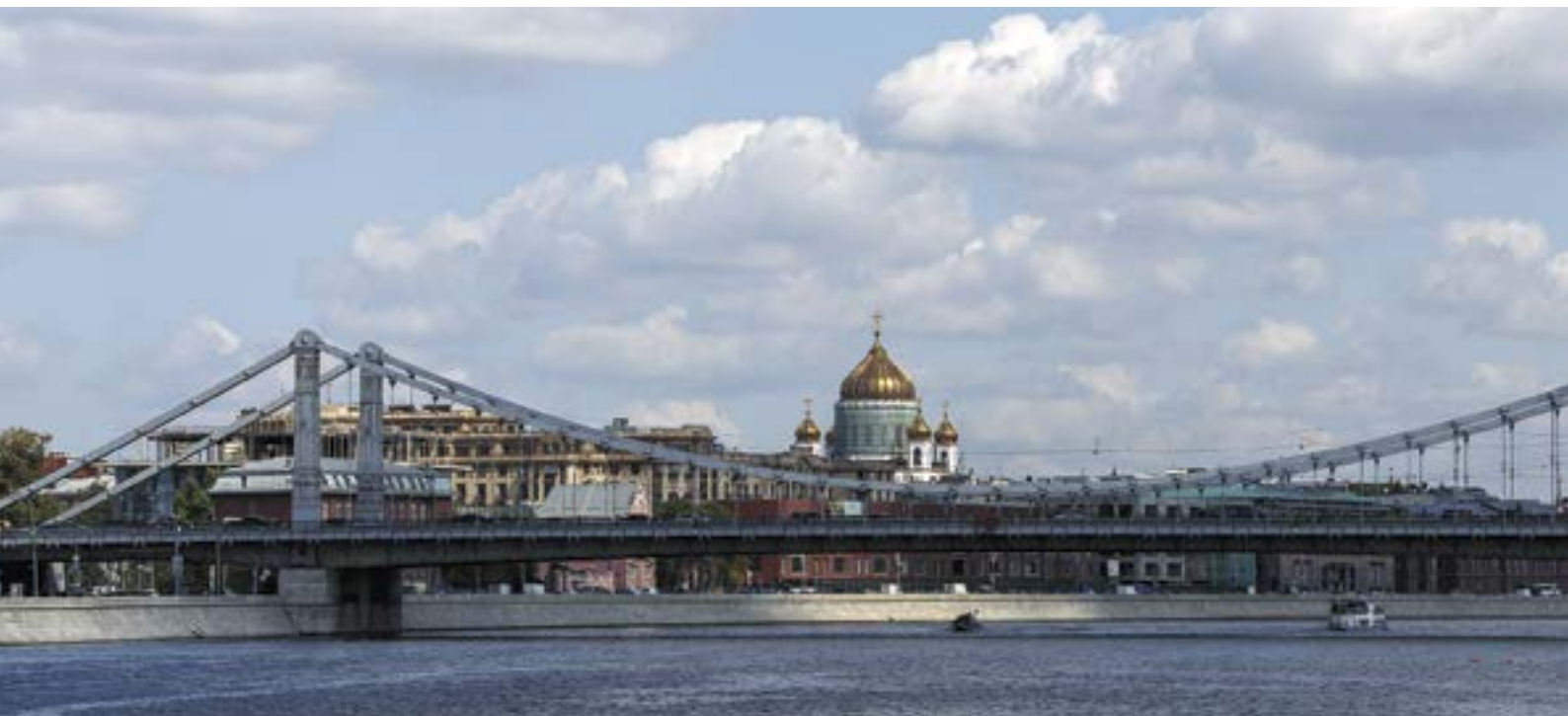
Купола
Новодевичьего
монастыря

лись эти места. Никакого секрета в названии нет. Кручи – они и нынче кручи, Воробьевы – по фамилии местных помещиков, владевших одноименным селом. Сквозь густую листву древних лип, дубов, ясеней не особо видно то, что сохранилось на вершине склонов с XIX века. А это – церковь Троицы, в которой молился Кутузов перед оставлением Москвы, и Мамонова дача, образец русского ампира, принадлежавшая графу Матвею Дмитриеву-Мамонову, герою войны 12-го года и оппозиционеру, объявленному сумасшедшим. Храм всегда оставался и остается храмом, а в Мамоновой даче – один из институтов Академии наук. Причудливо изгибается русло Москвы-реки. И в течение нескольких минут, сколь ни вглядываясь поверх верхушек деревьев, поднимающихся по холмам, не увидишь шпиль Московского университета, который, казалось бы, видно в столи-

це отовсюду. Как-никак шпиль вздымается на четверть километра! Ан нет – пусто в небе. И кажется, что видишь в эти минуты Воробьевы горы такими, какими их видели век назад. Если бы не гранитные набережные. Чуть дальше – Андреевский монастырь. Вернее, то, что от него осталось. У этого монастыря особая судьба. Обитель, просуществовав двести лет, была превращена в приходский храм при Екатерине II. Затем – в богадельню. На заре советской власти бывшие монастырские храмы закрыли, часть построек разобрали, а оставшиеся передали под жилье мирянам-атеистам. Только в 2013 году статус монастыря был восстановлен. Легенда гласит: под плитами пола в соборе Воскресения Слоvensкого, что в Андреевском монастыре в Пленницах, находится могила основателя обители боярина Федора Ртищева, верой и правдой служившего царю Алексею Михайловичу.

ЗА КРЫМСКИМ БРОДОМ

Стоит заметить, что баржи по Москве-реке далеко не всегда шли своим ходом. Да и откуда ему взяться, своему ходу, например, в XIX столетии? Та-скали 70-метровые суда на конной тяге. А когда они, имевшие весьма скромную осадку в десятки сантиметров, начинали скрести собственным днищем по дну реки, разгружали-перегружали... Из века в век мелела Москва-река. Находились места, где глубина составляла всего несколько вершков. Четверть метра, не более. Неудивительно, что имелись броды, коими так охотно в летнее время пользовались наши «друзья» с юга – крымчаки. Так что название красавца-моста на вантах – Крымский – вовсе не в честь благословенного полуострова, а, скорее, наоборот: от испуга. И там, где сейчас мост, был когда-то брод. Крымский. За ним от старой Москвы кое-что осталось: на Пречистенской

и Берсенева набережных. Ну, само собой, возрожденный кафедральный собор Христа Спасителя. Правда, сказать что-то новое про него весьма затруднительно. А вот рядышком – доходный дом Перцовой, числящийся по Соймоновскому проезду, 1. Эталон русского модерна построен в 1907 году. Получил прозвище «дом-сказка». В 1908-м в первом этаже открылось знаменитое кабаре «Летучая мышь», где много времени

На месте брода
вырос мост.
Крымский

Корпус
знаменитой
фабрики
«Эйнем»
на стрелке

провели Ольга Книппер-Чехова, Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов и другие великие мхатовцы. На доме есть росписи. Они созданы Врубелем. Сейчас этот удивительный дом – под рукой МИДа.

А рядом не менее интересный особняк, принадлежавший Ивану Цветкову, меценату и коллекционеру. Дом спроектировал Виктор Васнецов, и в 1901 году здесь разместилась коллекция Цветкова, насчитывавшая око-

ло 2 тысяч живописных, скульптурных и графических работ. Спустя восемь лет Цветков передал и дом-терем, и коллекцию в дар Москве. Но лишь юридически. По факту Иван Евменьевич и коллекция оставались в доме на Пречистенской набережной вплоть до смерти Цветкова в 1917-м. Спустя несколько лет собрание оказалось в Третьяковской галерее.

Сейчас в доме-тереме размещается военный атташе Франции

Дом Перцовой

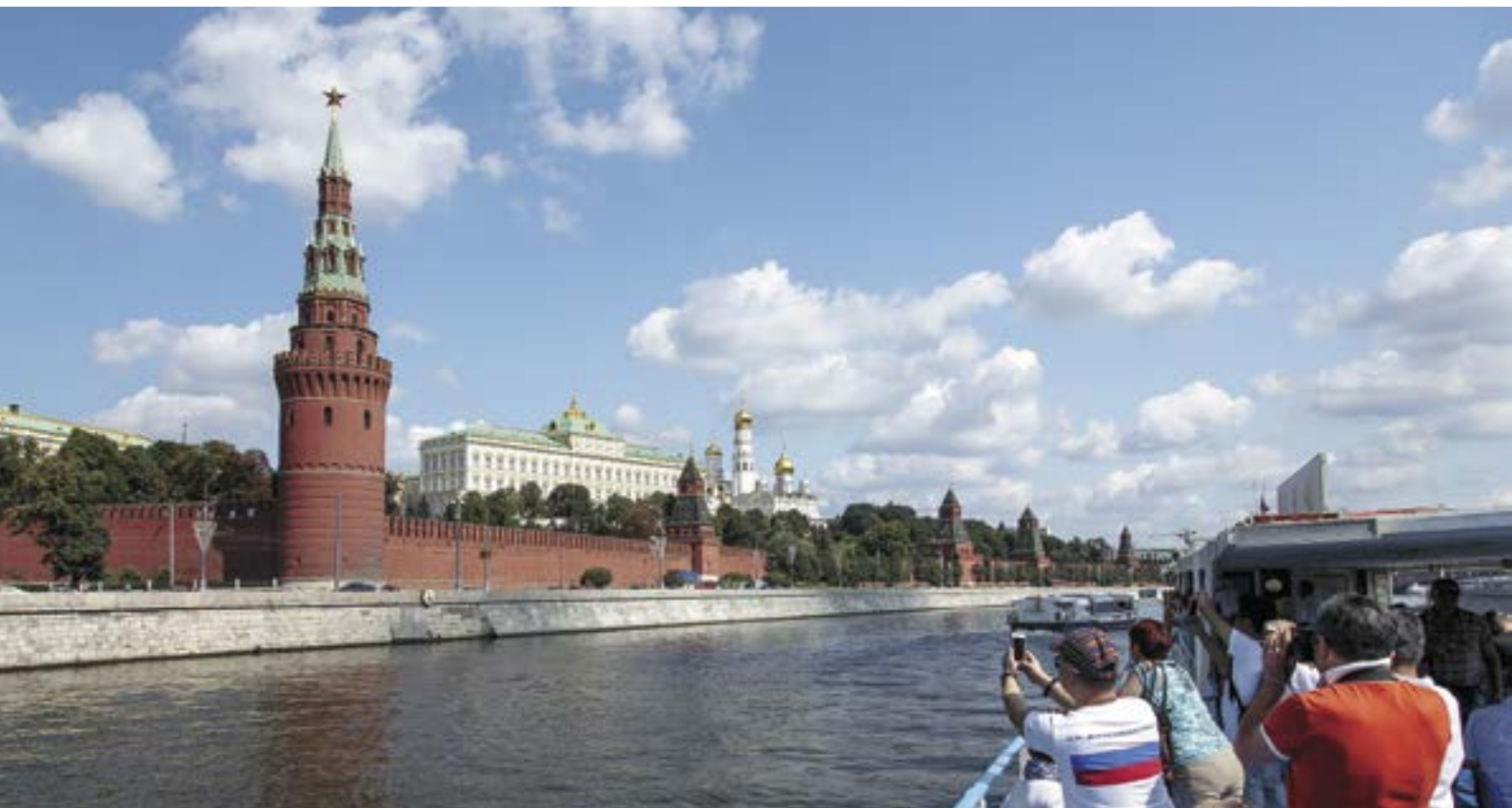
в России. И это вовсе не ирония судьбы. В 1942 году особняк был передан французам для создания Военной миссии и для приема... летчиков эскадрильи «Нормандия – Неман». Напротив через реку – палаты, прячущиеся в тени деревьев. В этом месте экскурсоводы и прочие знатоки куда чаще рассказывают о соседствующей с палатами печально известной громаде Дома на набережной. А нам-то с Сашей Бурым что? Мы плывем

с ним по Москве-реке во времени, когда не было еще никакого Дома на набережной, а его будущие обитатели в весьма скромном возрасте обретались кто на каторге, а кто в благодушной евроэмиграции. Зато палаты Аверкия Кириллова тогда уже были. Впрочем, палаты – чуть впереди. А чуть сзади, наискось от кормы, на которой магаданские девушки уже расправились с шампанским, – типичный для фабричной Москвы конца XIX–

Одно из зданий палат Аверкия Кириллова

начала XX века краснокирпичный комплекс зданий. Балчуг, стрелка, кондитерская фабрика «Красный Октябрь». Несколько лет назад на одном из фабричных корпусов появилась-таки надпись, восстанавливающая справедливость. Вовсе не абстрактный «Октябрь» создавал сто лет назад это чудо русской кондитерской промышленности. У родоначальников вполне конкретные имена. Один – немецкий подданный Теодор Фердинанд фон Эйнем, «раскрутивший» кондитерское дело в цехах на Софийской набережной, второй – его младший партнер, Юлиус Гейс, ставший после смерти Теодора в 1878 году единоличным владельцем компании «Товарищество Эйнем». Вот он-то к 1906 году и построил уникальный производственный комплекс на Балчуге, прямо напротив храма Христа Спасителя. Удивительно, что, несмотря на всяческие радикальные политические изменения в стране, фабрика «Эйнем» была национализирована Советами только в 1928 году. Сейчас в этих цехах уже не делают знаменитые некогда на всю страну эйнемовское монпансье и краснооктябрьских «Мишек

косолапых». Сейчас тут заняты другой продукцией – куют современное искусство и все, что ему сопутствует.

Но – проехали, как говорят. Потому как на траверзе – Аверкиевы палаты. Собственно, ничем выдающимся в истории отечества думный дьяк Кириллов не отметился. Входил в высший чиновный круг, управлял царскими садами, несколькими приказами, связанными с финансами Московского царства, а заодно и собственной нескромной торгово-промышленной корпорацией. Слыл за богача и мздоимца. За что, видать, и поплатился во время Стрелецкого бунта 1682 года. Известностью в истории обязан более всего лютой смерти своей на стрелецких бердышах в Кремле.

Дело, однако, не в Аверкии. Палатами, построенными еще в XV веке боярами Беклемишевыми, спустя многие десятки лет завладели предки Аверкия Степановича. Перестроили в середине XVII века, и отчасти мы их сегодня видим такими, какими их унаследовал думный дьяк-жертва.

Отчасти потому, что были и более поздние перестройки и ремонты. После гибели Аверкия палаты сменили несколько частных владельцев, а когда ни прямых, ни косвенных наследников не осталось, перешли в казну. В 1870 году здесь разместилось Императорское Московское археологическое общество. На его заседания в палатах приходили Аполлинарий Васнецов, Ключевский, Погодин, Мамин-Сибиряк, Сергей Соловьев. После Октябрьского переворота, когда здание передали комитету по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа, побывал на Берсеневке один разок Осип Мандельштам.

Потом в «гостях у Аверкия» пребывали Центральные реставрационные мастерские Грабаря, в 1964-м осели работники минкультовского НИИ, да так и сидят до сих пор.

Рядом с палатами стоит церковь Николы на Берсеневке XVII века, а вид на то и другое частично закрывает Набережный корпус, построенный тут гораздо позже.

Водовзводная
башня
у Кремлевской
набережной

ВДОЛЬ ВЕЛИКОЙ УЛИЦЫ

Вот и Большой Каменный мост, с которого телевизионщики так любят делать стендапы под кодовым названием «Червонец». Это потому, что именно с этой точки было когда-то сделано изображение Кремля для 10-рублевой советской купюры. Той самой, заманчиво-красноватого цвета. А сам Кремль – во всей красе! Сидящий по левому борту китаец средних лет в очередной раз падает с ненадежного пластикового кресла. Раньше эти двухместные конструкции были надежно припилены болтами к палубе. Но кто-то умный решил сделать жизнь пассажиров посвободнее. Болты исчезли, и кресла превратились в столь знакомые по детству дворовые качели. Эмоциональная спутница китайца при виде московского великолепия время от времени вскакивает, а он, бедолага, не подготовленный к цирковым трюкам, валится на пол. И никакое ушу группироваться не помогает.

Да, красиво! И век назад было так. Только немного будничнее.

Здание бывшего
Императорского
воспитательного
дома, ныне –
Академия РВСН
им. Петра
Великого

Что непонятно, так это то, как рисковали строиться именно тут в XIX веке? Сохранились старые фотографии Москвы, на которых хорошо видно, что берег напротив Кремля вовсе не упрятан в гранит. Свободный берег, который в случае подъема воды зальет неминуемо... И пусть пишут некоторые москвоведы, что каменные берега выросли в Замоскворечье в 1836–1840 годах, но фото конца XIX века подделывать невозможно. Фотошоп тогда еще не выдумали.

За домом Харитоненко – шатровая колокольня церкви Святой Софии в каменном исполнении середины XIX века. На самой береговой линии. Она, стилизованная под век XVII, будто бросает вызов кремлевским древним соборам. А вместе с ней и финансировавший ее строительство сахарный магнат.

Колокольня
церкви Святой
Софии

Конечно, в прошлом веке вид на церковь Зачатия святой Анны, что в углу на Великой улице был иной. Отсутствовали гигантские щиты, закрывающие территорию снесенной гостиницы «Россия» в Зарядье. И изящная белостенная церковь с темными куполами смотрелась в воды Москвы-реки будто девица. Но если запомнить эти купола, закрыть глаза на секунды – и вроде нет никаких щитов. А храм есть. За остатками Китайгородской стены – монументальное здание Императорского воспитательного дома. Его строительство ини-

Кремль гордо осматривал город вокруг себя, а город гнал по реке баржи со всяким товаром. И они застревали под разгрузку напротив, у Софийской набережной. И не было им дела до того, что на этой самой набережной стоит роскошный дом-дворец богатейшего сахарозаводчика Харитоненко, построенный в конце XIX века. Впрочем, и нам нет особого дела до того, что в «сахарном доме» нынче – резиденция британского посла. По при-

вычке москвичи считают, что тут, на столь значимом месте, располагается посольство Великобритании. Но времена меняются. Для посольства построено новое и весьма скучное здание на берегу Москвы-реки, но значительно выше по течению, там, откуда начиналось наше путешествие. А особняк – теперь не посольский, а «пословский». Сидя у его окон, Анри Матисс написал когда-то пейзаж с натуры.

цировал личный секретарь Екатерины II Иван Бецкой в самом начале ее царствования. Сам Иван Иванович хоть бедняком не был и в отсутствии внимания к своей персоне упрекнуть никого особо не мог, в моральном плане знал, как нелегко быть сиротой, незаконнорожденным, подкидышем и прочая. Бецкой потому и Бецкой, что начальные буквы отцовской княжеской фамилии «Тру» ему отрубили при рождении.

Два корпуса самого большого здания Москвы до XX века построили сразу же, за каких-то двадцать лет, а вот третий соорудили только спустя сто с лишним лет. Нынче в доме тоже воспитывают – курсантов Академии ракетных войск стратегического назначения. За высокой оградой – плац, гимнастические снаряды. И – никого. Понятно, курсанты тоже люди, и у них тоже бывают каникулы. Но так уж вышло, что проезжаю мимо по несколько раз в неделю и вижу: пустует плац. И турники – тоже. Лишь изредка бегают ребята наперегонки до первого офицера. Хотя и тут есть своя логика. Зачем нужна гиря в руке, когда под пальцем восхитительная кнопка?

ПОСЛЕ ЯЗУЗЫ

Китаец не выдерживает и сходит на берег. На причале «Устьинский мост». Со спутницей, разумеется. Сходит и большая часть туристов. Им невдомек, что и дальше есть по берегам Москвы-реки много чего интересного. Не Кремлем единым, как говорится. Магаданские девушки остаются.

Левый берег после впадения в Москву Язузы старины почти не сохранил. Разве что дом №17 по Котельнической набережной. В наши дни тут размещается Российский союз промышленников и предпринимателей, более известный по аббревиатуре – РСПП. А в 1887 году архитектор Каминский выстроил его для совершенно других задач. Под богадельню. А может, не все так противоречиво, как кажется с первого взгляда. Если в организации ничего не меняется долгие годы, она неминуемо перетекает в ведомство гоголевского Земляники.

Правый берег тоже не слишком балует. На Космодамиановской набережной только один истинно яркий объект. Причем тот редкий случай, когда сохранились вековые традиции использования здания. Вот оно,

Фасад Кригс-комиссариата, ныне – «Рос-оборонсервис»

занимающее целый квартал, с башенками под зеленой крышей по углам, с двумя пушками времен Первой мировой у главного подъезда... Когда-то на этом месте стоял так называемый дворец Бирона, памятного на Руси до сих пор фаворита царицы Анны Иоанновны. Но время временщика кончилось, и эта собственность отошла военному ведомству. В ней разместили Кригскомиссариат. Ведомство, отвечающее за снабжение войск. В конце XVIII века французский архитектор Легран возвел на этом месте новое здание. То самое, что мы видим сейчас: не просто жизнерадостное, а, я бы сказал, веселенькое. Даже пушки у входа улыбаются жерлами.

Можно взять любые мемуары русских строевых офицеров и даже военачальников – почти всюду найдете неслестные оценки деятельности этих самых кригскомиссаров, или интендантов. Не воровство, так равнодушие. Не равнодушие, так некомпетентность. Это, собственно, к чему? К тому, что некоторое время назад в бывшем Кригскомиссариате обосновалась компания с популярным названием «Оборонсервис».

Вот и последний причал. «Новоспасский мост». И причалу, и мосту дал название монастырь Спаса на Новом, как его именовали ранее. Он стоит на берегу Москвы-реки с 1497 года, когда освятили храм Преображения Господня на Васильевском стане. А почему, собственно, Новоспасский?

Тут – история на истории. Спасский монастырь был основан великим князем Московским Даниилом в XIII веке. Это была первая иноческая обитель на Москве, и располагалась она на том месте, где сейчас стоит Свято-Данилов монастырь. Иван Калита распорядился перенести обитель поближе к собственной резиденции в Кремле. И в 1330 году монашествующие переехали на Боровицкий холм. Иван III, затеявший большую перестройку Кремля, ре-

Купола Спасо-
Преображенского
собора
Новоспасского
монастыря

шил вывести Спаский монастырь подальше. Место выбрали неслучайно – южные подступы к столице надо было охранять с особым тщанием. Потому и оказалась обитель на высоком речном берегу за городской чертой. В XVI веке монастырь превратился в первоклассную крепость. Первый бой выдержал в 1521-м против крымского хана Махмет Гирея. Сражался с бандами Давлет Гирея в 1571-м, Казы Гирея – в 1591-м, в Смуту выдержал осаду поляков. Именно здесь целовал крест князь Дмитрий Пожарский и его дружина в 1612-м, поклявшись изгнать врагов из Москвы. К концу XVII века Новоспасский стал одним из самых богатых монастырей России. Причина еще и в том, что на его земле рядом с только что освященным храмом Преображения в 1498 году похоронили боярина Василия Захарьина, представителя рода, от которых пошли Романовы. Неслучайно в год 300-летия династии обитель посетил император Николай II. И неслучайно, что после октябрьских событий с Новоспасским расправились очень быстро. Уже в 1918 году монастырь закрыли и почти сразу же открыли на его тер-

Юго-западная
сторожевая башня
Новоспасского
монастыря

ритории концлагерь, позже превращенный в женскую тюрьму. В Знаменском храме трудился над исправлением советских нестойких граждан медвытрезвитель.

Только в 60-е годы прошлого века монастырь начал оживать. В нем расположились различные реставрационные организации и мастерские. На излете советской власти, в конце 1990 года, обитель вернули церкви. Есть привычное выражение: монастырь-крепость. Тут другое: крепость-монастырь...

Давным-давно был у меня добрый товарищ, который жил на Дербеневской набережной. Это чуть ниже по течению от Новоспасского и на противоположном берегу. Имелась у него резиновая надувная лодка. Любили мы тогда походы всяческие и рыбалки. Но иногда терпению не хватало дожидаться следующей вылазки куда-нибудь на Волгу. И тогда по ночам спускали мы это чудо кораблестроения на воду Москвы и ходили на веслах вдоль Дербеневки к монастырю. Это не то что на речном трамвайчике, уж поверьте.

Хотя и на трамвайчике можно. Лишь бы – по реке.

ДВОЕ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВЛАДИМИРА И ЛЮДМИЛУ БАСАЛАЕВЫХ ЛЕГКО МОЖНО ПРИНЯТЬ ЗА МОЛОДУЮ ПАРУ, ХОТЯ ОБОИМ УЖЕ ПЕРЕВАЛИЛО ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ. СТРОЙНЫЕ, ВЕСЕЛЫЕ, ГЛАЗА ГОРЯТ. «А НЕ ПОЕХАТЬ ЛИ НАМ СЕГОДНЯ НА ТАНДЕМЕ?» – СПРАШИВАЕТ У ЖЕНЫ ВЛАДИМИР. «УСТРОИМ ФУРОР!» – СОГЛАШАЕТСЯ ЛЮДМИЛА.

ДВА СПОРТИВНЫХ велосипеда остаются грустить в прихожей – в специальном ящике, вмонтированном в стену. Владимир выкатывает с балкона tandem, придирчиво осматривает его, а затем спускает длиннющий велик по лестнице, аккуратно огибая углы, чтобы не выбить спицы. Людмила уже ждет его внизу, на улице. Этот tandem супруги привезли из Франции – взамен своего старого велосипеда, на котором проехали от Пензы до Владивостока, исколесили всю Францию и Бельгию. Тот – старенький служака – был самодельный, Владимир собрал его своими руками. На старом tandemе рама для второго ездока была обыч-

ная, а на новом – дамская. Как раз для супруги. Первый руль шоссейный – перевернут рогами вниз. А второй руль – «бабочкой». На каждом руле – велосомпьютеры.

Появление Басалаевых на tandemе на улицах Пензы действительно вызывает ажиотаж. Весь запруженный людьми проспект Строителей, на котором стоит дом Басалаевых, таращится на необычную картину. Прохожие останавливаются, дети прилипают к окнам автобусов. Даже суровые работники ДПС при виде tandemа расплываются в улыбках. Вид tandemа, на котором велосипедисты синхронно вращают педали, завораживает... «Второй-то рулить может?» – слышны крики сквозь уличный шум.

Место парковки знаменитого велотандема Басалаевых на балконе обычной панельной многоэтажки

Басалаевы к такому вниманию давно привыкли. На вопросы и приветствия отвечает Людмила, а Владимир внимательно смотрит на дорогу. Ведь даже открытый канализационный люк или лужа машинного масла могут обернуться для tandemа катастрофой.

Если tandem останавливается, его обычно сразу же окружает толпа. Первым делом обязательно интересуются: «Кому легче ехать? Переднему или заднему?» «Обоим», – весело отвечают Басалаевы. Второй вопрос тоже привычен: «Сколько стоит?» На что Басалаевы давно придумали ответ: «Хочешь его купить?» Затем обычно следует: «Я тоже хочу на tandemе ездить, как это сделать?» На этот вопрос всегда отвечает Владимир: «Надо найти сначала себе пару, а потом думать о tandemе!» – «Я найду». – «Ты сначала найди!» – веско подчеркивает Владимир.

Есть у Басалаевых заветная мечта: вот подойдет на улице к ним очередной прохожий и скажет, что тоже ездит на tandemе... Но, увы, второго tandemа в полумиллионной Пензе, в которой велосипеды весьма популярны, все же нет.

«Я НА ТАКОЙ НЕ СЯДУ!»

Tandem спланирует, говорят Басалаевы. До него каждый из супругов ездил на своем велосипеде: и не поговоришь даже. А тут можно поболтать во время пути. Почувствовать себя одним целым. Сейчас им даже странно вспомнить, что когда они первый раз на tandem сели, то не знали, как ехать вместе. Потом поняли, что на tandemе у каждого есть свои обязанности, которые связаны с соблюдением прав партнера. Конечно, вначале ругались, как же без этого. На одиночном велосипеде ты – главный, сам рулишь, держишь ту скорость, которая тебе нравится, а на tandemе так нельзя... На tandemе они приучились чувствовать друг друга и поняли, что главного здесь нет. А вот сын Виталий, курсант пензенского военного училища,

к появлению тандема в семье отнесся отрицательно. Навешавшим его родителям он решительно заявил: «Если ко мне на тандеме приедете, я к вам не выйду! Товарищи засмеют!»

...Впервые Владимир увидел тандем у своего друга Валерия Асташина. А после того, как Владимир прокатился с Людмилой на чужом самодельном тандеме, он загорелся идеей сделать такой же аппарат. Собрал тандем на балконе. Сварил длинную раму от двух велосипедов «старт-шоссе». Сделал тандем разборным – именно из-за этого несколько лет спустя французы выпросили его самодельную машину для музея велосипедов. Людмила на возню мужа на балконе не обращала внимания, однако, когда он, гордясь произведением, выкатил тандем, ее реакция была категоричной: «Я на такой не сяду!»

Первое дальнейшее путешествие на своем самодельном велосипеде супруги Басалаевы совершили в Москву. А на лето 2001 года

Этот сувенирный велотандем, точная копия того, на котором супруги совершили путешествие к Тихому океану и во Францию, символ этой необыкновенной семьи

запланировали грандиозный вояж – от Пензы до Владивостока, – который решили посвятить 30-летию семейной жизни. Для путешествия сшили легкую непромокаемую палатку, смастерили велорюкзак и походную печку, которую можно топить хоть корой и прутьями, хоть шишками. Запаслись сетками от комаров. Выслали в некоторые крупные попутные города посылки с запасными деталями на свое имя до востребования. Камеры и покрышки решили

покупать по дороге. В Интернете Владимир заблаговременно создал страницу, на которой его друг, живущий в Екатеринбурге, согласился выкладывать новости о велопробеге.

К началу большого пути во Владивосток Басалаевы уже научились поровну распределять усилия, выяснили, что при езде на тандеме начинают думать и действовать одинаково, а также убедились, что желание отдохнуть возникает одновременно. Пожалуй, только тогда они поняли, как велосипед поменял их семейную жизнь.

Решили, что впереди на тандеме будет всегда сидеть Владимир – как более мощный «пилот», которому легче держать равновесие. Подогнали седла, педали. В заднее колесо тандема Владимир вставил спиц в два раза больше, чем обычно. Несколько смущало их только одно: при прокладке маршрута они пользовались старыми автомобильными картами времен СССР... Других не было.

Медали у Басалаевых, как и велосипед, одни на двоих...

УВЕРЕННОСТЬ ДРУГ В ДРУГЕ

Когда смотришь на прочерченную на карте России линию маршрута, по которому проехали Басалаевы, то невольно захватывает дух...

В конце мая 2001 года два тракториста, работающие на полях вблизи башкирского села Мирный, стали свидетелями странной картины. По вспаханному полю брели два худых человека, один из которых сильно хромотал. За собой они тащили странный длинный велосипед с двумя сиденьями, весь перепачканный в грязи. Это были Владимир и Людмила Басалаевы, пережившие один из самых неприятных дней путешествия: у Людмилы была травмирована левая нога, а на переднем колесе тандема лопнула вилка.

Справившись у трактористов, где находится ближайший поселок и есть ли в нем сварщик, путешественники продолжили свой пеший путь. До поселка пришлось топать еще 4 километра, а сварщик к тому же отсутствовал – уехал на рыбалку. Зато когда вернулся, Басалаевы поняли, что им наконец-то повезло. Сварщик оказался высокой квалификации. Он зава-

рил трещины в вилке и укрепил ее двумя пластинами...

Басалаевы приближались к Уфе, все вроде бы шло по графику. Но левая нога у Людмилы продолжала болеть. Владимир забрал ее рюкзак себе, даже предложил прекратить путешествие. Людмила отказалась. А вскоре они оба поняли, что все возникающие проблемы решаемы, хотя бы потому, что они уверены друг в друге. И тандем только усиливал эту уверенность.

Басалаевы продолжили поездку. В крупных городах останавливались у велосипедистов, с которыми списались еще до начала путешествия. Если темнота заставала в пустынном месте, разбивали палатку метрах в пятидесяти от обочины. Больше всего их мучили частые проколы. Камеры были уже клееные-переклеенные, покрышки протирались до дыр. Приходилось покупать их у встречных мальчишек. Несмотря на ежедневную усталость, Басалаевы аккуратно каждый вечер записывали все интересные события прошедшего дня и затем отправляли письмо по почте другу в Екатеринбург.

О том, что первая тысяча километров пройдена, Владимиру

Одиночные велики, которые супруги хранят в оборудованном «гараже» в пригороде, с появлением тандема часто стоят без дела

сообщила Людмила. Событие отметили продолжительным привалом у горной речки рядом с указателем на уральский город Миньяр.

Басалаевым, путешествующим на тандеме, все встречные удивлялись так же, как и в Пензе. Рассматривали внимательно их «транспорт». Задавали много вопросов, спрашивали, выдерживают ли график: супруги ежедневно преодолевали не менее 100 километров.

Половину пройденного пути отмечали на Байкале, окунув в его воды колеса тандема.

А самая, пожалуй, удивительная встреча в пути случилась в селе Марьевке. Администратор местной гостиницы, где остановились заночевать Басалаевы, сообщила, что у них сейчас квартирует еще один странный велосипедист: «Такой же, как вы, на велосипеде. Только француз». На следующий день Басалаевы познакомились с Жаком Бессо-лем. Француз путешествовал на велосипеде из Парижа в Пекин. «Коллеги» обсудили маршруты друг друга, тем более что карты у Жака Бессоля были явно лучше. Он и объяснил Басалаевым, что пути от Читы до Сквородиного вовсе нет. И лучше им ехать во Владивосток через... Китай! На прощание он предсказал им разные неприятности и подарил открытки с видами Парижа...

Незадолго до Улан-Удэ одна из покрышек тандема пошла такими трещинами, что пришлось прилаживать под нее прокладку, вырезанную из бересты. Как добрались до города, расчитывая купить покрышку, но оказалось, что магазин спорттоваров уже закрыт. От отчаяния Басалаевы стали просить продать покрышку у всех, кого встречали по пути. Выручили опять местные мальчишки.

В Чите Басалаевым пришлось давать пресс-конференцию. Оказывается, сайт о путешествии тандема заинтересовал немало людей. В том числе и журналистов. Басалаевы объяснили концепцию своего семейного путешествия до Тихого океана на тандеме.

В Чите привыкли видеть разных путешественников, которые рекламируют те или иные компании. И людям понравилось, что у Басалаевых спонсоров нет, пафосными лозунгами они не бросаются, а путешествие совершают в честь 30-летия совместной супружеской жизни. Им жали руки и говорили: «Как замечательно, что есть такие, как вы!» Между прочим, читинцы тоже не советовали Басалаевым преодолевать полторы тысячи километров от Читы до Сквородино на велосипеде. Сплошное бездорожье, говорили они (трасса «Амур» тогда еще только строилась. – Прим. авт.). И до Басалаевых велосипедисты ездили до Владивостока, но все они в Зилово (станция на Транссибе) садились на поезд, на котором добирались до Сквородино. Но Басалаевы твердо решили: доберемся сами. На tandeme. Ночевали в тайге. Костер жгли до глубокой ночи, чтобы отпугнуть зверей. Собирали грибы и ягоды.

Сваренная в башкирском селе вилка сломалась аккуратно перед таежной станцией Сгибеево. Сначала Басалаевы подумали, что путешествию пришел конец. Но на станции опять-таки местные мальчишки, подивившись на tandem, притащили старый велосипед. Так что супруги продолжили путь.

Вскоре заросшие грунтовые дороги превратились в колеи, а потом в тропки, которые перешли в болота. По этому бездорожью Басалаевы иногда даже плутали. Но цель их была ясной: ехать на восток – на восход солнца. Поэтому даже компасом ни разу не воспользовались.

Мысль повернуть назад ни разу не возникала.

В Сквородино они прибыли с покрывками, практически превратившимися в лохмотья. Здесь их выручил старик, гревшийся на лавке перед своим домом. «Я думал, в глазах двоится от старости», – смеялся он, отдавая путешественникам старую пыльную покрывку, которой было не меньше полувека...

Эти часы в виде велосипедного колеса Басалаевым привезли друзья-тандемисты из Франции, когда в Пензе проходил международный фестиваль тандемов

СТО И ОДИН ДЕНЬ

Во Владивостоке героев встретили знакомые мотоциклисты, с которыми Басалаевы познакомились на Байкале. В их сопровождении и въехали в город – спустя 101 день после того, как их tandem оставил Пензу и преодолел 9380 километров. Владимир похудел на 7 килограммов, а Людмила на полтора. За все время путешествия они ни разу не поругались.

Домой возвращались поездом Владивосток – Пенза. Для сложенного вдвое tandem нашлось место на полке. Беда была в том, что на весь вагон они были единственные пассажиры! Некому было рассказать, что по тайге, проплывающей за окном, они проехали на tandem!

В Пензе местные велосипедисты устроили Басалаевым шумную встречу на вокзале.

История путешествия во Владивосток стала для Басалаевых визитной карточкой, открывшей им дороги Франции, которая считается родиной tandem.

Когда Басалаевы первый раз побывали со своим tandem на велонеделе во Франции, то привлекли всеобщее внимание. Никто никогда из русских тандемистов во Франции до Басалаевых не бывал. Правда, французы удивились и заметили, что самодельный tandem россиян в техническом отношении отстал лет на тридцать. У хозяев-то были современные, легкие тандемы. Но Басалаевы в итоге обогнали европейцев на своей «развалюхе». Между прочим, из-за Басалаевых во Франции разгорелся нешуточный скандал. Велокомпьютер установлен на их tandem не только на переднем, но и на заднем руле, чтобы Люд-

мила тоже могла видеть, с какой скоростью едет велосипед. У французских тандемистов велокомпьютер один, и пользуется им только «рулевой», то есть мужчина. Француженки увидели, что у русских женщины тоже имеют право знать скорость тандема, и закатили скандал! В местной газете была даже напечатана статья о том, как русские научили французских мужчин демократии, а в магазинах выросли продажи велокомпьютеров. Но гораздо сильнее Басалаевых волновало другое: их самодельный тандем начал все чаще ломаться. Поэтому на предложение отдать старенького «героя», дошедшего до Тихого океана, в музей велосипедов в Бельгии, а взамен получить новенький заводской тандем, супруги согласились сразу.

ИДЕЯ ДЛЯ СЕМЬИ

На новом «аппарате» Басалаевы проехали 1800 километров по маршруту Париж – Брест – Льеж. Посмотрели Атлантический океан, французский порт Брест, старинные замки. Как-то раз в сельской местности попали в сильный ливень, стали искать укрытия и попросились под навес частного домика. Хозяин-француз равнодушно выслушал извинения и просьбу на англий-

ском, глянул на англоязычные надписи на майках велосипедистов и индифферентно отвернулся. Владимир не сдержался и в сердцах перешел на русский: «Да мы из России!» «А! Россия!!!» – обрадовался хозяин и тут же пригласил гостей в дом.

После этого случая Басалаевы предусмотрительно сменили майки.

За это путешествие по Франции Владимир и Людмила получили Большой кубок, но самое главное – приобрели много новых друзей. Именно благодаря этому французские тандемисты приезжали в Пензу на фестиваль тандемов в 2006 году. В подарок Басалаевым они привезли новую раму для тандема. Ее Владимир отдал ребятам из Тольятти, которые занимаются реабилитацией инвалидов по зрению.

Путешествие из Пензы во Владивосток сделало Басалаевых знаменитыми больше во Франции, чем в России. В январе 2005 года в Париже на 20-м Интернациональном фестивале велопутешественников слайд-фильм Басалаевых о поездке на тандеме до Тихого океана завоевал симпатии зрителей. Это была первая в Европе презентация фильма российских велопутешественников. Там-то Басалаевы и встретили своего старого знакомого Жака Бессоля. Про-

Муж и жена, и на одном велосипеде. Не может быть лучшей иллюстрации для слова «супружество», что означает «быть в одной упряжке»

слышав об этом событии, он специально пришел на него в той самой шляпе, в которой Басалаевы встретили его на глухой таежной дороге недалеко от Омска. Рассказ об их встрече в российской глубинке вызвал бурный восторг зрителей. Жак Бессоль так и не мог поверить, что русские решились проехать на тандеме полторы тысячи километров по бездорожью.

Книга об истории путешествия Басалаевых была выпущена на французском языке. В 2009 году Владимир и Людмила побывали на презентации книги «На тандеме до Тихого океана» на Французской интернациональной велонеделе в городе Сент-Омере. Больше всего французам нравилась идея велопробега: «В честь 30-летия совместной супружеской жизни!»

Сегодня Басалаевым о том путешествии не дают забыть любители-велосипедисты. Ведь книга была опубликована в Интернете и стала своего рода путеводителем для тех, кто увлекается длительными поездками на велосипеде. Но, увы, кроме Басалаевых, никто пока так и не рискнул повторить их маршрут до Тихого океана. Нет, наверное, ни у кого такой жены, как у Владимира Васильевича.

«Исторически сложилось так, что для тандема в России нет условий, – делится он своими размышлениями. – Дороги плохие, климат тяжелый, места нет в квартирах. Но главная причина – наша неуступчивость, гордыня, эгоизм. Со всем этим может помочь справиться тандем». ...Во Франции супруги не раз со смехом вспоминали слова сына Виталия, сказанные им по поводу визита родителей к нему в военное училище на тандеме. А потом взяли и купили тандем для Виталия и его жены. Не спрашивая на то их разрешения. Привезли, вручили. Те катаются и очень довольны. Может, и они когда-нибудь повторят то большое путешествие, которое посвятят юбилею своей супружеской жизни.

Чем плохая идея для семьи? ■

МОСКВА – ВОЛГА: ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ СТОЛИЦА САПОЖНОГО ЦАРСТВА

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ДУБНУ МЫ ОБОЙДЕМ. ХОТЯ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ, ЧТО ИМЕННО ЗДЕСЬ СТОИЛО БЫ ОСТАНОВИТЬСЯ. ДУБНА – ЕДИНСТВЕННЫЙ ГОРОД МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ, РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА ВОЛГЕ. ЗДЕСЬ – КЛЮЧЕВАЯ ТОЧКА МОСКВА–ВОЛГОСТРОЯ – ИВАНЬКОВСКАЯ ГЭС. ЗДЕСЬ – НАЧАЛО КАНАЛА, УВЕНЧАННОЕ ГРАНДИОЗНОЙ ФИГУРОЙ ЛЕНИНА, В СВОЕ ВРЕМЯ СТОЯВШЕГО НА БРЕГАХ ВМЕСТЕ СО СТАЛИНЫМ, ОТ СТАТУИ КОТОРОГО НЫНЕ ОСТАЛСЯ ТОЛЬКО ПОСТАМЕНТ.

ЗДЕСЬ В КОНЦЕ КОНЦОВ один из первых «городов науки» – Дубна, знаменитый Объединенный институт ядерных исследований со знаменитым же полвека назад синхрофазотроном, хорошая база для гуманитарных изысканий, недавний статус особой экономической зоны... Но о науке – либо всерьез, либо ничего. Это целый большой разговор – место науки в современном обществе.

Продолжение. Начало см.: «Русский мир.ru» №7, 8.

Именно поэтому я и отложил бы его на потом. А поехал бы сразу дальше, в Кимры, благо недалеко – километров 25 всего. В сказку поехал бы. Сказав напоследок, что Дубна хоть и совсем молодой город, основанный в 1956 году, но крепостицу на границе с Новгородом заложил здесь не кто иной, как Юрий Долгорукий. Два волжских берега очень долгое время осознавались как пограничье, фронтир: сначала – славян и финно-угорских племен, потом – Ростово-Суздальской Руси и Новгорода, потом Москвы и Твери...

ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ

Кимры лежат на том же пограничном рубеже. Характерно, что в захоронениях тысячелетней давности археологи находят горный хрусталь, сердолик, серебро, свидетельствующие о торговых связях сих мест со странами весьма отдаленными. В могилах словен и кривичей находят медные височные кольца. В могилах финского племени меря – звенящие ушные подвески тонкой работы. Собственно, мерянскому языку и обязано место своим названием: «ким» – камень, «ра» – река, Кимра – так и называлось село до 1917-го. Речка Кимрка разделяла его пополам. По-русски было бы: Каменка. Сельское хозяйство всегда здесь уступало ремеслу и торговле. Впервые упомянутые в 1546 году в грамоте Ивана Грозного Кимры уже в 1552 году были подарены царем двоюродному брату, князю Владимиру Старицкому, за взятие Казани. С тех самых пор село так и переходило из одних хороших рук в другие хорошие. Скажем, первая Троицкая церковь была здесь выстроена тестем царя Ивана Алексеевича Романова (правил в 1682–1696 годах), Ф.П. Салтыко-

Вид на мост
через Волгу.
Мост соединяет
Кимры
и Савелово

вым. Екатерина I подарила село своей племяннице, Анне Скавронской, в замужестве Воронцовой. Муж ее выстроил для кимряков торговые ряды и проложил дорогу в уездный центр – Корчеву (теперь затопленную), ибо видел, что село богатое и выгоднее будет его развивать как торговый центр. При Воронцовой почти все население села составляли плотники, калашники, портные, кузнецы, овчинники, но больше всего было сапожников. Обувной промысел расцвел еще при Салтыковых, которые устроили сапожникам подряд для армии Петра Великого. Именно тогда один только оброчный крестьянин Григорий Пустынин получил «царский» заказ на 5810 пар сапог. Поэтому уже не столь удивительно, что, хотя кимрские крестьяне и считались крепостными и для занятий любым промыслом должны были спрашивать разрешение владельцев, во внутренней жизни села все определял сход и поставленные им старосты. Вообще, о свободном и сознательном образе жизни кимряков ходили легенды. В Кимрах само крепостничество, кажется, измысливает все, чтобы быть непохожим на са-

мое себя. Никаких «покосившихся изб» и крестьян, апатично запутавшихся в недоимках. Ничего гоголевского и уж тем паче салтыков-щедринского. Напротив, на средства и пожертвования прихожан в городе построен в 1825 году грандиозный Покровский собор, который во времена Волгоканала, естественно, взорвали. Да и Троицкая церковь, пострадавшая при пожаре 1807 года, вновь отстроена была на средства кимряков. Зажиточные сапожники, владельцы мастерских, ходили в ладных двубортных, городского кроя сюртуках и разумели грамоте. Кончилось тем, что, когда в 1846 году графиня Юлия Павловна Самойлова пожелала выйти замуж за итальянского тенора и вынуждена была выставить имение на торги (по законам того времени меняющий гражданство не должен был иметь недвижимость в России), крестьяне предложили ей купить имение. Точнее: вместе с имением выкупиться на волю. Что и произошло. За пятнадцать лет до отмены крепостного права они стали свободными. Для этого крестьянам пришлось взять в банке ссуду в 495 тысяч рублей, что в конце концов вместе с процентами вылетело им в миллион. Но этот миллион они заплатили за право распоряжаться своей судьбой. И очень скоро выяснилось, что покупка того стоила.

СВОБОДА КАК ИСПЫТАНИЕ

Теперь, на воле, все зависело от самих крестьян. А что понятие «свобода» значит для ремесленника? В каком-то смысле оно неразрывно с другим понятием – «качество». Москва (а значит, и спрос) была близко. Но в Москве никто не стал бы покупать обувь плохого качества. В Кимрах в 30-е годы прошлого века жил удивительный художник-самоучка Иван Абалев: он из дерева вырезал десятки, а может быть, и сотни фигурок и интерьеров, в которых запечатлен весь сапожный мир эпохи мастерских и надомничества. Одна из его работ занесена во Всемирную энциклопедию наивного искусства. Но дело не в этом. Дело как раз в деталях быта. В том, какой ценой доставалось качество. Восьми лет сын сапожника отправлялся к другому мастеру в учение. В 10 лет он уже знал свое дело, изготавливал фартуком и картузом и потом всю жизнь работал. По восемь, десять, а то и по двенадцать часов сидя на «липке» с шилом в руках и щетинкой в зубах. А то – с молотком и деревянными гвоздочками (деревянные гвозди разбухают и не пропускают воду). Недаром профессиональный праздник сапожников, который обычно хозяин устраивал работникам своей мастерской, назывался «Праздник

Скульптура
Ленина
на гидросооружении в Дубне

продажи глаз». Нередко при тусклом свете свечи работники засиживались до поздней ночи, выполняя срочный заказ.

Кимряки первыми научились натягивать сапоги на колодку и шить их с одним швом – да так, что части сапога будто срастались намертво. Первыми из двойной кожи стали шить «осташи» – болотные бродни, первыми в России освоили и модельную обувь – сапоги «всмятку», или «гармошкой», в которых ходило все купечество, столичные дамские туфли и башмаки. При этом понятие качества было настолько абсолютной ценностью, что малейшее сомнение в качестве могло закончиться жизненной катастрофой. В кампанию 1914 года одного крупного кимрского купца обвинили в том, что он поставил в армию «чуму» – сапоги на картонной подошве. Доподлинно никто ничего не выяснял, ткнули, похоже, в первого попавшегося – но так ли, иначе, а человек до суда не дожил. Помер от позора.

Со временем кимрское качество обрело мировой статус. Еще на Всемирной Лондонской выставке братья Столяровы получили дипломы и право ставить личное клеймо на свои изделия, «поставляемые в том числе и за границу». На еженедельных субботних базарах в Кимрах в ту пору продавалось 55 тысяч пар обуви. А было еще две ярмарки – на Покров и на Петров день. Кимры обували всю Россию. Производство неуклонно росло, а качество регулярно подтверждалось участием в международных выставках – Парижской 1900 года, Женевской 1913-го, Римской 1914-го. Это обувь удивительной работы. Непредставимого сейчас качества. Кожа тонкая, прочная, выделка отличная, швы безукоризненные... И высокие дамские ботинки со шнуровкой, и модельные туфли, и полутетры, и сшитые из лоскутков цветной кожи туфли, представляющие собой подлинные произведения искусства... Свобода, при

Дом купца
Н.Н. Носова.
1880 год

Дом братьев
Лужиных в стиле
модерн. Начало
XX века

умелом подходе, оказалась выгодным предприятием: на рубеже XIX и XX веков в Кимрах жило 10 тысяч человек и домов каменных было 100, в то время как в уездной столице Корчеве жителей едва было 3 тысячи и каменных домов соответственно втрое меньше.

НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТИЛЕТИЙ РУССКОГО КАПИТАЛИЗМА

Прежде чем задаться неизбежным вопросом – куда и почему это все делось? – позволим себе малость... А вернее, радость – понежиться в нескольких десятилетиях русского капитализма, 1861–1917 годов, когда Россия (да и весь мир) была так непохожа на мир сегодняшний... До нынешнего олигархического капитализма было еще далеко. Каждый лавочник чувствовал уверенность в завтрашнем дне. Мир еще не сорвался с катушек, девизом торговли еще не стала баснословная прибыль любой ценой, век одержимости еще не наступил. Напротив, мир развивался медленно, органично. Порядочность ценилась. Бога, опять же, никто не отрицал. Тем более что в Кимрах искони жило много старообрядцев, а все они верили истово. Со старообрядческой основательностью кимряки начали с того, что создали собственный «Кимрский общественный и крестьянский братьев Мошкиных банк». В нем и брали кредиты на развитие дела. С другой стороны, культура: практическая образован-

новление его 18 тысяч рублей и велел строить Кимры по линейному городскому плану. Так что быть в Кимрах пожарным было большой честью. Правда, и форма была хороша: китель, ремень, сапоги, разумеется, и серебристо-блестящие каски. По сути, Вольное пожарное общество следило за всем порядком в селе, и он был безукоризненным. Честь состоять в пожарной дружине была так высока, что даже после революции один купец завещал похоронить его непременно вместе с каской пожарного, которую он сохранил, несмотря на лихолетье. Оба председателя пожарного общества до революции были энтузиастами дела, притом что были это богатые купцы, устроители города, уважаемые люди, чей авторитет был незыблем...

НЕИЗБЕЖНОЕ «ПОЧЕМУ»

«...Странное это было село, – писал в начале XX века журнал «Русь». – На центральной улице возвышались каменные здания и гостиный ряд. Люди крестьянского сословия ходили в городской одежде и кожаной обуви, прилавки магазинов ломились от заморских вин». О кимряках шла слава как о щеголях. Пошучивали: «Кимряк лучше недоест, но нарядится». «Идет кимряк – на пузе шелк, а в пузе щелк». Но ведь они в столицах, в Нижнем торговали. Тут народ очень уважительно к себе относился.

До сих пор старинная основа Кимр видна в сохранившейся островами старой застройке: прекрасные каменные дома и подлинное чудо Кимр – терема в стиле деревянного модерна начала прошлого века. Дом врача Жардецкого, дом братьев Серельевых, дом братьев Лужиных – это такая красота, которая на пустом месте вдруг не родится, нужно, чтоб она созрела, нужен запрос на эту красоту, нужны и исполнители – прежде всего первоклассные архитекторы...

Сейчас Кимры – город воспоминаний о волшебном «сапожном царстве». Теремам в стиле модерна стоять от силы еще лет

ность ценилась высоко. Потом явились и музы: в купеческом клубе принято было устраивать балы. Был здесь и бильярд, и буфет с винами. Тут давала иногда представления известная во всем Верхнем Поволжье труппа уличского театра Евреинова, играл спектакли артист императорских театров Николай Панов и артисты с менее звучными титулами. Но работал и собственный драматический кружок, в котором подвизались представители земских профессий: учителя, врачи, чиновники. На средства Ивана Алексеевича Сорочкина была открыта бесплатная библиотека-читальня, сам

он был начальником кимрской пожарной дружины.

Да, вот! Про кимрскую-то пожарную дружину! Чуть самого главного не забыл. Город горел не единожды, и защиту его от огня жители Кимр целиком взяли на себя, организовав в 1890 году кимрское Вольное пожарное общество, куда добровольно вступили лучшие из лучших. Кимряки навсегда сохранили память о страшных пожарах 1807 и 1859 годов, когда село выгорело начисто, а люди спасались в Волге. После этого пожара Александр II (который еще цесаревичем, путешествуя по Волге, подивился «славному селу») дал на восста-

Дом Силинева
в стиле модерн.
Улица
Орджоникидзе.
Первая четверть
XX века

«В сапожной мастерской». Фрагмент экспозиции Кимрского краеведческого музея

десять, так же как и развалинам Гостиного двора: никакими силами районному начальству все это не поднять и не восстановить. Как и былую славу кимрской обуви. Сейчас кимрская торговая марка «НИКС» существует... ну, только как местная добавка в обувной ассортимент. Ни белорусской, ни, тем более, итальянской обуви она не соперница. И совершенно невозможно понять, каким образом обувь мирового качества, которую шили здесь в артельных мастерских, в начале XXI века стала недостижимой вершиной и отливается сейчас в простейшие формы сапог «прощай, молодость» и кроссовок «для бедных». Обувная фабрика «Якорь» (при большевиках – «Красная Звезда») была открыта в Кимрах еще в 1907 году. Так что не фабрика сама по себе сгубила сапожное дело. Формально рассуждая, фабрика по сравнению с артельной мастерской – это

прогресс. Станки всякие, лекала обувные, швейные машины вместо шила и дратвы... Ну да, прогресс. И поначалу он был очевиден. Но с конца 20-х годов началось планомерное подавление инициативы. Сначала прямое: аресты, экспроприации, всяческое «раскулачивание». А затем – поточное производство. Обувь для миллионов. Конвейер, гарантированная прибыль, *леность ума* – все это, вместе взятое, убило инициативу, а с нею ослабло и производство. Потом, тоже по лености ума, приватизация, перепродажи – и обескураживающий результат... Прекрасная «столица сапожного царства» растаяла как сон...

Выпучив глаза, бродили мы по Кимрам, разглядывая остатки былой роскоши и нынешнего разора. От былой предприимчивости кимряков осталось несколько летних базарчиков с провинциальным ассортимен-

том. Объявления: «Сдаются офисы и шоу-румы...» О, проклятый новояз! Бурные эмоции с головой выдавали в нас чужаков, что кимряки и констатировали: «Дикое племя ням-ням...»

Ладно, пусть ням-ням, но как прикажете реагировать на это сонное царство, в которое превратила столицу царства сапожного леность ума? В чем ее, эту леность проклятую, измерить? Нет единицы измерения. А разрушения оказались реальнее реального. И обуви, которой можно было бы похвастаться, нет, и город рушится. А почему? Да потому, что какой-нибудь дом Сухарькова (сохранившийся только на фотографиях) – его сам Сухарьков и поддерживал. А дом Носова – Носов соответственно. Никогда бюджета райцентра не хватит на то, чтобы держать в порядке целый город-памятник. Для этого домовладельцы нужны, хозяева, производители от крупных до

Гимн сапогу.
Фрагмент
экспозиции
Кимрского
краеведческого
музея

мелких и мельчайших. Именно такое «общественное устройство» позволило Кимрам выстроить город-терем, соборы великолепные, провести в столицу железную дорогу, устроить себе тут, в «тверской глуши», европейский быт... Так было, по крайней мере, пока капитализм строил сам народ, когда и дела городские, и дела торговые во многом определял сход, по-нынешнему городская Дума. Тогда капитал проникал во все поры общества, тогда «от щедрот» его доставалось всем. Сейчас, когда Россия встала перед серьезнейшим внешнеполитическим вызовом, единственным серьезным ответом на этот вызов была бы такая внутренняя политика, когда о России можно было бы вновь говорить с гордостью: не о вооружениях и не о науке даже, а о самой возможности чувствовать себя в своей стране хозяином. Патриотизм лозунгами не построишь. Патриа – это отечество. А значит, возможность продолжать дело отцов, преумножать их традиции, их участие в построении общества, страны, бизнеса. Вот такие мысли приходят на Кимрской земле. И никуда от этого не деться...

Иван Иванович
Громов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

РУКОПИСИ ГОРЯТ

Кимрский театр драмы и комедии стоит на месте взорванного в 1936 году Покровского собора. Из афиш ясно, что театр уехал на летние гастроли, а из маленькой таблички, прикрепленной к его стене, – что здесь, в Кимрах, отбывал в 1937 году последнюю свою пе-

ред отправкой в лагерь ссылку Осип Мандельштам. Рядом с театром – обелиск в честь погибших на войне земляков, а подле него – небольшая квадратная плита из серого гранита: послание комсомольцев 1971-го молодежи конца XXI века. На ней так и написано: «Вскрыть 9 мая 2071 года». Я поймал себя на остром желании узнать о содержании послания. Ведь с начала 70-х минула не эпоха, а несколько эпох. В 1971-м еще не кривя душой можно было верить в Прогресс, в Разум, в какое-то светлое, порой совсем ничем не омраченное Будущее. В будущее землян и планеты Земля. С тех пор мы убедились, что не Разум правит миром, земляне вдруг оказались разделены первобытными интересами, да и о Прогрессе приходится говорить с осторожностью: особых духовных прорывов не видать, а совершенствование техники и вооружений сплошь да рядом оборачивается чистым безумием...

Возможно, этот сюжет так взволновал меня потому, что именно с Кимрами связывал меня удивительный диалог во времени... Когда мне было 24 года, со мной случилась странная история: я сделал открытие. Я открыл писателя. У меня хранится его архив: много листов исписанной фиолетовыми чернилами и химическим карандашом бумаги, наброски, черновики, разрозненные куски прозы, никак не связанные между собой. Плюс к этому – дневники за тридцать лет (начиная с 1922-го), вырезки из журналов и прочий сопутствующий творчеству материал. Все это помещалось в большой картонной коробке и досталось мне, стажеру газеты «Советская Россия», можно сказать, случайно. Кто-то позвонил в редакцию, сказал, что хочет предложить для рубрики «Семейный архив» сохранившийся архив отца. А то куда его девать? Не выбрасывать же. Коробку эту с бумагами тогда еще совершенно неизвестного мне человека – Ивана Ивановича Громова – я легко-

мысленно притащил домой, совершенно не подозревая, как свяжут меня, как будут требовать голоса – через меня – пожелтевшие странички, исписанные чужим мелким почерком. Теперь я понимаю, что поступил неосмотрительно, впусив его в свою жизнь: он принес с собою много боли и горечи богатой, творческой человеческой натуры, надломленной нелепицами жизни. Но он был предельно откровенен со мной и стал близок мне. И я, как мог, отблагодарил его за откровенность: рассортировал его дневники и привел их в порядок и так узнал, что в его романтической душе зародилась и нарастает горечь глубокого разочарования, которое он пронесет потом через всю жизнь. «Мы верили, что нами держится прогресс, цивилизация, культура. Я был молод, силен, во мне теплились искорки таланта. И все это согревалось любовью, освещалось «целью жизни». Но одним я был не нужен, другие просто отворачивались со злым смехом. Лучшие годы ушли на войну, на тиф, на бред. Так страшно думать, что вся прожитая жизнь – лишь жалкое усилие пигмея овладеть дубиной Гер-

Улица Кирова –
остатки бывлой
красоты провин-
циального
города России

кулеса. Юродивые мы, жалкие утописты и сентименталисты! Или мало крови пролито? Нет, просто идеалы наши никому не нужны, даже тем, кто идет вслед за нами с их неслыханными «филантропическими программами». Снова «герои» и снова «толпа». Обязательно нужна толпа – ибо кому же, как не толпе, бежать за колесницей триумфатора!» Это записано в 1929 году. С ранней юности Громова мучило желание написать роман, в котором бы была «вся жизнь на

все времена». Я попытался сложить книжечку из уцелевших обрывков прозы, но в этом не преуспел: все рассыпалось на куски. В бесчисленных вариантах это были фрагменты романа, который он, как исполинскую постройку, возводил всю жизнь: подкапывал знания, прописывал отдельные узлы, продумывал биографии героев. На плане Москвы 1913 года отмечены маршруты главного героя романа, Андрея Одинцова, которые естественным образом

Хозяйка дома
на улице
Орджоникидзе
Зоя Дмитриевна
Гасникова.
Осталась одна!..

Экспозиция
Кимрского
краеведческого
музея,
посвященная
А.Н. Туполеву,
уроженцу
Кимрского уезда

проводят нас по адресам, хорошо известным самому писателю. Роман, хотел этого автор или нет, вышел автобиографичным, поэтому Андрей Одинцов, как я полагаю, должен был бы четырнадцатилетним подростком из Кимр уехать в Петербург, чтобы стать мальчиком в магазине готового платья П.А. Голубина, вернуться, выучиться, получить диплом сельского учителя – и почти сразу быть мобилизованным на войну – первоначально в школу прапорщиков

в Москве – здесь безумно влюбиться, с образом возлюбленной в сердце отправиться на фронт, угодить в самое пекло летнего наступления 1916 года, пройти молотилку Гражданской войны, то ли плен, то ли службу у Махно, чтобы осенью 1922-го нищим студентом факультета общественных наук МГУ встретить возлюбленную на Тверском бульваре и убедиться, что минувшие годы делают их любовь роковым образом невозможной, хотя оба жили ожиданием

этой встречи. Ужас неузнавания запечатлевается в его сердце, он понимает, что должен спастись, один выдержать всю муку жизни, грызущее разочарование фронтовика, ржавую селедку, пшенку, одиночество – уже без надежды на то, что где-то любимая ждет его. Наконец, роман должен был бы рассказать о неистовой жажде творчества, жажде слова, которым хотел бы поведать о себе русский романтик, родившийся для того, чтобы прожить жизнь ярко, посвятив ее людям...

Этого не произошло. Что-то не получилось. Роман, с фантастическим упорством создававшийся несколько десятилетий, то ли не был дописан, то ли почти тотчас же был уничтожен. Дочь писателя рассказала мне, что, почувствовав клешню смерти в желудке, он поехал к сестре в Кимры и там сжег переписанные женою набело главы романа. Андрей Одинцов так ничего и не сказал нам. Писатель убил своего героя и вскоре после этого умер сам. По совести говоря, мне в мои 24 года не хотелось верить, что идеализм и надежды молодости, планы на творчество могут обернуться такой бедой – чередой нескончаемых лет, прожитых впроголодь, в безденежье, в невысказанности, с израненной любовью, нарастающим ощущением тупика и таким вот страшным концом... Я боялся подумать, что с любым, в том числе и со мною, может случиться подобное. В какой-то момент, когда у меня самого ничегошеньки не получалось в жизни, мне стало страшно, что я подцепил громовскую «болезнь отчаяния». И тогда я решил подарить писателю голос. Оживить его. И по его дневникам написал небольшую повесть – «На перекрестке времени», которую опубликовал в 1997 году в журнале «Новая юность» и подписал – Иван Громов. Это и в самом деле не моя вещь. В лучшем случае – мой вокализ по громовской партитуре. Критик Вла-

«...Время ни на миг
не остановишь...»

димир Славецкий в журнале «Новый мир» заподозрил подвох и литературную игру, во всяком случае, свой разбор публикации он закончил словами: «Если бы такого писателя с такой повестью и не было, то их определенно стоило бы придумать».

Да ничего, к сожалению, не выдуманно.

Когда в Кимрах вспоминают великих земляков, в первую очередь называют авиаконструктора А.Н. Туполева, потом – писателя Александра Фадеева, затем – кимрского фотолетописца Л.В. Шокина и прекрасную наивную художницу Любовь Майкову, «бабу Любу», которая писать маслом начала чуть ли не в 80 лет, причем призвание снизошло к ней властно, как Божий дар, так что она не шутя говаривала: «Если я не порисую, то умру».

Но несостоявшийся талант – явление не менее таинственное, чем талант, реализовавший себя. Есть поистине драматическая загадка в том, почему призванный не осуществил свое

призвание. Не доверяя вполне себе, своему таланту, вечно сомневаясь в праве своего суждения (тем более такого спорного, такого опасного в приснопамятные годы), Громов невольно соскальзывает в самоедство, которого, быть может, не было бы, будь он прочитан, принят, понят хоть кем-нибудь, кроме домашних... Но что значит – «быть понятым» в советской литературе тех лет, когда рапповская критика глумилась над отсталым гуманизмом, а Горький собирал всех писателей в один колхоз? Если бы Громов знал хоть кого-нибудь из «настоящих», устоявших в этом потоке славословия и вранья – вот хотя бы Андрея Платонова, – он бы, возможно, не совершил роковой шаг. До комнаты Платонова на Тверском Громову с Остоженки пешим ходом было полчаса. Но он о Платонове ничего не знал. И был абсолютно, космически одинок. Но зато он не соврал, не сфальшивил, не искутился радостями жизни в богатой кислородом пене литературного официоза.

Он умер совершенно безвестным, неуклонно и сурово доделав посильный ему труд. И хотя главное детище свое он, отчаявшись, предал огню, книгу своей мечты – в которой была бы «вся жизнь на все времена» – он все-таки написал. Это дневники. Потрясающая панорама «внешней» и «внутренней» жизни за тридцать лет. Почему я и думаю подчас, что дневник – это, возможно, единственная и самая главная книга, которую пишет писатель.

Не думаю, что, рассказав эту историю, я подарил Кимрам героя. Но в «человеческой комедии» жизни есть место не только героям, не только победам и не только пламенным чувствам триумфаторов. Есть упрямая, хотя до поры совершенно бесплодная, борьба духа, полосу безвременья и тьмы, утрат невозвратимых и безвестного подвижничества, из которых по-своему выпевается мелодия жизни: в этом еще не раз предстоит убедиться нам, следуя по Волге дальше – на Калязин и Углич. ■

Канал – это не только водоснабжение, но и транспортная артерия...